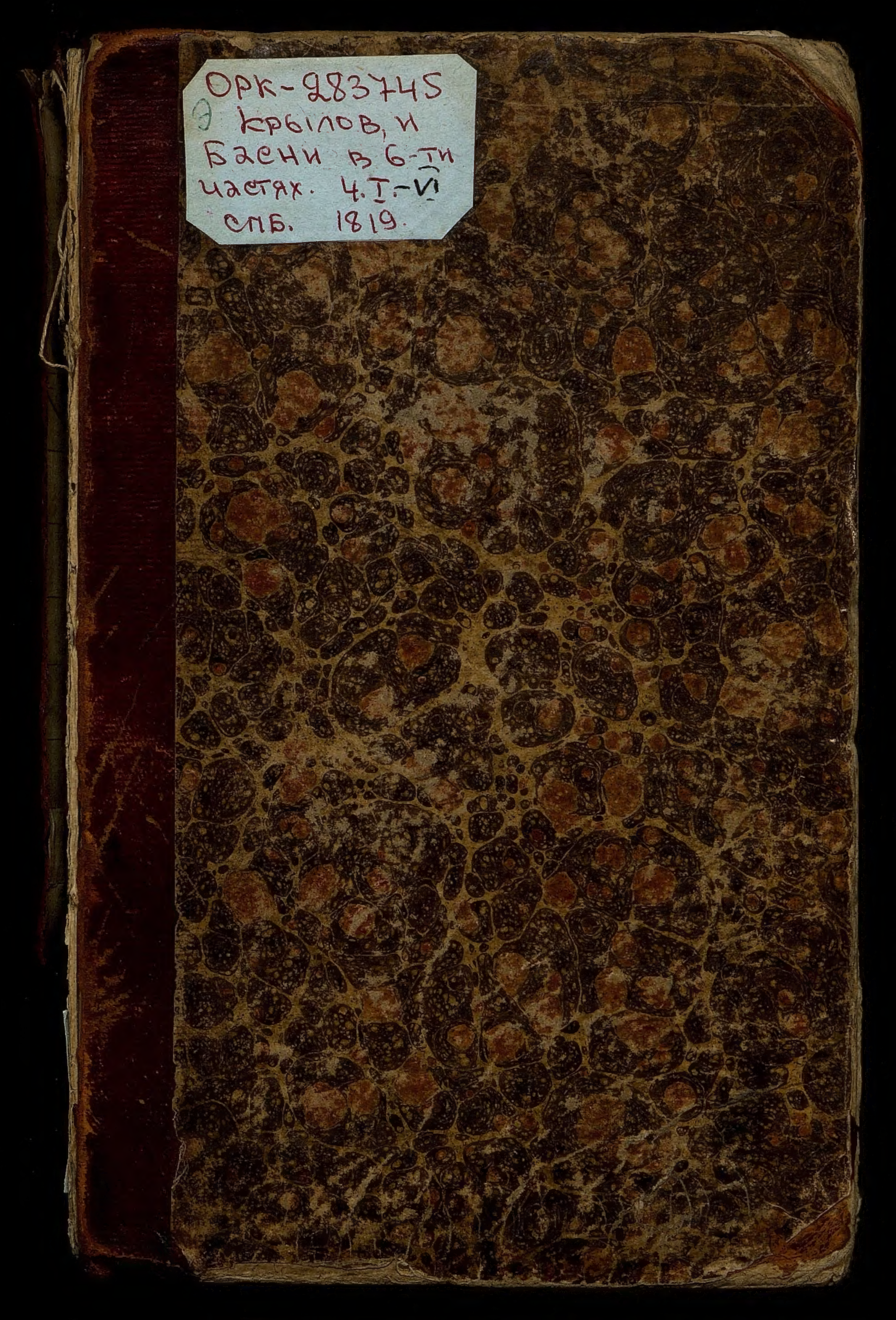
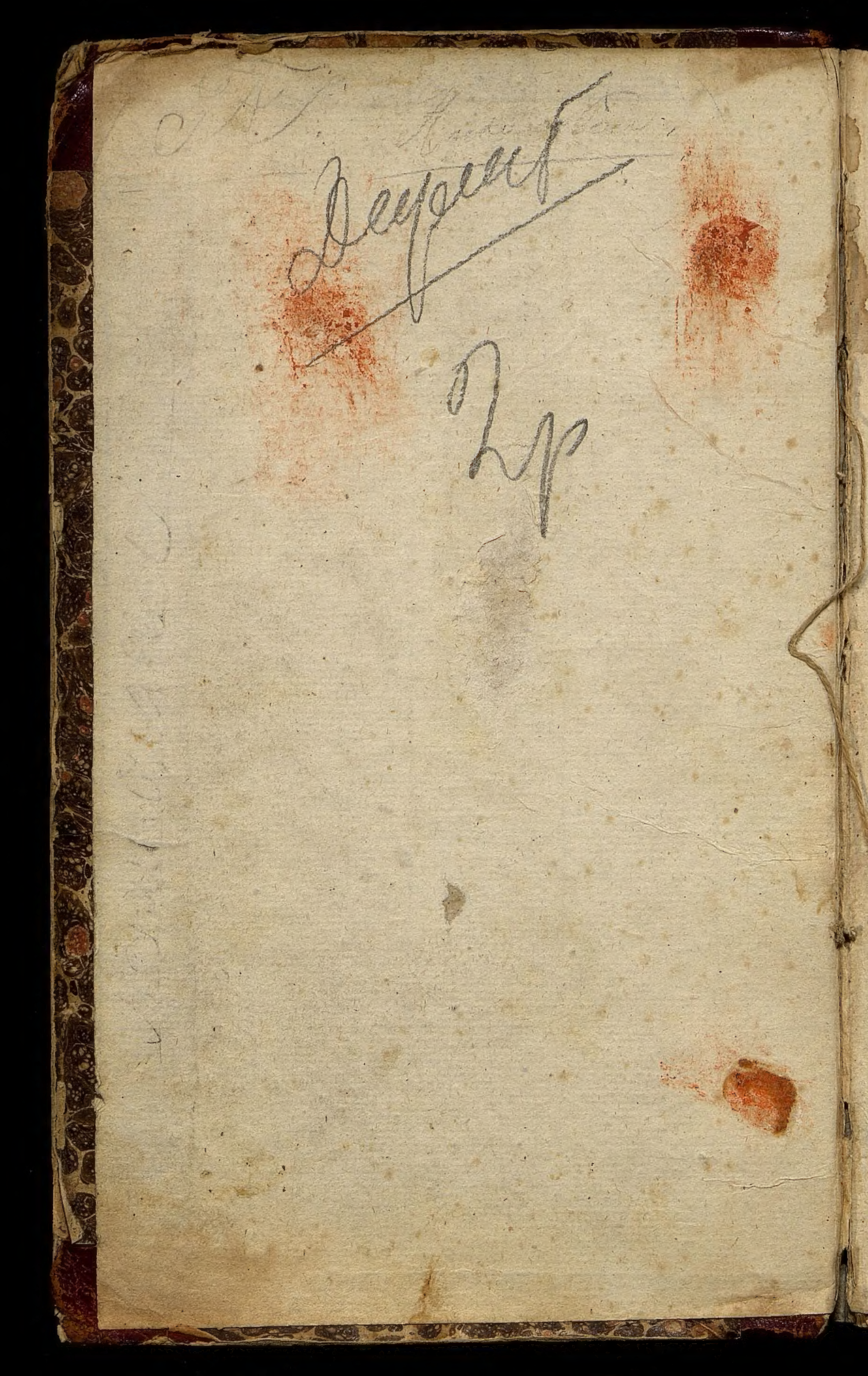
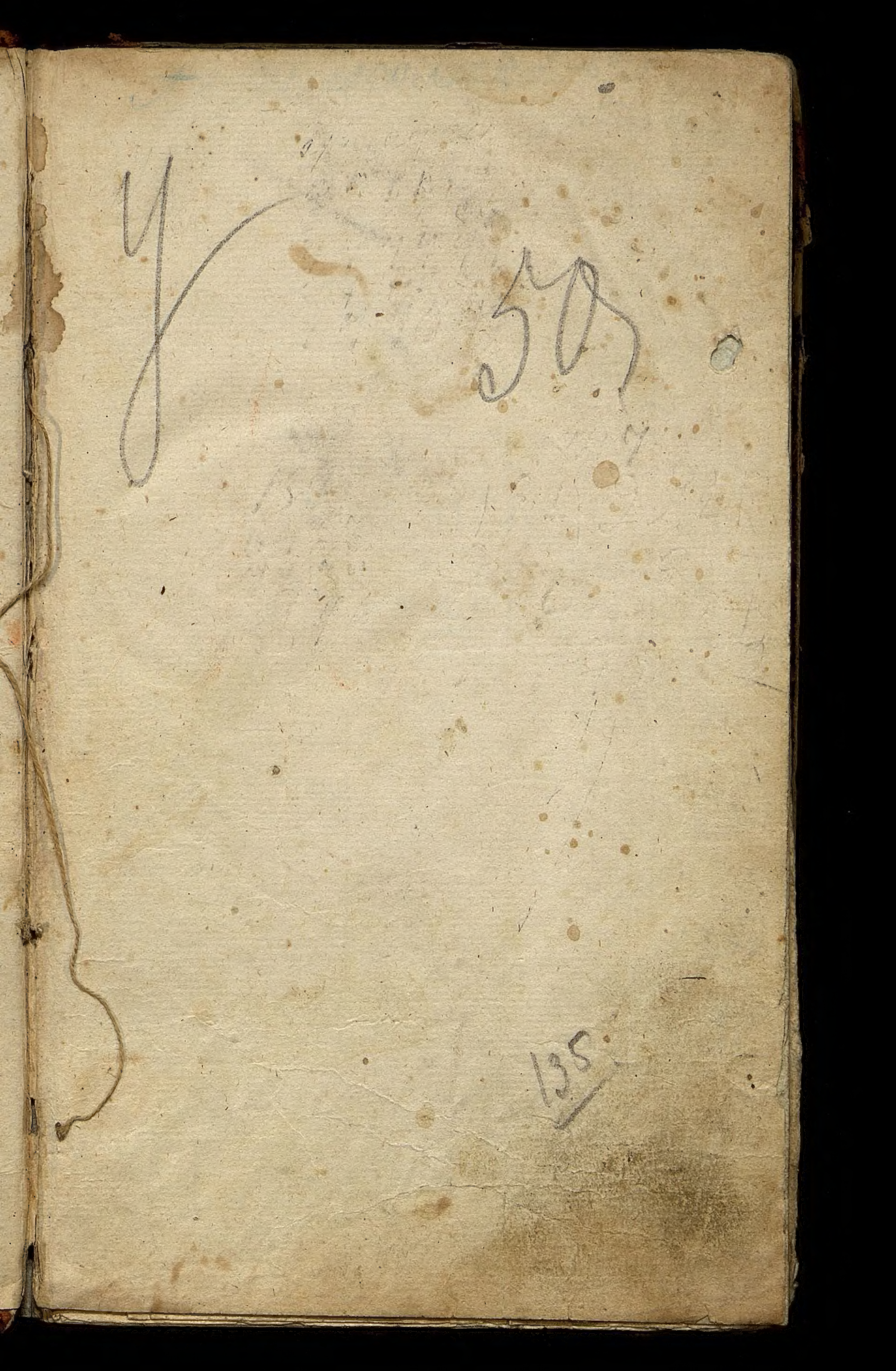
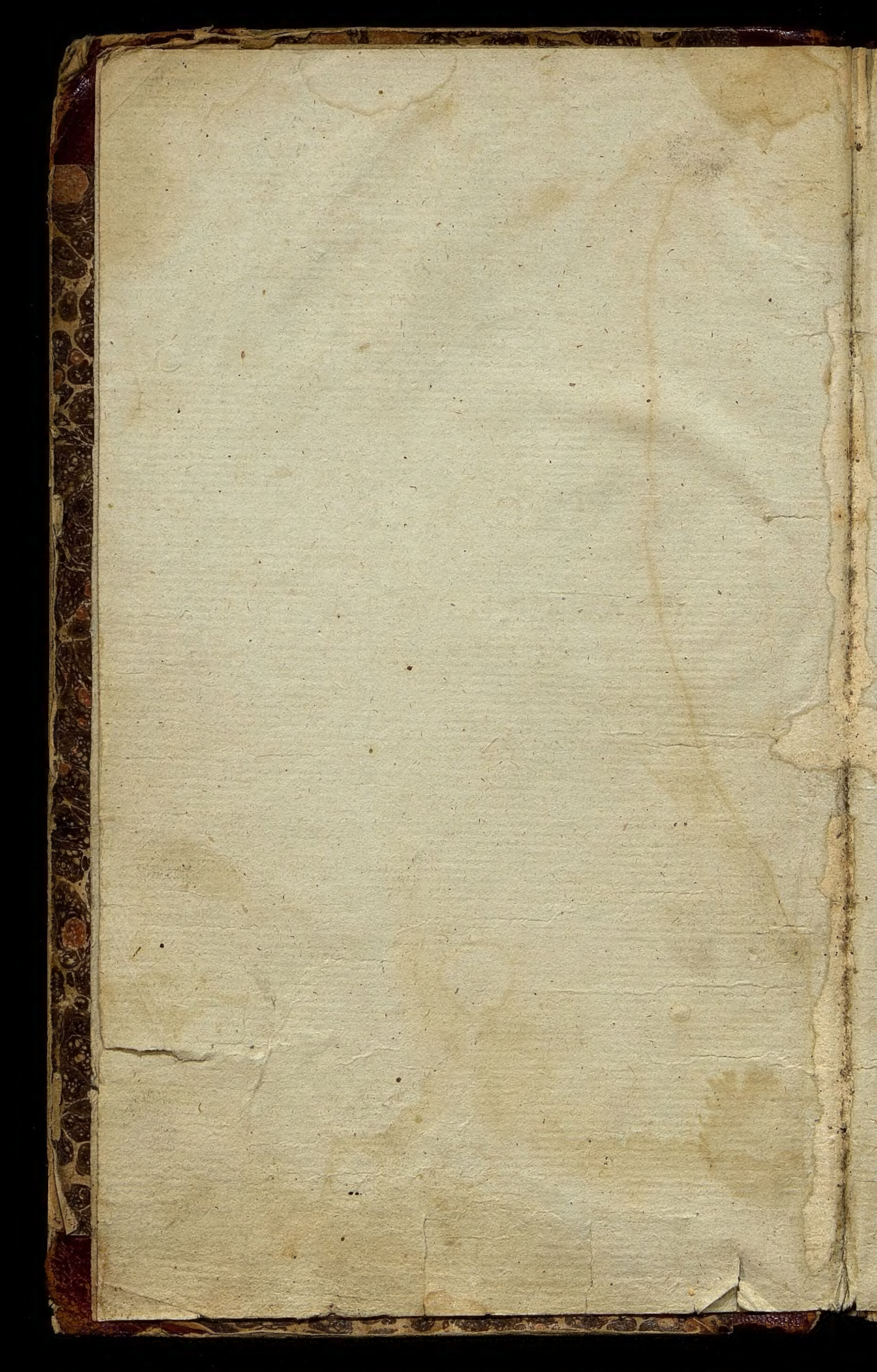

ОРК-283745
Э
Крылов, И
Басни в 6-ти
частях. Ч. I.-VI
СПБ. 1819.

2р

Y
135

БАСНИ

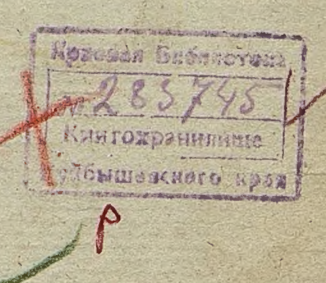
И. А. КРЫЛОВА.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Иждивенiемъ Содержателя театральной типографiи
Александра Похорскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографiи Императорскаго театра,
1819.

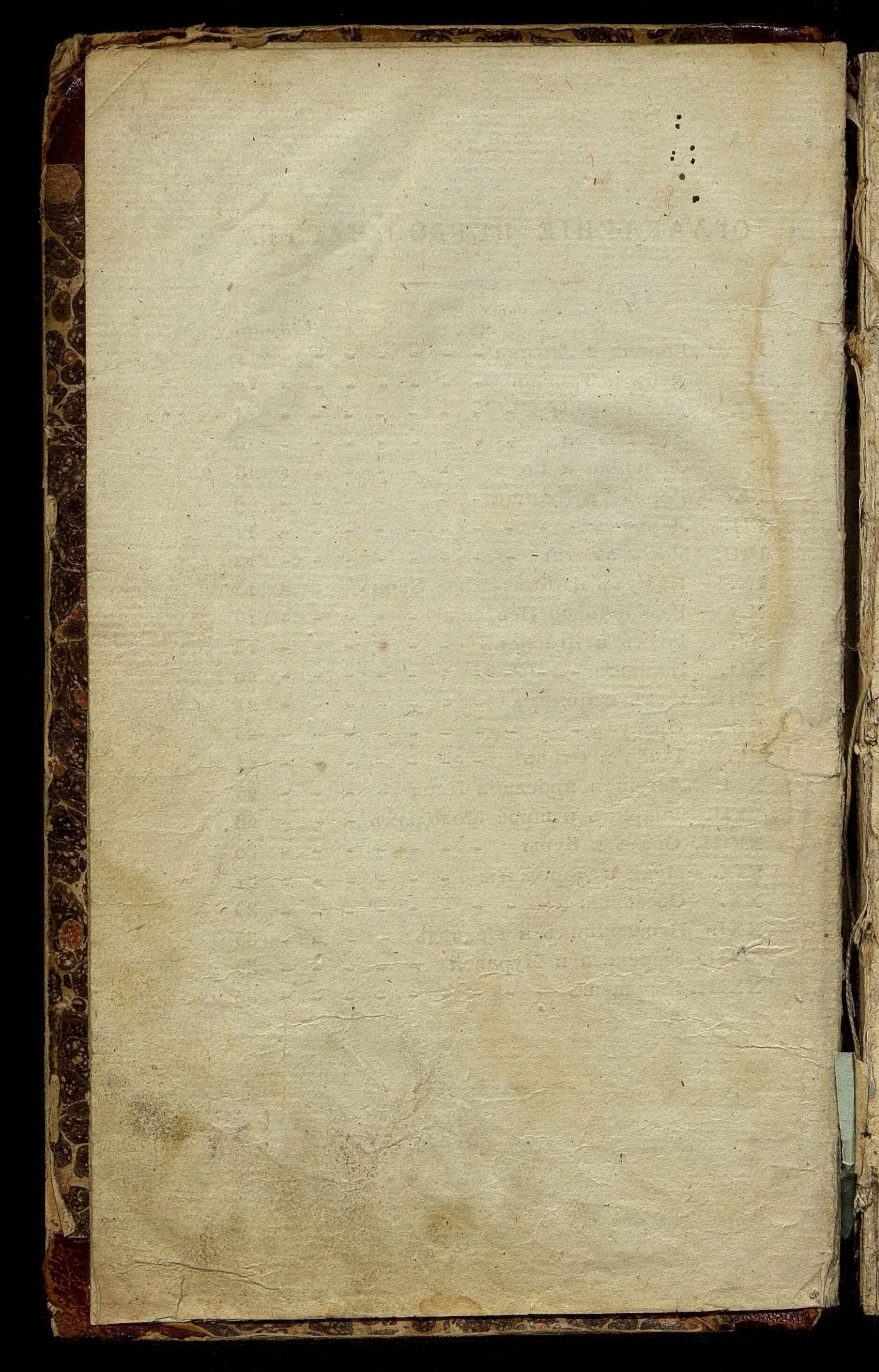
НОВЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства народнаго просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Октября 8 дня, 1818 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Ив. Тимковской.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

БАСНИ.

I.

ВОРОНА и ЛИСИЦА.

Ужъ сколько разъ твердили мiру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не въ прокъ,
И въ сердцѣ льстецъ всегда отъищетъ уголокъ.

Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочикъ сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсѣмъ ужь собралась,
Да позадумалась, а сыръ во рту держала.
На ту бѣду Лиса близехонько бѣжала.
Вдругъ сырный духъ Лису остановилъ;
Лисица видитъ сыръ, — Лисицу сыръ плѣнилъ.
Плутовка къ дереву на цыпочкахъ подходитъ,
Вертитъ хвостомъ, съ Вороны глазъ несводитъ
И говоритъ такъ сладко, чуть дыша:
Голубушка, какъ хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Расказывать, такъ право сказки!
Какiя перушки! какой носокъ!
И вѣрно ангельской быть долженъ голосокъ.
Спой, свѣтикъ, не стыдись. — Что, екели, сестрица,

При красотѣ такой и пѣть ты мастерица,
Вѣдь тыбъ у насъ была царь птица!
Вѣщуньина съ по-валъ вскружилась голова,
Отъ радости въ зобу дыханье сперло;
И на привѣтливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло;
Сыръ выпалъ — съ нимъ была плутовка такова.

II.

ДУБЪ и ТРОСТЬ.

Тростинкѣ какъ-то Дубъ изволилъ сдѣлать
честь,
Съ ней разговоръ завесть.
Какъ мало о тебѣ заботится природа!
Онъ началъ, вѣдь тебѣ овсянка ужъ тяжка;
Чуть мѣлкой рябью лишь погода
Подернетъ по водѣ слегка,
Нагнешься такъ ты сиротливо!...
Тогда, какъ я — чело подъемля горделиво,
До мѣстъ, гдѣ видишь ты небесную лазур
Спокойно вѣтьви вкругъ мои разпространяя
Отъ солнца цѣлыя долины заслоняю,
И посмѣваяся порывамъ злѣйшихъ бурь
Какъ будтобъ огражденъ ненарушимымъ мір
Ни вихремъ, ни грозой, стою неколебим
Какъ разенъ жребій мой съ твоимъ!
Тебѣ все бурей, мнѣ все кажется зефиромъ.

Хотябъ ужь ты въ окружности росла
Моею тѣнію покрытой,
То былъ бы я тебѣ защитой;
Но васъ природа развела
По тинистымъ брегамъ Эолова владѣнья.
Конечно въ ней о васъ ни мало нѣтъ радѣнья. —
Ты очень жалостливъ, сказала Трость въ отвѣтъ;
Однако не крушись, мнѣ столько худа нѣтъ.
Не за себя я вихрей опасаюсь:
Хоть я и гнусь, но не ломаюсь;
А ты хотя еще не уклонялъ лица,
Какъ сдерживалъ порывы бурь ужасны,
И всѣ усилья ихъ погнуть тебя напрасны;
Но подождемъ конца. —
Едва лишь это Трость сказала,
Вдругъ мчится съ сѣверныхъ сторонъ,
Взвивая пыль столбомъ, ревущій Аквилонъ.
Уперся Дубъ; къ землѣ Тростиночка припала;
Бушуетъ вѣтръ — всѣ силы собралъ онъ,
И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто небесамъ главой своей касался,
И въ области тѣней пятою упирался.

---

*

III.

МУЗЫКАНТЫ.

Сосѣдъ сосѣда звалъ откушать;
Но умыселъ другой тутъ былъ:
Хозяинъ музыку любилъ,
И заманилъ къ себѣ сосѣда пѣвчихъ слушать.
Запѣли молодцы, кто въ лѣсъ, кто по дрова,
И у кого что силы стало.
Въ ушахъ у гостя затрещало
И закружилась голова.
Помилуй ты меня, сказалъ онъ съ удивленьемъ,
Чѣмъ любоваться тутъ? твой хоръ
Горланитъ вздоръ.
То правда, отвѣчалъ хозяинъ съ умиленьемъ,
Они немножечко дерутъ,
За то ужь въ ротъ хмѣльнова не берутъ,
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.

А я скажу: по мнѣ ужь лучше пей,
Да дѣло разумѣй

IV.

ДВА ГОЛУБЯ.

Два Голубя, какъ два родные брата жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужь вѣрно тамъ;
И радость и печаль, все было пополамъ.
Не видѣли они какъ время пролетало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.
Ну кажется, кудабъ хотѣть
Или отъ милой иль отъ друга?
Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть,
Диковинки земнова круга
Судить и видѣть самъ собой;
Ложь съ истиной сличить, повѣрить быль съ молвой.
Во снѣ и на яву онъ путь лишь видитъ свой,
И ни о чемъ другомъ не можетъ рта розинуть.—
Куда ты? говоритъ сквозь слезъ ему другой;
Иль друга хочешь ты покинуть?
Безсовѣстной! когда меня тебѣ не жаль,
Такъ вспомни хищныхъ птицъ, силки, грозы ужасны,
И все, чѣмъ странствія опасны;
Хоть подожди весны летѣть въ такую даль:
Ужь я тебя тогда удерживать не буду.
Теперь же кормъ и скуденъ такъ и малъ;
Да чу! и воронъ прокричалъ;
Вѣдь это вѣрно къ худу.
Останься дома, милой мой!

Ну намъ вѣдь весело съ тобой;
Кудажъ еще тебѣ летѣть — не разумѣю?
А я такъ безъ тебя совсѣмъ осиротѣю.
Силки, да коршуны, да громы только мнѣ
Казаться будутъ и во снѣ.
Все стану надъ тобой бояться я несчастья.
Чуть тучка лишь надъ головой,
Я буду говорить: ахъ! гдѣ-то братецъ мой?
Здоровъ ли, сытъ ли онъ, укрытъ ли отъ ненастья? —
Растрогала рѣчь эта Голубка;
Жаль братца, да летѣть охота велика;
Она и разсуждать и чувствовать мѣшаетъ.
Не плачь, мой милой! такъ онъ друга утѣшаетъ;
Я на три дни съ тобой не больше разлучусь;
Все наскоро въ пути замѣчу — на полетѣ,
И осмотрѣвъ, что есть диковиннѣй на свѣтѣ,
Подъ крылышко къ дружку назадъ я ворочусь.
Тогда-то будетъ намъ о чемъ повесть словечко!
Я вспомню каждой часъ и каждое мѣстечко:
Все разскажу: дѣлаль, обычай ли какой,
Иль гдѣ какое видѣлъ диво!
Ты, слушая меня, представишь все такъ живо,
Какъ будтобъ самъ леталъ ты по свѣту со мной!
Тутъ (дѣлать нечего) друзья поцѣловались,
Простились и разстались. —
Вотъ странникъ нашъ летитъ; вдругъ встрѣчу дождь и громъ;
Подъ нимъ какъ Океанъ синѣетъ степь кругомъ.
Гдѣ дѣться? — Къ счастiю засохшiй дубъ попался;
Кой какъ угнѣздился, прижался
Къ нему нашъ голубокъ;

Но ни отъ вѣтра онъ укрыться тутъ не могъ,
Ни отъ дождя спастись; весь вымокъ и продрогъ.
Утихъ по малу громъ — чуть солнце просіяло,
Желанье подзывать бѣдняжку далѣ стало.
Встрехнулся и летитъ, летитъ и видитъ онъ
Въ заглушьи подъ лѣскомъ разсыпана пшеничка.
Спустился, — въ сѣти тутъ попалась наша птичка.
Бѣды со всѣхъ сторонъ!
Трепещется онъ, рвется, бьется;
По счастью сѣть стара; кой какъ ее прорвалъ,
Лишь ножку вывихнулъ, да крылышко помялъ;
Но не до нихъ, онъ прочь безъ памяти несется.
Вотъ пуще той бѣды, бѣда надъ головой!
Отколь ни взялся ястребъ злой.
Не взвидѣлъ свѣта Голубь мой;
Отъ ястреба изъ силъ послѣднихъ машетъ.
Ахъ! силы въ коротке совсѣмъ истощены.
Ужь когти хищные надъ нимъ распущены,
Ужь холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ....
Тогда орелъ съ небесъ направя свой полетъ,
Ударилъ въ ястреба всей силой,
И хищникъ хищнику достался на обѣдъ.
Межъ тѣмъ нашъ Голубь милой,
Въ низъ камнемъ ринувшись, прижался подъ плетнемъ.
Но тѣмъ еще не кончилось на немъ:
Одна бѣда всегда другую накликаетъ.
Ребенокъ черепкомъ намѣтя въ Голубка
(Сей возрастъ жалости не знаетъ),
Швырнулъ — и раскроилъ високъ у бѣдняка.

Тогда-то странникъ нашъ съ разбитой головою,
Съ попорченнымъ крыломъ, съ повихнутой ногою,
Кляня охоту видѣть свѣтъ,
Поплелся кое-какъ домой безъ новыхъ бѣдъ.
Счастливъ еще! — его тамъ дружба ожидаетъ.
Къ отрадѣ онъ своей
Услугу, лекаря и помощь видитъ въ ней;
Съ ней скоро всѣ бѣды и горе забываетъ.

О вы! которые объѣхать свѣтъ вокругъ
Желаніемъ горите,
Вы эту басенку прочтите
И въ дальной путь такой пускайтеся не вдругъ.
Чтобъ ни сулило вамъ воображенье ваше,
Но вѣрьте, той земли не сыщите вы краше,
Гдѣ ваша милая иль гдѣ живетъ вашъ другъ.

V.

Лягушка и Волъ.

Лягушка на лугу увидѣвши Вола,
Затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться:
Она завистлива была,
И ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться.
Смотри-ка, Квакушка, что, будуль я съ него?
Подругѣ говоритъ. — Нѣтъ, кумушка, далеко. —
Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну, каково?

Пополнилась ли я? — Почти что ничего. —
Ну, какъ теперь? — Все тожъ. — Пыхтѣла, да
пыхтѣла,
И кончила моя затѣйница на томъ,
Что не сравнявшися съ Воломъ,
Съ натуги лопнула и околѣла.

Примѣръ такой на свѣтѣ не одинъ;
И диво ли? когда жить хочетъ мѣщанинъ,
Какъ именитой гражданинъ,
А сошка мѣлкая — какъ знатной дворянинъ.

VI.

ВОРОНА и КУРИЦА.

Когда Смоленскій Князь
Противу дерзости искуствомъ воружась,
Вандаламъ новымъ сѣть поставилъ
И на погибель имъ Москву оставилъ;
Тогда всѣ жители, и малой и большой,
Часа не тратя, собралися,
И вонъ изъ стѣнъ Московскихъ поднялися,
Какъ изъ улья пчелиной рой. —
Ворона съ кровли тутъ на эту всю тревогу
Спокойно, чистя носъ, глядитъ. —
А ты чтожъ, кумушка, въ дорогу?
Ей съ возу Курица кричитъ;
Вѣдь говорятъ, что у порогу
Нашъ супостатъ. —

Мнѣ что до этова за дѣло!
Вѣщунья ей въ отвѣтъ; я здѣсь останусь смѣло.
Вотъ ваши сестры какъ хотятъ;
А вѣдь Воронъ ни жарятъ, ни варятъ,
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться;
А можетъ быть еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ нибудь.
Прощай, хохлаточка, — счастливой путь. —
Ворона подлинно осталась;
Но вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленской сталъ гостей,
Она сама — къ нимъ въ супъ попалась.

Такъ часто человѣкъ въ разсчетахъ слѣпъ и глупъ.
За счастьемъ, кажется, ты по пятамъ несешься;
А какъ на дѣлѣ съ нимъ сочтешься,
Попался какъ Ворона въ супъ.

VII.

ЛАРЧИКЪ.

Случается не рѣдко намъ
И трудъ и мудрость видѣть тамъ,
Гдѣ стоитъ только догадаться,
За дѣло просто взяться.

Къ кому-то принесли отъ мастера ларецъ.
Отдѣлкой, чистотой ларецъ въ глаза метался;
Ну всякой ларчикомъ прекраснымъ любовался.
Вотъ входитъ въ комнату механики мудрецъ.
Взглянувъ на ларчикъ, онъ сказалъ: ларецъ съ секретомъ;
Такъ, онъ и безъ замка;
А я берусь открыть, — да, да, увѣренъ въ этомъ;
Не смѣйтесь такъ изъ подтишка;
Я отыщу секретъ и ларчикъ вамъ открою.
Въ механикѣ и я чего нибудь да стою. —
Вотъ за ларецъ принялся онъ,
Вертитъ его со всѣхъ сторонъ,
И голову свою ломаетъ;
То гвоздикъ, то другой, то скобку пожимаетъ.
Тутъ глядя на него иной
Качаетъ головой;
Тѣ шепчутся, а тѣ смѣются межъ собой.
Въ ушахъ лишь только отдается:
Не тутъ, не такъ, не тамъ. — Механикъ пуще рвется.

Потѣлъ, потѣлъ, но наконецъ усталъ,
Отъ ларчика отсталъ,
И какъ открыть его, ни какъ не догадался;
А ларчикъ просто открывался.

VIII.

МОРЪ ЗВѢРЕЙ.

Лютѣйшій бичь небесъ, природы ужасъ — моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ. — Уныли звѣри;
Въ адъ распахнулись настижъ двери;
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ
горъ;
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы;
На часъ по тысячи валится ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Себѣ тогожь боясь, чуть бродятъ полумертвы.
Тѣжъ звѣри, да не тѣ въ великихъ тѣхъ бѣдахъ.
Не давитъ волкъ овецъ и смиренъ какъ монахъ;
Миръ курамъ давъ лиса, постится въ подзе-
мельѣ;
И пища имъ на умъ нейдетъ.
Съ голубкой голубь въ розь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужь веселье! —
Въ сей крайности совѣтъ звѣрей сзываетъ Левъ.
Тащатся шагъ за шагъ, чуть держатся въ
нихъ души;

Сбрелись, и въ тишинѣ царя вокругъ обсѣвъ,
Уставили глаза и приложили уши. —
О други! началъ Левъ, по множеству грѣховъ
Подпали мы подъ сильный гнѣвъ боговъ;
Такъ тотъ изъ насъ, кто всѣхъ виновенъ болѣ,
Пускай по доброй волѣ
Дозволитъ принести себя на жертву имъ.
Быть можетъ, что богамъ мы этимъ угодимъ,
И теплое усердье нашей вѣры
Смягчитъ жестокость гнѣва ихъ.
Кому невѣдомо изъ васъ, друзей моихъ,
Что добровольныхъ жертвъ такихъ
Бывали многіе въ исторіи примѣры.
И такъ, собравши духъ,
Пусть изповѣдуетъ здѣсь всякой въ слухъ,
Въ чемъ погрѣшилъ когда онъ вольно иль невольно.
Покаемся, мои друзья!
Охъ, признаюсь, хоть это мнѣ и больно,
Не правъ и я!
Овечекъ бѣдненькихъ, за что? совсѣмъ безвинно,
Диралъ безчинно;
А иногда, кто безъ грѣха,
Случалось, дралъ и пастуха;
И въ жертву предаюсь охотно.
Но лучшебъ намъ сперва всѣмъ вмѣстѣ перечесть
Свои грѣхи; на комъ ихъ болѣ есть,
Того бы въ жертву и принесть:
И было бы богамъ то болѣе угодно. —
О царь нашъ, доброй царь! отъ лишней доброты,
Лисица говоритъ, въ грѣхъ это ставишь ты.

Къ чему щадить овецъ? — Я думаю безъ лести,
И вѣрно всѣ согласны здѣсь со мной,
Для твари глупенькой такой,
Царю по вкусу быть чрезмѣрно много чести.
А что до пастуховъ, мы всѣ здѣсь бьемъ челомъ,
Ихъ чаще такъ учить — имъ это по дѣломъ.
Безхвостой этотъ родъ лишь глупой спесью
дышетъ
И нашими себя вездѣ царями пишетъ. —
Окончила Лиса; за ней, на тотъ же ладъ,
Льстецы Льву тоже говорятъ;
И всякой доказать спѣшитъ на перехватъ,
Что даже не въ чемъ Льву просить и отпущенья.
За Львомъ Медвѣдь и Тигръ, и Волки въ свой
чередъ,
Во весь народъ
Повѣдали свои смиренно прегрѣшенья;
Но ихъ безбожныхъ самыхъ дѣлъ
Никто и шевелить не смѣлъ;
И всѣ, кто былъ зубкомъ иль ноготкомъ богаты,
Тѣ вышли вонъ
Со всѣхъ сторонъ
Не только правы, чуть не святы.
Въ свой рядъ смиренный Волъ имъ такъ мы-
читъ: и мы
Грѣшны; тому давно, когда зимой кормы
Намъ были худы, —
На грѣхъ меня лукавой натолкнулъ, —
Ни гдѣ себѣ найти не могши ссуды,
Изъ стогу у попа я клокъ сѣнца стянулъ. —
При сихъ словахъ поднялся шумъ и толки;
Кричатъ Медвѣди, Тигры, Волки:

Смотри, злодѣй какой!
Чужое сѣно ѣсть! — Ну диво ли, что боги
За беззаконіе его къ намъ столько строги? —
Его безчинника съ рогатой головой,
Его принесть богамъ за всѣ его проказы,
Чтобъ и тѣла намъ спасть и нравы отъ заразы.
По немъ у насъ и моръ такой. —
Приговорили,
И на костеръ Вола взвалили.

И въ людяхъ также, говорятъ,
Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

IX.

ПѢТУХЪ и ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно,
И говоритъ: куда оно
Какая вещь пустая!
Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнятъ;
А я бы право былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному; оно не столь хоть видно,
Да сытно.

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ
пустякъ.

X.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВѢСТА.

Невѣста дѣвушка смышляла жениха.
Тутъ нѣтъ еще грѣха;
Да вотъ что грѣхъ: она была спѣсива.
Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ, и въ чести, и молодъ былъ бы онъ,
(Красавица была немножко прихотлива),
Ну, чтобы все имѣлъ. Ктожъ можетъ все имѣть?
Еще и то замѣть;
Чтобы любить ее, а ревновать не смѣть.
Хоть чудно, только такъ была она счастлива,
Что женихи, какъ на отборъ,
Презнатные катили къ ней на дворъ.
Но въ выборѣ ея и вкусъ и мысли тонки:
Такіе женихи другимъ невѣстамъ кладъ:
А ей они на взглядъ
Не женихи, а женишонки!
Ну, какъ ей выбирать изъ этихъ жениховъ!
Тотъ не въ чинахъ, другой безъ орденовъ;
А тотъ бы и въ чинахъ, да жаль, карманы пусты!
То носъ широкъ, то брови густы;
Тутъ едакъ, тамъ не такъ;
Ну, не придетъ никто по-мысли ей ни какъ. —
Посмолкли женихи, — годка два перепали,
Другіе новыхъ свахъ заслали,
Да только женихи середней ужь руки.
Какіе простаки!
Твердитъ красавица, по нихъ ли я невѣста!
Ну, право ихъ затѣи не у мѣста. —

И не такихъ я жениховъ
Съ двора съ поклономъ проводила;
Пойдуль я за кого изъ этихъ чудаковъ,
Какъ будтобъ я себя замужствомъ торопила!
Мнѣ жизнь дѣвическа ни чуть не тяжела:
День весела — и ночь я право сплю спокойно;
Такъ замужъ кинуться ни чуть мнѣ не пристойно.
Толпа и эта уплыла.
Потомъ отказы слыша тѣже,
Ужь стали женихи навертываться рѣже,
Проходитъ годъ
Ни кто нейдетъ.
Еще минулъ годокъ, — еще уплылъ годъ цѣлой;
Къ ней свахъ ни кто не шлетъ.
Вотъ наша дѣвушка ужь стала дѣвой зрѣлой;
Зачнетъ считать своихъ подругъ —
(А ей считать большой досугъ),
Та замужемъ давно, другую сговорили;
Ее какъ будто позабыли.
Закралась грусть въ красавицыну грудь.
Посмотришь — зеркало докладывать ей стало,
Что каждый день, а что нибудь
Изъ прелестей ея лихое время крало.
Сперва румянца нѣтъ, тамъ живости въ глазахъ,
Умильны ямочки пропали на щекахъ,
Улыбки, рѣзвости, какъ будто ускользнули, —
Тамъ волоска два три сѣдые проглянули.
Бѣда со всѣхъ сторонъ.
Бывало безъ нее собранье не прелестно;
Отъ плѣнниковъ ея вкругъ ней бывало тѣсно;
А нынѣ? — ахъ! ее зовутъ ужь на бостонъ.

Вотъ тутъ спѣсивица перемѣняетъ тонъ.
Разсудокъ ей велитъ замужствомъ торопиться;
Перестаетъ она гордиться.
Какъ косо на мужчинъ дѣвица ни глядитъ,
А сердце ей за насъ всегда свое твердитъ. —
Чтобъ въ одиночествѣ не кончить вѣку,
Красавица, пока совсѣмъ не отцвѣла,
За перваго, кто къ ней присватался, пошла;
И рада, рада ужь была,
Что вышла за колѣку.

XI.

ВОЛКЪ и ЯГНЕНОКЪ.

У сильнаго всегда безсильный виноватъ;
Тому въ исторіи мы тьму примѣровъ слышимъ.
Но мы исторіи не пишемъ;
А вотъ о томъ какъ въ басняхъ говорятъ.

Ягненокъ въ жаркой день зашелъ къ ручью напиться;
И надо же бѣдѣ случиться,
Что около тѣхъ мѣстъ голодной рыскалъ Волкъ.
Ягненка видитъ онъ, — на добычу стремится;
Но дѣлу дать хотя законный видъ и толкъ,
Кричитъ: какъ смѣешь ты, наглецъ, нечистымъ рыломъ
Здѣсь чистое мутить питье
Мое

Съ пескомъ и съ иломъ!
За дерзость такову
Я голову съ тебя сорву. —
Когда свѣтлѣйшій Волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Отъ свѣтлости его шаговъ я на сто пью;
И гнѣваться напрасно онъ изволитъ:
Питья мутить ему ни какъ я не могу. —
По этому я лгу?
Бездѣльникъ! слыханаль такая дерзость въ свѣтѣ!
Да помнится, что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ.
Я этова, пріятель, не забылъ. —
Помилуй, мнѣ еще и отъ роду нѣтъ году,
Ягненокъ говоритъ. — Такъ это кумъ иль сватъ,
И словомъ кто нибудь изъ вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы всѣ мнѣ зла хотите,
И если можете, то мнѣ всегда вредите;
Но я съ тобой за ихъ развѣдаюсь грѣхи. —
Ахъ! я чѣмъ виноватъ? — Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, щенокъ!
Ты виноватъ ужь тѣмъ, что хочется мнѣ кушать. —
Сказалъ, и въ темной лѣсъ Ягненка поволокъ.

XII.

ПАРНАСЪ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ,
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,
Кому-то и Парнасъ тогда отмежевали.
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъ Ословъ,
Ослы, не знаю, какъ-то знали,
Что прежде Музы тутъ живали,
И говорятъ: не даромъ насъ
Пригнали на Парнасъ.
Знать Музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ, чтобъ мы здѣсь пѣли.
Смотрите же, кричитъ одинъ, не унывай;
Я затяну, а вы не отставай.
Друзья! робѣть не надо;
Вы видите, насъ цѣлое здѣсь стадо;
То какъ не замѣнить намъ девяти сестеръ.
Подымемъ музыку, составимъ свой мы хоръ;
А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ Ослинова приятства,
Не принимать тѣхъ на Парнасъ.
Одобрили Ослы Ослово
Красно-хитро-сплетенно слово,
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазаныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнаса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется, невѣжамъ не во гнѣвъ,
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

XIII.

ЛЕВЪ и КОМАРЪ.

Безсильному не смѣйся
И слабова обидѣть не моги:
Мстятъ сильно иногда безсильные враги;
Такъ слишкомъ на свою ты силу не надѣйся.
Послушай басню здѣсь о томъ,
Какъ больно Левъ за спесь наказанъ Комаромъ;
Вотъ что я слышалъ стороною.
Сухое къ Комару явилъ презрѣнье Левъ.
Зло взяло Комара; обиды не стерпѣвъ,
Собрался, поднялся Комаръ на Льва войною.
Самъ ратникъ, самъ трубачь, пищитъ во всю
гортань
И вызываетъ Льва на смертоносну брань.
Льву смѣхъ, но нашъ Комаръ не шутитъ;
То съ тылу, то въ глаза, то въ уши Льву онъ
трубитъ;
И мѣсто высмотрѣвъ и время улуча,
Орломъ на Льва пустился,
И Льву въ крестецъ всѣмъ жаломъ впился.
Левъ дрогнулъ и взмахнулъ хвостомъ на тру-
бача.

Увертливъ нашъ Комаръ, да онъ же и не трусишъ:
Льву сѣлъ на самый лобъ и Львину кровь сосетъ.
Левъ голову крушитъ, Левъ гривою трясетъ;
Но нашъ герой свое несетъ;
То въ носъ забьется Льву, то въ ухо Льва укусишъ.
Вздурился Левъ,
Престрашный поднялъ ревъ.
Деретъ сыру землю когтями онъ и зубомъ.
Отъ рыка грознаго окружный лѣсъ дрожитъ;
Страхъ обнялъ всѣхъ звѣрей, все кроется, бѣжитъ;
Отъ коль у всѣхъ взялися ноги,
Какъ будто бы пришелъ потопъ или пожаръ —
Иктожъ? Комаръ
Надѣлалъ столько всѣмъ тревоги.
Рвался, метался Левъ, и выбившись изъ силъ,
О землю грянулся и миру запросилъ.
Насытилъ злость Комаръ, — Льва жалуетъ онъ миромъ,
Изъ Ахиллеса вдругъ становится Омиромъ,
И самъ
Летитъ трубить свою побѣду по лѣсамъ.

XIV.

ОРАКУЛЪ.

Въ какомъ-то капищѣ былъ деревянный богъ,
И сталъ онъ говорить пророчески отвѣты,
И мудрые давать совѣты.
За то отъ головы до ногъ
Обвѣшенъ и сребромъ и златомъ;
Стоялъ въ нарядѣ пребогатомъ;
Заваленъ жертвами, мольбами заглушенъ,
И фиміямомъ задушенъ.
Въ Оракула всѣ вѣрятъ слѣпо;
Какъ вдругъ, о чудо! о позоръ!
Заговорилъ Оракулъ вздоръ;
Сталъ отвѣчать нескладно и нелѣпо,
И кто къ нему за чемъ ни подойдетъ,
Оракулъ нашъ что молвитъ, то совретъ;
Ну такъ, что всякой дивовался,
Куда пророческой въ немъ даръ дѣвался?
А дѣло въ томъ,
Что идолъ былъ пустой, и саживались въ немъ
Жрецы вѣщать мірянамъ.
И такъ,
Пока былъ умный жрецъ, кумиръ не путалъ вракъ;
А какъ засѣлъ въ него дуракъ,
То идолъ сталъ болванъ болваномъ.

Я слышалъ, правдаль, будто въ старь
Судей такихъ видали,
Которые весьма умны бывали,
Пока у нихъ былъ умный секретарь.

XV.

РОЩА и ОГОНЬ.

Съ разборомъ выбирай друзей.
Когда корысть себя личиной дружбы кроетъ,
Она тебѣ лишь яму роетъ.
Чтобъ эту истину понять еще яснѣй,
Послушай басенки моей.

Зимою Огонекъ подъ Рощей тлился;
Какъ видно путъ онъ былъ дорожными забытъ.
Часъ отъ часу огонь слабѣе становился;
Дровъ новыхъ нѣтъ, огонь мой чуть горитъ,
И видя свой конецъ, такъ Рощѣ говоритъ:
Скажи мнѣ, Роща дорогая,
За что твоя такъ участь жестока,
Что на тебѣ не видно ни листка,
И мерзнешь ты совсѣмъ нагая? —
За тѣмъ, что вся въ снѣгу,
Зимой ни зеленѣть, ни цвѣсть я не могу,
Огню такъ Роща отвѣчаетъ.
Все это ничего, Огонь ей продолжаетъ,
Лишь подружись со мной, тебѣ я помогу.
Я солнцевъ братъ, и зимнею порою
Чудесъ не меньше солнца строю.
Спроси въ теплицахъ объ Огнѣ.
Зимой, когда кругомъ и снѣгъ и вьюга вѣетъ,
Тамъ все или цвѣтетъ иль зрѣетъ;
А все за все спасибо мнѣ.
Хвалить себя хоть не пристало;
Однако же сказать я не запнусь,

Что я въ могуществѣ и съ солнцемъ потянусь.
Какъ здѣсь оно спѣсиво ни блистало,
Но безъ вреда снѣгамъ спустилось на ночлегъ;
А около меня, смотри, какъ таетъ снѣгъ.
И такъ, когда зимою
Ты хочешь зеленѣть, какъ лѣтомъ и весною,
Такъ только у себя мнѣ дай ты уголокъ.
Вотъ дѣло слажено, — ужь въ Роіцѣ Огонекъ
Становится Огнемъ, — Огонь не дремлетъ;
Бѣжитъ по вѣтьвямъ, по сучкамъ,
Клубами черный дымъ несется къ облакамъ,
И пламя лютое всю Рощу вкругъ объемлетъ.
Погибло все въ конецъ; и тамъ, гдѣ въ знойны дни
Прохожій находилъ убѣжище въ тѣни,
Лишь обгорѣлые пеньки стоятъ одни.
И не чему дивиться,
Какъ дереву съ огнемъ дружиться!

XVI.

ЛЯГУШКИ ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало не угодно
Правленіе народно,
И показалось имъ совсѣмъ не благородно
Безъ службы и на волѣ жить.
Чтобъ горю пособить,
То стали у боговъ Царя они просить.
Хоть слушать всякой вздоръ богамъ бы и не
сродно,

На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ;
Далъ имъ Царя. — Летитъ къ нимъ съ шумомъ
Царь съ небесъ,
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство.
Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шопотомъ Царю по кельямъ дивовались.
И подлинно что Царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ,
Дородствомъ, ростомъ великанъ;
Ну посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ Царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ ни кто;
Со страхомъ на него глядятъ они, — и то
Украдкой, изъ дали, сквозь аиръ и осоку;
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которомубъ не пригля дѣлся свѣтъ,
То и они сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ Царю подползть съ преданностью
дерзнули.
Сперва передъ Царемъ ничкомъ;
А тамъ кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему
бочкомъ;
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которые еще поудалѣй,
Къ Царю садятся ужь и задомъ.
Царь терпитъ все по милости своей.

Не много погодя посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочетъ.
Въ три дни наскучило съ такимъ Царемъ житье.
Лягушки новое челобитье,
Чтобъ имъ Юпитеръ въ ихъ болотную державу
Далъ подлинно Царя на славу!
Молитвамъ теплымъ ихъ внемля,
Послалъ Юпитеръ къ нимъ на царство Журавля.
Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инова нрава;
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ, а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ ни кого.
За то ужь у него
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ черный годъ.
Въ Лягушкахъ каждый день великой недочотъ.
Съ утра до вечера ихъ Царь по царству ходитъ,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ засудитъ и проглотитъ.
Вотъ пуще прежняго и кваканье и стонъ,
Чтобъ имъ Юпитеръ снова
Пожаловалъ Царя инова,
Что нынѣшній ихъ Царь глотаетъ ихъ какъ мухъ;
Что даже имъ не льзя, какъ это не ужасно!
Ни носу выставить, ни квакнуть безопасно;
Что наконецъ ихъ Царь тошнѣе имъ засухъ.
Почтожъ вы прежде жить счастливо не умѣли?
Не мнѣль, безумные! вѣщалъ имъ съ неба гласъ,
Покою не было отъ васъ?

Не вы ли о Царѣ мнѣ уши прошумѣли?
Вамъ данъ былъ Царь, такъ тотъ былъ слишкомъ тихъ —
Вы взбунтовались въ вашей лужѣ.
Другой вамъ данъ, такъ этотъ очень лихъ.
Живитежъ съ нимъ, чтобъ не было вамъ хуже.

XVII.

СТАРИКЪ и ТРОЕ МОЛОДЫХЪ.

Какой-то старичокъ развесть задумалъ садъ.
Пускай бы строиться, да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужь вонъ глядишь изъ свѣта?
Какой тутъ складъ!
Ну право дожилъ ты старинушка до дѣтства!
Не двѣстижъ лѣтъ въ твоемъ написаны вѣку.
Такъ говорили Старику
Три взрослыхъ молодца изъ ближняго сосѣдства,
Смѣясь его трудамъ.
Признайся самъ,
Что эти замыслы не по твоимъ годамъ.
А лучше бы тебѣ молиться дома Богу
Объ отпускѣ грѣховъ своихъ,
Да собираться бы въ могилу по немногу;
А мѣстобъ здѣсь свое очистить для другихъ.
Ну что тебѣ охоты
Черезъ полвѣка ждать успѣха отъ работы?

Оставь ужь молодымъ такія ты заботы.
Намъ можно позволять
Себя столь дальною надеждою ласкать;
А въ старости глубокой, хилой,
Приличнѣе всего знакомиться съ могилой.—
Друзья! смиренно имъ отвѣтствуетъ Старикъ,
Къ трудамъ изъ дѣтства я привыкъ;
А если отъ того, что дѣлать начинаю,
Не мнѣ лишь одному я пользы ожидаю;
То признаюсь,
За трудъ такой еще охотнѣй я берусь.
Чему же вамъ дивиться?
Садъ этотъ разводя и тѣмъ я веселюсь,
Что если тѣни сихъ деревьевъ не дождусь,
То внукъ мой нѣкогда ихъ тѣнью прохладится.
Да можноль и за то ручаться напередъ,
Кто здѣсь изъ насъ кого переживетъ?
Смерть смотритъ ли на молодость, на силу,
Или на прелесть лицъ?
Ахъ! въ старости моей прекраснѣйшихъ дѣвицъ
И крѣпкихъ юношей, я провожалъ въ могилу.
Кто знаетъ, можетъ быть, что вашъ и ближе часъ,
И что сыра земля покроетъ прежде васъ.—
Какъ имъ сказалъ Старикъ, такъ послѣ то и было.
Одинъ изъ нихъ въ торги пошелъ на корабляхъ;
Надеждой счастіе сперва ему польстило;
Но бурею корабль разбило;
Надежду и пловца, все море поглотило.
Другой въ чужихъ земляхъ,
Предавшися порока власти,

За роскошь, нѣгу и за страсти
Здоровьемъ, а потомъ и жизнью заплатилъ.
А третій въ жаркой день холоднаго изпилъ
И слегъ; — его врачамъ искуснымъ поручили,
А тѣ его до смерти залечили.
Узнавши о кончинѣ ихъ,
Нашъ добрый Старичокъ оплакалъ всѣхъ троихъ.

XVIII.

ОРЕЛЪ и КУРЫ.

Днемъ солнечнымъ желая насладиться,
По поднебесью Царь пернатый птицъ леталъ,
И тамъ гулялъ,
Гдѣ молнія родится.
Спустившись наконецъ изъ облачныхъ вышинъ,
Царь-птица отдыхать садится на овинъ.
Хоть это для Орла насѣстокъ не завидной;
Но у Царей свои причуды есть;
Быть можетъ онъ хотѣлъ овину сдѣлать честь,
Иль не было въ близи ему по чину сѣсть
Ни дуба, ни скалы гранитной;
Не знаю что за мысль, но только что Орелъ
Не много посидѣлъ,
И тутъ же на другой овинъ перелетѣлъ.
Увидя то хохлатая Насѣдка,
Толкуетъ такъ съ своей кумой:

За что Орлы въ чести такой?
Не ужь ли за полетъ, голубушка сосѣдка?
Ну право если захочу,
Съ овина на овинъ и я перелечу.
Не будемъ же въ передъ такія дуры,
Чтобъ почитать Орловъ честнѣе насъ.
Не больше нашего у нихъ ни ногъ, ни глазъ;
Да ты же видѣла сей часъ,
Что по низу они летаютъ такъ какъ куры.
Орелъ отвѣтствуетъ, наскуча вздоромъ тѣмъ:
Ты права, только не совсѣмъ:
Орламъ случается и ниже Куръ спускаться;
Но Курамъ никогда съ Орлами не подняться!

Когда поэтовъ судишь ты,
Считать ихъ слабости трудовъ не трать напрасно;
Но чувствуя лишь то, что сильно и прекрасно,
Умѣй различны ихъ постигнуть высоты.

XIX.

МУХА и ДОРОЖНЫЕ.

Въ Іюлѣ, въ самой зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ,
Четверкою рыдванъ
Тащился.
Кони измучились, и кучеръ какъ ни бился,
Пришло хоть стать. Слезаетъ съ козелъ онъ,

И лошадей мучитель.
Съ лакеемъ въ два кнута тиранитъ съ двухъ сторонъ;
А легче нѣтъ! — Ползутъ изъ колымаги вонъ
Бояринъ, барыня, ихъ дѣвка, сынъ, учитель;
Но знать рыдванъ былъ плотно нагруженъ,
Что лошади хотя его тронули,
Но въ гору по песку едва едва тянули;
Случись тутъ Мухѣ быть. — Какъ горю не помочь?
Вступилась; ну жужжать во всю мушину мочь;
Вокругъ повозки суетится;
То надъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной;
То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится;
Или оставя лошадей
И въ доль и поперегъ шныряетъ межь людей;
Ну словно откупщикъ на ярманкѣ хлопочетъ,
И только плачется на то,
Что ей ни въ чемъ, ни кто,
Ни какъ помочь не хочетъ:
Гуторя слуги вздоръ, плетутся въ слѣдъ шажкомъ;
Учитель съ барыней шушукаютъ тишкомъ,
Самъ баринъ, позабывъ какъ онъ къ порядку нуженъ,
Ушелъ съ служанкой въ боръ грибовъ искать на ужинъ;
И Муха всѣмъ жужжитъ, что только лишь она
О всемъ заботится одна.
Межь тѣмъ лошадушки шагъ за шагъ по немногу
Встащилися на ровную дорогу.

Ну! Муха говоритъ, теперя слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ и добрый всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужь дайте отдохнуть;
Меня на силу крылья носятъ.

Куда людей на свѣтѣ много есть,
Которые вездѣ хотятъ себя приплесть —
И любятъ хлопотать, гдѣ ихъ совсѣмъ не просятъ.

XX.

ОБЕЗЬЯНЫ.

Когда перенимать съ умомъ, тогда не чудо
И пользу отъ того сыскать;
А безъ ума перенимать
И Боже сохрани какъ худо!
Я приведу примѣръ тому изъ дальнихъ странъ.
Кто Обезьянъ видалъ, тѣ знаютъ,
Какъ жадно все онѣ перенимаютъ.
Такъ въ Африкѣ, гдѣ много Обезьянъ,
Ихъ стая цѣлая сидѣла
По сучьямъ, по вѣтьвямъ на деревѣ густомъ,
И на ловца украдкою глядѣла,
Какъ по травѣ въ сѣтяхъ катался онъ кругомъ.
Подруга каждая тихонько толкъ подругу,
И шепчутъ всѣ другъ другу:

Смотрите-ка на удальца;
Затѣямъ у него такъ право нѣтъ конца;
То кувыркнется,
То развернется,
То весь въ комокъ
Онъ такъ сберется,
Что не видать ни рукъ, ни ногъ;
Ужь мыль на все не мастерицы!
А этаго у насъ искуства не видать.
Красавицы сестрицы!
Не худо бы намъ это перенять.
Онъ, кажется, себя довольно позабавилъ;
Авось уйдетъ, тогда мы тотчасъ.... Глядь,
Онъ подлинно ушелъ и сѣти тутъ оставилъ.
Чтожъ, говорятъ онѣ, и время намъ терять!
Пойдемъ-ка попытаться.
Красавицы сошли. — Для дорогихъ гостей
Разостлано въ низу премножество сѣтей;
Ну въ нихъ онѣ кувыркаться, кататься,
И кутаться и завиваться;
Кричатъ, визжатъ, веселье хоть куда.
Да вотъ бѣда,
Когда пришло изъ сѣти выдираться.
Хозяинъ между тѣмъ стерегъ,
И видя, что пора, идетъ къ гостямъ съ мѣшками.
Онѣ чтобъ на утекъ,
Да ужь никто разпутаться не могъ
И всѣхъ ихъ побрали руками.

XXI.

ПУСТЫННИКЪ И МЕДВѢДЬ.

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливой дуракъ опаснѣе врага.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродной, одинакой,
Въ дали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой.
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужекъ? а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова?
Прекрасны! что и говорить!
А все прискучится, какъ не съ кѣмъ молвить слова.
Такъ и Пустыннику тому
Соскучилось быть вѣчно одному.
Идетъ онъ въ лѣсъ толкнуться у сосѣдей,
Чтобъ съ кѣмъ нибудь знакомство свесть.
Въ лѣсу кого набресть,
Кромѣ Волковъ или Медвѣдей.
И точно встрѣтился съ большимъ Медвѣдемъ онъ;
Но дѣлать нечего, снимаетъ шляпу
И милому сосѣдушкѣ поклонъ.
Сосѣдъ ему протягиваетъ лапу,
И слово за слово, знакомятся они,
Потомъ дружатся,

Потомъ не могутъ ужь разстаться,
И цѣлые проводятъ вмѣстѣ дни.
О чемъ у нихъ и что бывало разговору,
Иль присказокъ, иль шуточекъ какихъ,
И какъ бесѣда шла у нихъ,
Я по сію не знаю пору.
Пустынникъ былъ не говорливъ,
Мишукъ съ природы молчаливъ;
Такъ изъ избы не вынесено сору.
Но какъ бы ни было, Пустынникъ очень радъ,
Что далъ ему Богъ въ другѣ кладъ.
Вездѣ за Мишей онъ, безъ Мишиньки тошнится,
И Мишинькой не можетъ нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьямъ
Въ день жаркой побродить по рощамъ, по лугамъ,
И по доламъ и по горамъ;
А такъ какъ человѣкъ Медвѣдя послабѣе,
То и Пустынникъ нашъ скорѣе,
Чѣмъ Мишинька усталъ,
И отставать отъ друга сталъ.
То видя говоритъ, какъ путной, Мишка другу:
Прилягъ-ко братъ и отдохни,
Да коли хочешь такъ сосни;
А я постерегу тебя здѣсь у досугу.
Пустынникъ былъ сговорчивъ, легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Мишка на часахъ; да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла.
Онъ друга обмахнулъ,
Взглянулъ,
А муха на щекѣ; согналъ, а муха снова
У друга на носу,

И неотвязчивѣй часъ отъ часу.
Вотъ Мишинька, не говоря ни слова,
Увѣсистой булыжникъ въ лапы сгрёбъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчижъ! ужь я тебя воструху!
И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть, хвать друга камнемъ въ лобъ.
Ударъ такъ ловокъ былъ, что черепъ въ розь
раздался,
И Мишинъ другъ лежать на долго тамъ остался.

XXII.

СТРЕКОЗА и МУРАВЕЙ.

Попрыгунья Стрекоза
Лѣто красное пропѣла;
Оглянуться не успѣла,
Какъ зима катитъ въ глаза.
Помертвѣло чисто поле,
Нѣтъ ужь дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ,
Какъ подъ каждымъ ей листкомъ
Былъ готовъ и столъ и домъ.
Все прошло! съ зимой холодной
Нужда, голодъ настаетъ;
Стрекоза ужь не поетъ:
И кому же въ умъ пойдетъ
На желудокъ пѣть голодной

Злой тоской удручена
Къ Муравью ползетъ она.
Не оставь меня, кумъ милой,
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй. —
Кумушка, мнѣ странно это;
Да работалаль ты въ лѣто?
Говоритъ ей Муравей. —
До тоголь голубчикъ было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ;
Такъ что голову вскружило. —
А! такъ ты? — Я безъ души
Лѣто цѣлое все пѣла. —
Ты все пѣла? это дѣло
Такъ поди же попляши.

XXIII.

КВАРТЕТЪ.

Проказница Мартышка,
Оселъ,
Козелъ,
Да косолапой Мишка,
Затѣяли съиграть квартетъ,
Достали нотъ, баса, альта, двѣ скрыпки,
И сѣли на лужекъ подъ липки
Плѣнять своимъ искуствомъ свѣтъ.
Ударили въ смычки, дерутъ, а толку нѣтъ.
Стой, братцы, стой! кричитъ Мартышка, погодите;
Какъ музыкѣ идти? вѣдь вы не такъ сидите.
Ты съ басомъ Мишинька, садись противъ альта,
Я прима сяду противъ вторы;
Тогда пойдетъ ужь музыка не та:
У насъ запляшутъ лѣсъ и горы.
Разсѣлись, начали квартетъ;
Онъ все таки на ладъ нейдетъ.
Постойтежъ, я съискалъ секретъ,
Кричитъ Оселъ: мы вѣрно ужь поладимъ,
Коль рядомъ сядимъ.
Послушались Осла, усѣлись чинно въ рядъ;
А все квартетъ нейдетъ на ладъ.
Вотъ пуще прежняго пошли у нихъ разборы
И споры,
Кому и какъ сидѣть.
Случилось Соловью на шумъ ихъ прилетѣть.

Тутъ съ просбой всѣ къ нему, чтобъ ихъ рѣшить сомнѣнье.
Пожалуй, говорятъ, возьми на часъ терпѣнье,
Чтобы квартетъ въ порядокъ нашъ привесть:
И ноты есть у насъ, и инструменты есть,
Скажи лишь, какъ намъ сѣсть? —
Чтобъ музыкантомъ быть, такъ надобно умѣнье
И уши вашихъ по нѣжнѣй,
Имъ отвѣчаетъ Соловей;
А вы, друзья, какъ ни садитесь,
Все въ музыканты не годитесь.

Конецъ первой части.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БАСНИ.

I.

ЧИЖЪ и ЕЖЪ.

Уединеніе любя
Чижъ робкой на зарѣ чирикалъ про себя —
Не для того, чтобы похвалъ ему хотѣлось,
И не за что, такъ какъ-то пѣлось.
Вотъ въ блескѣ и во славѣ всей
Фебъ лучезарный изъ морей
Поднялся.
Казалось, что съ собой онъ жизнь принесъ всему,
И въ встрѣтенье ему
Хоръ громкой Соловьевъ въ густыхъ лѣсахъ раздался.
Мой Чижъ замолкъ. — Ты чтожъ,
Спросилъ его съ насмѣшкой Ежъ,
Пріятель не поешь? —
За тѣмъ, что голоса такого не имѣю,
Чтобъ Феба я достойно величалъ,
Сквозь слезъ Чижъ бѣдный отвѣчалъ;
А слабымъ голосомъ я Феба пѣть не смѣю.

Такъ я крушуся и жалѣю,
Что лиры Пиндара мнѣ не дано въ удѣлъ:
Ябъ АЛЕКСАНДРА пѣлъ.

II.

ЛЕВЪ НА ЛОВЛѢ.

Собака, Левъ, да Волкъ съ Лисой
Въ сосѣдствѣ какъ-то жили,
И вотъ какой
Между собой
Они завѣтъ всѣ положили:
Чтобъ имъ звѣрей съ обща ловить,
И что наловится, все поровну дѣлить.
Не знаю какъ и чѣмъ, а знаю, что сначала
Лиса Оленя поймала;
И ну скорѣй къ товарищамъ пословъ,
Чтобъ шли дѣлить счастливый ловъ:
Добыча право не дурная!
Пришли, — пришелъ и Левъ; онъ когти разминая
И озираючи товарищей кругомъ,
Дѣлежъ располагаетъ,
И говоритъ: мы братцы въ четверомъ,
И на четверо онъ Оленя раздираетъ.
Теперь давай дѣлить: смотрите же, друзья;
Вотъ эта часть моя
По договору;
Вотъ эта мнѣ, какъ Льву, принадлежитъ безъ
спору;
Вотъ эта мнѣ за то, что всѣхъ сильнѣе я;
А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто про-
тянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.

III.

СИНИЦА.

Синица на море пустилась.
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.
Страхъ обнялъ жителей Нептуновой столицы;
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ Океанъ и жарко ли горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой-де откупщикъ и самой тароватой
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся; — чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ, и на море глаза уставя, ждетъ;
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится.
Ни тутъ-то! море не горитъ.
Кипитъ ли хоть? — И не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ свояси уплыла;
Надѣлала Синица славы,
А моря не зажгла.

Примолвить къ рѣчи здѣсь годится,
Но ничьего не трогая лица,
Что дѣломъ не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

IV.

ОСЕЛЪ.

Когда вселенную Юпитеръ населялъ
И заводилъ различныхъ тварей племя,
То и Оселъ тогда на свѣтъ попалъ.
Но съ умысла ль, или имѣя дѣлъ беремя,
Въ такое хлопотливо время
Тучегонитель оплошалъ;
А вылился Оселъ почти какъ муха малъ.
Осла никто почти не примѣчалъ.
Однако же Оселъ спесиваго былъ духу:
Какъ ростомъ оставаться съ муху?
Оселъ къ Юпитеру присталъ
И росту сталъ просить большова.
Помилуй, говоритъ, какъ можно это снесть?
Львамъ, Барсамъ и Слонамъ вездѣ такая честь,
При томъ съ великова и до меньшова
Все рѣчь объ нихъ лишь да объ нихъ;
За чтожъ къ Осламъ ты столько лихъ,
Что имъ честей нѣтъ ни какихъ,
И объ Ослахъ ни кто ни слова?
А еслибъ ростомъ я съ Теленка только былъ,
То спеси бы со Львовъ и съ Барсовъ я посбилъ;
И свѣтъ бы больше ихъ о мнѣ заговорилъ.
Что день, то снова
Оселъ мой тожъ Зевесу пѣлъ,
И до того ему онъ надоѣлъ,
Что наконецъ моленія Ослова
Послушался Зевесъ.
Изъ мошки сталъ Оселъ скотиной превеликой,

А сверхъ того ему такой данъ голосъ дикой,
Что мой ушастой Геркулесъ
Пораспугалъ было весь лѣсъ.
Что то за звѣрь? какова роду?
Чай онъ зубастъ? роговъ чай нѣтъ числа?
Ну только и рѣчей пошло, что про Осла.
Но чѣмъ все кончилось? Не минуло и году,
Какъ всѣ узнали — кто Оселъ.
Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И на Ослѣ ужь возятъ воду.

Смыслъ этой басни мы найдемъ,
Когда подумаемъ немножко,
Не лучшель маленькой изжить на свѣтѣ мошкой,
Чѣмъ добиваться быть большимъ Осломъ?

V.

ЧЕРВОНЕЦЪ.

Полезноль просвѣщенье?
Полезно — слова нѣтъ о томъ;
Но просвѣщеніемъ зовемъ
Мы часто роскоши прельщенье.
И даже нравовъ развращенье;
Такъ надобно гораздо разбирать,
Какъ станешь грубости кору съ людей сдирать,
Чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять,
Чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы,

Не разлучить ихъ съ простотой
И давши только блескъ пустой,
Безславья не навлечь имъ вмѣсто славы.
Объ этой истинѣ святой
Преважныхъ бы рѣчей на цѣлу книгу стало,
Да важно говорить не всякому пристало;
Такъ съ шуткой пополамъ
Я басней доказать ее намѣренъ вамъ.

Мужикъ простакъ, какихъ вездѣ не мало,
Нашелъ червонецъ на земли.
Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли;
Однакожъ пятаковъ пригоршни трои
Червонца на обмѣнъ крестьянину даютъ.
Постой же, думаетъ Мужикъ, дадутъ мнѣ вдвое;
Придумалъ кой-што я такое,
Что у меня его съ руками оторвутъ.
Тутъ взявъ песку, дресвы и мѣлу,
И натолокши кирпича,
Мужикъ мой приступаетъ къ дѣлу,
И со всего плеча
Червонецъ объ кирпичь онъ точитъ,
Дресвой деретъ,
Пескомъ и мѣломъ третъ;
Ну словомъ, такъ какъ жаръ его поставить хочетъ.
И подлинно, какъ жаръ червонецъ заигралъ:
Да только стало
Въ немъ вѣсу мало,
И цѣну прежнюю червонецъ потерялъ.

VI.

БЕЗБОЖНИКИ.

Былъ въ древности народъ къ стыду земныхъ племенъ,
Который до того въ сердцахъ ожесточился,
Что противу боговъ вооружился.
Мятежныя толпы за тысячью знаменъ,
Кто съ лукомъ, кто съ пращей шумя несутся въ полѣ.
Зачинщики изъ удалыхъ головъ,
Чтобы поджечь въ народѣ буйства болѣ,
Кричатъ, что судъ небесъ и строгъ и безтолковъ;
Что боги или спятъ, иль правятъ безразсудно;
Что проучить пора ихъ безъ чиновъ;
Что впрочемъ съ ближнихъ горъ каменьями не трудно
На небо дошвырнуть въ боговъ
И замешать Олимпъ стрѣлами.
Смутяся дерзостью безумцевъ и хулами,
Къ Зевесу весь Олимпъ съ мольбою приступилъ,
Чтобы бѣду онъ отвратилъ.
И даже весь совѣтъ боговъ тѣхъ мыслей былъ,
Что къ убѣжденію бунтующихъ не худо
Явить хоть небольшое чудо:
Или потопъ, иль съ трусомъ громъ,
Или хоть каменнымъ ударить въ нихъ дождемъ.
Пождемъ,
Юпитеръ рекъ; а если не смирятся,
Они отъ дѣлъ своихъ казнятся.

Тутъ съ шумомъ въ воздухѣ взвилась
Тьма камней, туча стрѣлъ отъ войскъ бого-
мятежныхъ;
Но съ тысячью смертей и злыхъ и неизбѣжныхъ
На собственныя ихъ обрушилась главы.

Плоды невѣрія ужасны таковы;
И вѣдайте народы вы,
Что мнимыхъ мудрецовъ кощунства толки
смѣлы,
Чѣмъ противъ божества вооружаютъ васъ,
Погибельный вашъ приближаютъ часъ
И обратятся всѣ въ громовыя вамъ стрѣлы.

VII.

МАРТЫШКА и ОЧКИ.

Мартышка къ старости слаба глазами стала;
А у людей, она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ
нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ ни какъ.
Тфу пропасть! говоритъ она, и тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ.

Все про очки лишь мнѣ налгали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ.
Мартышка тутъ съ досады и съ печали
Объ камень такъ хватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Къ несчастью тожъ бываетъ у людей.
Какъ ни полезна вещь, цѣны не зная ей,
Невѣжа про нее свой толкъ все къ худу клонитъ;
А ежели невѣжа познатнѣй,
Такъ онъ ее еще и гонитъ.

VIII.

ТРОЕЖЕНЕЦЪ.

Какой-то грѣховодникъ
Женился отъ живой жены еще на двухъ.
Лишь до Царя о томъ донесся слухъ
(А Царь былъ строгъ и неохотникъ
Такимъ соблазнамъ потакать),
Онъ многоженца вмигъ велѣлъ подъ судъ отдать,
И выдумать ему такое наказанье,
Чтобъ въ страхъ привесть народъ,
И покуситься бы никто не могъ впередъ
На столь большое злодѣянье;
А коль увижу де, что казнь ему мала,
Повѣшу тутъ же всѣхъ судей вокругъ стола.
Судьямъ худыя шутки,
Въ сердцахъ у нихъ боязнь;

Судьи толкуютъ трои сутки,
Какуюбъ выдумать преступнику имъ казнь.
Ихъ есть и тысячи, но опытами знаютъ,
Что все они людей отъ зла не отучаютъ.
Однакожъ наконецъ ихъ надоумилъ Богъ.
Преступникъ призванъ въ судъ для объявленья
Судейскова рѣшенья,
Которымъ съ общаго сужденья
Приговорили женъ отдать ему всѣхъ трехъ.
Народъ суду такому изумился
И ждалъ, что Царь велитъ повѣсить всѣхъ судей;
Но не прошло четырехъ дней,
Какъ троеженецъ удавился;
И этотъ приговоръ такой надѣлалъ страхъ,
Что съ той поры на трехъ женахъ
Никто въ томъ царствѣ не женился.

IX.

ЛЕВЪ и БАРСЪ.

Когда-то въ старину
Левъ съ Барсомъ велъ предолгую войну
За спорные лѣса, за дебри, за вертепы.
Хоть разобраться льзябъ имъ было по правамъ;
Но сильные въ правахъ бываютъ часто слѣпы
И вѣрятъ болѣе когтямъ.
Однако наконецъ не вѣчножъ драться,
И когти притупятся:

Герои по правамъ рѣшились разобраться;
Намѣрились дѣла военны прекратить;
Окончить всѣ раздоры;
Потомъ, какъ водится, миръ вѣчной заключить
До первой ссоры.
Назначимъ же скорѣй
Мы отъ себя секретарей,
Льву предлагаетъ Барсъ, и какъ ихъ умъ разсудитъ,
Пусть такъ и будетъ.
Я, на примѣръ, къ тому опредѣлю — Кота:
Звѣрокъ хоть не казистъ — да совѣсть въ немъ чиста;
А ты Осла назначь — онъ знатнаго же чина;
И къ слову молвить здѣсь,
Куда онъ у тебя завидная скотина.
Повѣрь какъ другу мнѣ, — совѣтъ и дворъ твой весь
Его копытца врядъ ли стоютъ.
Положимсяжъ на томъ,
На чемъ
Съ моимъ Котишкомъ онъ устроитъ.
И Левъ мысль Барса утвердилъ
Безъ спору;
Но только не Осла — Лисицу нарядилъ
Онъ отъ себя для этого разбору;
Примолвя про себя, (какъ видно, зналъ онъ свѣтъ):
Кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ.

X.

ВЕЛЬМОЖА и ФИЛОСОФЪ.

Вельможа въ праздный часъ толкуя съ Мудрецомъ
О томъ, о семъ,
Скажи мнѣ, говоритъ, ты свѣтъ довольно знаешь,
И будто въ книгѣ ты въ сердцахъ людей читаешь,
Какъ это? что мы ни начнемъ:
Суды ли, общества ль ученыя заведемъ,
Едва успѣемъ оглянуться,
Какъ первые невѣжи тутъ вотрутся.
Не ужъ ли ужъ отъ нихъ совсѣмъ лекарства нѣтъ? —
Не думаю, сказалъ Мудрецъ въ отвѣтъ:
И съ обществами тажъ судьба (сказать межъ нами),
Что съ деревянными домами. —
Какъ? — Также: — я вотъ свой достроилъ сими днями;
Хозяева въ него еще не вобрались,
А ужъ сверчки давно въ немъ завелись.

XI.

РАЗДѢЛЪ.

Имѣя общій домъ и общую контору,
Какіе-то честные торгаши
Наторговали денегъ гору;
Окончили торги и дѣлятъ барыши.
Но въ дѣлежѣ когда безъ спору?
Заводятъ шумъ они за деньги, за товаръ,
Какъ вдругъ кричатъ, что въ домѣ ихъ пожаръ.
Скорѣй, скорѣй спасайте
Товары вы и домъ!
Кричитъ одинъ изъ нихъ, — ступайте!
А нашъ раздѣлъ и послѣ мы сведемъ. —
Мнѣ только тысячу мою сперва додайте,
Шумитъ другой!
Я съ мѣста не сойду долой. —
Мнѣ двѣ не додано, — а вотъ тутъ счеты ясны.
Еще одинъ кричитъ — нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны:

Да какъ, за что, и по чему? —
Забывши что пожаръ въ дому,
Проказники тутъ до того шумѣли,
Что захватило ихъ въ дыму
И всѣ они со всѣмъ добромъ своимъ сгорѣли.

Въ дѣлахъ, которыя гораздо по важнѣй,
Не рѣдко отъ того погибель всѣмъ бываетъ,
Что чѣмъ бы общую бѣду встрѣчать дружнѣй,
Всякъ споры затѣваетъ
О выгодѣ своей.

XII.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА.

У кухни подъ окномъ
На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись.
Хоть у воротъ передъ дворомъ
Пристойнѣебъ стеречь имъ было домъ;
Но какъ они ужь понаѣлись,
И вѣжливыежъ псы притомъ
Ни на кого не лаютъ днёмъ,
Такъ разсуждать они пустилися въ двоемъ
О всякой всячинѣ: о ихъ собачей службѣ,
О худѣ, о добрѣ, и наконецъ о дружбѣ. —
Что можетъ, говоритъ Полканъ, приятнѣй быть,
Какъ съ другомъ сердце къ сердцу жить;
Во всемъ оказывать взаимную услугу;
Ни спить безъ друга и ни съѣсть,
Стоять горой за дружню шерсть,
И наконецъ въ глаза глядѣть другъ другу,
Чтобъ только улучить счастливой часъ,
Нельзя ли друга чѣмъ потѣшить, позабавить,
И въ дружнемъ счастьѣ все свое блаженство ставить.
Вотъ еслибъ, на примѣръ, съ тобой у насъ
Такая дружба завелась,
Скажу я смѣло,
Мыбъ и не видѣли, какъ время бы летѣло. —
А чтоже? это дѣло,
Барбосъ отвѣтствуетъ ему;

Давно Полканушка мнѣ больно самому,
Что бывши одного двора съ тобой собаки,
Мы дня не проживемъ безъ драки;
И изъ чего? — спасибо господамъ,
Ни голодно, ни тѣсно намъ;
При томъ же право стыдно:
Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ дней;
А дружбы между псовъ, какъ будто межь людей,
Почти совсѣмъ не видно.
Явимъ же въ ней примѣръ мы въ наши времена,
Вскричалъ Полканъ — дай лапу. — Вотъ она.
И новые друзья ну обниматься,
Ну цаловаться;
Не знаютъ съ радости къ кому и прировняться:
Орестъ мой! мой Пиладъ! прочь свары, зависть, злость!
Тутъ поваръ на бѣду изъ кухни кинулъ кость.
Вотъ новые друзья къ ней въ запуски несутся;
Гдѣ дѣлся и совѣтъ и ладъ?
Съ Пиладомъ мой Орестъ грызутся,
Лишь только клочья въ верхъ летятъ.
Насилу наконецъ ихъ розлили водою.

Свѣтъ полонъ дружбою такою.
Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить, не грѣша,
Что въ дружбѣ всѣ они едваль не одинаки;
Послушать, кажется одна у нихъ душа,
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки.

XIII.

БОЧКА.

Пріятель своего пріятеля просилъ,
Чтобъ бочкою его дни на три онъ ссудилъ.
Услуга въ дружбѣ вещь святая!
Вотъ еслибъ дѣло шло о деньгахъ, рѣчь иная:
Тутъ дружба въ сторону и можнобъ отказать;
А бочки для чего не дать?
Какъ возвратилася она, тогда опять
Возить въ ней стали воду.
И все бы хорошо, да худо только въ томъ:
Та бочка для вина брана откупщикомъ,
И настоялась такъ въ два дни она виномъ,
Что винный духъ пошелъ отъ ней во всемъ:
Квасъ, пиво ли сварятъ; ну даже и въ съѣстномъ.
Хозяинъ бился съ ней близь году:
То выпаритъ, то ей провѣтриться даетъ;
Но чѣмъ ту бочку ни нальетъ,
А винный духъ все вонъ нейдетъ,
И съ бочкой наконецъ онъ принужденъ рас-
статься.

Старайтесь не забыть, отцы, вы басни сей:
Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней
Намъ стоитъ разъ лишь напитаться;
А тамъ во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ,
Каковъ нибудь ты на словахъ,
А все имъ будетъ отзываться.

XIV.

ПРОХОЖІЕ и СОБАКИ.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой,
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняшка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ три, и вмигъ
Совсѣхъ дворовъ Собакъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ было уже прохожій камень взялъ:
И! полно, братецъ — тутъ другой ему сказалъ,
Собакъ намъ не исправить;
Пойдемъ, увидишь самъ, что лучше ихъ оставить.
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Какъ стало ни одной Собаки не слыхать.

Хулители на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полаютъ, да отстанутъ.

XV.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ ночью, думая залѣзть въ овчарню,
Попалъ на псарню.
Поднялся вдругъ весь псарный дворъ.
Почуя сѣрова такъ близко забіяку,
Псы залились въ хлѣвахъ и рвутся вонъ на драку;

Псари кричатъ: ахъ-ти! робята, воръ!
И вмигъ ворота на запоръ;
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ, иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ.
Огня! кричатъ, огня! — Пришли съ огнемъ.
Мой Волкъ сидитъ, прижавшись къ углу задомъ,
Зубами щолкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть;
Но видя то, что тутъ не передъ стадомъ,
И что приходитъ наконецъ
Ему разсчесться за Овецъ,
Пустился мой хитрецъ
Въ переговоры,
И началъ такъ: Друзья! къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ;
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры;
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ;
А я не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ,
Но самъ за нихъ съ другими грызться радъ,
И Волчьей клятвой утверждаю,
Что я.... — Послушай-ко, сосѣдъ,
Тутъ Ловчій перервалъ въ отвѣтъ,
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
Съ Волками иначе не дѣлать мировой,
Какъ снявши шкуру съ нихъ долой. —
И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

XVI.

ЛЖЕЦЪ.

Изъ дальнихъ странствій возвратясь
Какой-то дворянинъ (а можетъ быть и князь),
Съ пріятелемъ своимъ пѣшкомъ гуляя въ полѣ,
Разхвастался о томъ, гдѣ онъ бывалъ,
И къ былямъ небылицъ безъ счету прилыгалъ.
Нѣтъ, говоритъ, что я видалъ,
Того ужь не увижу болѣ.
Что здѣсь у васъ за край?
То холодно, то очень жарко,
То солнце прячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.
Вотъ тамъ-то прямо рай!
И вспомнить, такъ душѣ отрада!
Ни шубъ, ни свѣчь совсѣмъ не нада!
Не знаешь вѣкъ, что есть ночная тѣнь,
И круглый Божій годъ все видишь Майскій день.
Никто тамъ ни садитъ, ни сѣетъ;
А еслибъ посмотрѣлъ, что тамъ ростетъ и зрѣетъ!
Вотъ въ Римѣ, на примѣръ, я видѣлъ огурецъ —
Ахъ, мой Творецъ!
И по сію не вспомнюсь пору —
Повѣришь ли? ну право былъ онъ съ гору. —
Что за диковина, пріятель отвѣчалъ,
На сей землѣ чудесъ разсѣяно повсюду;
Да не вездѣ ихъ всякой примѣчалъ.
Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ конечно не встрѣчалъ,

И я въ томъ спорить буду.
Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ; онъ кажется и простъ,
А свойство чудное имѣетъ:
Лжецъ ни одинъ у насъ по немъ пройти не смѣетъ;
До половины не дойдетъ,
Провалится и въ воду упадетъ;
Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ пожалуй хоть въ каретѣ. —
А какова у васъ рѣка? —
Да не мѣлка.
Такъ видишь ли, мой другъ, чего-то нѣтъ на свѣтѣ!
Хоть Римской огурецъ великъ, нѣтъ спору въ томъ;
Вѣдь съ гору, кажется, ты такъ сказалъ объ немъ? —
Гора хоть не гора, но право будетъ съ домъ. —
Повѣрить трудно!
Однакожъ какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ,
Что онъ лжеца ни какъ не поднимаетъ;
И нынѣшней еще весной
Съ него обрушились (весь городъ это знаетъ)
Два журналиста, да портной.
Безспорно, огурецъ и съ домъ величиной
Диковинка, коль это справедливо. —
Ну, не такое еще диво;
Вѣдь надо знать, какъ вещи есть;
Не думай, что вездѣ по нашему хоромы;
Что тамъ за домы?

Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть. —
Пусть такъ; но все признаться должно,
Что огурецъ не грѣхъ за диво счесть,
Въ которомъ двумъ усѣсться можно.
Однакожъ мостъ-атъ нашъ каковъ,
Что лгунъ не сдѣлаетъ на немъ пяти шаговъ,
Какъ тотчасъ въ воду.
Хоть Римской твой и чуденъ огурецъ....
Послушай-ка, тутъ перервалъ мой лжецъ,
Чѣмъ на мостъ намъ идти, поищемъ лучше
броду.

XVII.

РУЧЕЙ.

Пастухъ у Ручейка пѣлъ жалобно, въ тоскѣ,
Свою бѣду и свой уронъ невозвратимый:
Ягненокъ у него любимый
Недавно утонулъ въ рѣкѣ.
Услыша Пастуха Ручей журчитъ сердито:
Рѣка несытая! что, еслибъ дно твое
Такъ было, какъ мое,
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякой видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
Я чай бы со стыда ты землю сквозь прорыла

И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицы бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла,
И мимо хижинки и каждаго кусточка.
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга;
Но съ нихъ бы не унесъ листочка;
Ну словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа ни гдѣ ни бѣдъ, ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.
Такъ говорилъ Ручей, такъ думалъ въ самомъ дѣлѣ.
И чтожъ? не минуло недѣли,
Какъ туча ливная надъ ближнею горой
Разсѣлась;
Богатствомъ водъ Ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но ахъ! куда въ Ручьѣ смиренность дѣлась?
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ Пастухъ, за коего рѣкѣ
Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ смирно,
гладко,
И такъ журчатъ для сердца сладко,
Лишь только отъ того, что мало въ нихъ воды.

XVIII.

ЛИСИЦА и СУРОКЪ.

Куда такъ, кумушка, бѣжишь ты безъ оглядки?
Лисицу спрашивалъ Сурокъ. —
Охъ! мой голубчикъ куманекъ!
Терплю напраслину, и выслана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей;
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой;
Въ трудахъ куска не доѣдала,
Ночей не досыпала;
И яжь за то подъ гнѣвъ подпала;
А все по клеветамъ; — ну самъ подумай ты:
Ктожъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать
клеветы?
Мнѣ взятки брать! да развѣ я взбѣшуся.
Ну видывалъ ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтобъ этому была причастна я грѣху?
Подумай, вспомни хорошенько. —
Нѣтъ, кумушка; а видывалъ частенько,
Что рыльцо у тебя въ пуху.

Иной при мѣстѣ такъ вздыхаетъ,
Какъ будто рубль послѣдній доживаетъ;
И подлинно, весь городъ знаетъ,

Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь, по маленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку.
Теперь, какъ у него приходъ съ расходомъ свесть,
Хоть по суду и не докажешь;
Но какъ не согрѣшишь, не скажешь,
Что у него пушокъ на рыльцѣ есть.

XIX.

ЗАЯЦЪ НА ЛОВЛѢ.

Большой собравшися гурьбой,
Медвѣдя звѣри изловили;
На чистомъ полѣ задавили,
И дѣлятъ межъ собой,
Кто что себѣ достанетъ.
А Заяцъ за ушко медвѣжье тутъ же тянетъ.
Ба! ты Косой,
Кричатъ ему, пожаловалъ отколѣ?
Тебя никто на ловлѣ не видалъ. —
Вотъ братцы! Заяцъ отвѣчалъ,
Да изъ лѣсу-то ктожъ? все я его пугалъ,
И къ вамъ поставилъ прямо въ полѣ
Сердечнаго дружка. —

Такое хвастовство хоть съ лишкомъ было
явно;
Но показалось такъ забавно,
Что Зайцу данъ клочокъ медвѣжьяго ушка.
Надъ хвастунами хоть смѣются;
А часто въ дѣлежѣ имъ доли достаются.

XX.

ОРЕЛЪ и ПЧЕЛА.

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знамени-
той:
Ему и то ужь силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель цѣлый свѣтъ.
Но сколь и тотъ почтенъ, кто въ низости
сокрытой,
За всѣ труды, за весь потерянный покой,
Ни славою, ни почестьми не льстится;
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится.

Увидя, какъ Пчела хлопочетъ вкругъ цвѣтка,
Сказалъ Орелъ однажды ей съ презрѣньемъ:
Какъ ты бѣдняжка мнѣ жалка
Со всей твоей работой и съ умѣньемъ!
Васъ въ ульѣ тысячи все лѣто лѣпятъ сотъ;
Да кто же послѣ разберетъ
И отличитъ твои работы?
Я право не пойму охоты

Трудиться цѣлый вѣкъ, и чтожъ имѣть въ виду?
Безвѣстной умереть со всѣми на ряду.
Какая разница межъ нами!
Когда разширяся шумящими крылами
Ношуся я подъ облаками,
То всюду разсѣваю страхъ;
Не смѣютъ отъ земли пернатые подняться,
Не дремлютъ пастухи при тучныхъ ихъ стадахъ;
Ни лани быстрыя не смѣютъ на поляхъ,
Меня завидя, показаться. —
Пчела отвѣтствуетъ: тебѣ хвала и честь.
Да продлитъ надъ тобой Зевесъ свои щедроты;
А я, родясь труды для общей пользы несть,
Не отличать ищу свои работы;
Но утѣшаюсь тѣмъ, на наши смотря соты,
Что въ нихъ и моего хоть капля меду есть.

XXI.

ЩУКА и КОТЪ.

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ:
И дѣло не пойдетъ на ладъ;
Да и примѣчено сто кратъ,
Что кто за ремесло чужое браться любитъ,
Тотъ завсегда другихъ упрямѣй и вздорнѣй:
Онъ лучше дѣло все погубитъ,

И радъ скорѣй
Посмѣшищемъ стать свѣта,
Чѣмъ у честныхъ и знающихъ людей
Спросить иль выслушать разумнаго совѣта.

Зубастой Щукѣ въ мысль пришло
За Кошечье приняться ремесло.
Не знаю завистьюль ее лукавой мучилъ,
Иль можетъ быть ей рыбной столъ наскучилъ;
Но только вздумала Кота она просить,
Чтобъ взялъ ее съ собой онъ на охоту
Мышей въ анбарѣ половить.
Да полно знаешь ли ты эту, свѣтъ, работу?
Сталъ Щукѣ Васька говорить.
Смотри, кума, чтобы не осрамиться;
Не даромъ говориться,
Что дѣло мастера боится.—
И! полно куманекъ! вотъ невидаль — Мышей!
Мы лавливали и Ершей.—
Такъ въ доброй часъ, пойдемъ!—Пошли, засѣли.
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ!
А Щука чуть жива, лежитъ разинувъ ротъ,
И Крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Кумъ замертво ее стащилъ обратно въ прудъ.
И дѣльно, — это, Щука,
Тебѣ наука,
Впередъ умнѣе быть
И за Мышами не ходить.

XXII.

ВОЛКЪ И КУКУШКА.

Прощай, сосѣдка! Волкъ Кукушкѣ говорилъ;
Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ;
Все тѣжъ у васъ и люди и собаки:
Одинъ другова злѣй, и ты хоть ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки. —
А далеколь сосѣду путь,
И гдѣ такой народъ благочестивой,
Съ которымъ думаешь ты жить въ ладу? —
О! я прямехонько иду
Въ лѣса Аркадіи счастливой.
Сосѣдка! то-то сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что война;
Какъ агнцы кротки человѣки;
И молокомъ текутъ лишь рѣки;
Ну словомъ, царствуютъ златыя времена.
Какъ братья всѣ другъ съ другомъ поступаютъ;
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.
Скажижъ сама, голубка, мнѣ,
Не милоль даже и во снѣ
Себя въ краю такомъ увидѣть тихомъ?
Прости, не поминай насъ лихомъ.
Ужь то-то тамъ мы заживемъ,
Въ тиши, въ довольствѣ, въ нѣгѣ;
Не такъ, какъ здѣсь, ходи съ оглядкой днемъ
И не засни спокойно на ночлегѣ. —
Счастливой путь, сосѣдъ мой дорогой!

Кукушка говоритъ; а свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возмешь съ собой? —
Ужь кинуть, вздоръ какой! —
Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.

Чѣмъ нравомъ кто дурнѣй,
Тѣмъ болѣе кричитъ и ропщетъ на людей:
Не видитъ добрыхъ онъ куда не обернется;
А первой самъ ни съ кѣмъ не уживется.

XXIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и РАБОТНИКЪ.

Когда у насъ бѣда надъ головой,
То ради мы тому хотя молиться,
Кто вздумаетъ за насъ вступиться;
Но только съ плечь бѣда долой,
То избавителю отъ насъ же придетъ худо:
Всѣ въ запуски его цѣнятъ,
И если онъ у насъ не виноватъ,
Такъ это чудо.

Старикъ Крестьянинъ съ батракомъ
Шелъ подъ вечеръ лѣскомъ
Домой въ деревню съ сѣнокосу;
И повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу.
Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ.

Подмялъ Крестьянина, вертитъ его, ломаетъ,
И гдѣбъ его почать, лишь мѣсто выбираетъ:
Конецъ приходитъ старику.
Степанушка родной! не выдай милой!
Изъ подъ медвѣдя онъ взмолился батраку. —
Вотъ новый Геркулесъ собравшись съ силой,
Отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ,
И брюхо прокололъ ему желѣзной вилой.
Медвѣдь взревелъ и замертво упалъ;
Медвѣдь мой издыхаетъ.
Прошла бѣда, Крестьянинъ всталъ
И онъ же батрака ругаетъ.
Опѣшалъ бѣдной мой Степанъ.
Помилуй, говоритъ, за что? — За что! болванъ;
Чему обрадовался съ дуру?
Знай колитъ, — всю испортилъ шкуру.

XXIV.

ОБОЗЪ.

Съ горшками шелъ обозъ,
И надобно съ крутой горы спускаться.
Вотъ на горѣ другихъ оставя дожидаться,
Хозяинъ сталъ сводить легонько первый возъ.
Конь добрый на крестцѣ почти его понесъ,
Катиться возу не давая.
А Лошадь сверху молодая
Ругаетъ бѣднаго Коня за каждый шагъ.

„Ай Конь хваленой! то-то диво!
Смотрите, лѣпится какъ ракъ;
Вотъ чуть не зацѣпилъ за камень;— косо! криво!
Смѣлѣе!—вотъ толчокъ опять;
А тутъ бы въ лѣво лишь принять.
Какой оселъ! добро бы было въ гору,
Или въ ночную пору,
А то и подъ гору, и днемъ!
Смотрѣть, такъ выйдешь изъ терпѣнья.
Таскалъ бы воду ужь, коль нѣтъ въ тебѣ умѣнья.
Глядитко насъ, какъ мы махнемъ;
Небось, ужь время не потратимъ,
И возикъ свой мы не свеземъ, а скатимъ!"
Тутъ выгнувши хребетъ и понатужа грудь,
Тронулася Лошадка съ возомъ въ путь;
Но только подъ гору она перевалилась,
Возъ началъ напирать, телѣга раскатилась:
Коня толкаетъ въ задъ, Коня кидаетъ въ бокъ,
Пустился Конь со всѣхъ четырехъ ногъ
На славу;
По камнямъ, рытвинамъ пошли толчки,
Прыжки;
Лѣвѣй! лѣвѣй! и съ возомъ бухъ въ канаву:
Прощай хозяйскіе горшки!

Какъ въ людяхъ многіе имѣютъ слабость ту же,
Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

XXV.

ДЕМЬЯНОВА УХА.

Сосѣдушка, мой свѣтъ!
Пожалуй-ста покушай. —
Сосѣдушка! я сытъ по горло. — Нужды нѣтъ,
Еще тарелочку; послушай:
Ушица ей-же-ей на славу сварена! —
Я три тарелки съѣлъ. — И! полно что за счеты?
Лишь стало бы охоты;
А то во здравье! ѣшь до дна.
Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она.
Потѣшь же, миленькой дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди ку-
сочикъ!
Еще хоть ложечку! Да кланяйся жена!
Такъ подчивалъ сосѣдъ Демьянъ сосѣда Фоку,
И не давалъ ему ни отдыха, ни сроку;
А съ Фоки ужь давно катился градомъ потъ.
Однако же еще тарелку онъ беретъ,
Сбирается съ послѣдней силой
И очищаетъ всю. — Вотъ друга я люблю,
Вскричалъ Демьянъ, за то ужь чванныхъ не
терплю.
Ну скушай же еще тарелочку, мой милой. —
Тутъ бѣдной Фока мой,
Какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды такой,
Схватя въ охабку
Кушакъ и шапку,

Скорѣй безъ памяти домой;
И съ той поры къ Демьяну ни ногой.

Писатель! счастливъ ты, коль даръ прямой имѣшь;
Но если помолчать во время не умѣешь,
И ближняго ушей ты не жалѣешь,
То вѣдай, что твои и проза и стихи
Тошнѣе будутъ всѣмъ Демьяновой ухи.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЕЙ ЧАСТИ.

Стран.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ

БАСНИ.

I.

ОТКУПЩИКЪ и САПОЖНИКЪ.

Богатой Откупщикъ въ хоромахъ пышныхъ
жилъ,
Ѣлъ сладко, вкусно пилъ;
По всякой день давалъ пиры, банкеты.
Сокровищъ у него нѣтъ смѣты.
Въ дому сластей и винъ, чего ни пожелай,
Всего съ избыткомъ, черезъ край;
И словомъ, кажется въ его хоромахъ рай.
Однимъ лишь Откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужь Божьеваль боится онъ суда,
Иль просто труситъ разориться;
Да только все ему не крѣпко какъ-то спится.
А сверхъ того, хоть иногда
Онъ вздремлетъ на зарѣ, такъ новая бѣда:
Богъ далъ ему пѣвца сосѣда.
Съ нимъ изъ окна въ окно жилъ въ хижинѣ бѣднякъ
Сапожникъ; но такой пѣвунъ и весельчакъ,
Что съ утренней зари и до обѣда,
Съ обѣда до ночи безъ умолку поетъ,
И богачу заснуть ни какъ онъ не даетъ.
Какъ быть, и какъ съ сосѣдомъ сладить,
Чтобъ отъ пѣнья его отвадить?
Велѣть молчать, такъ власти нѣтъ;

Просилъ, такъ просба не беретъ.
Придумалъ наконецъ, и за сосѣдомъ шлетъ.
Пришелъ сосѣдъ.
Приятель дорогой, здорово!—
Челомъ вамъ бьемъ за ласковое слово. —
Ну что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ?
(Въ комъ нужда, ужь того мы знаемъ какъ зовутъ). —
Дѣлишки, баринъ? да не худо. —
Такъ отъ того-то ты такъ веселъ, такъ поешь?
Ты стало счастливо живешь? —
На Бога грѣхъ роптать, и чтожъ за чудо?
Работою заваленъ я всегда;
Хозяйка у меня добра и молода;
А съ доброю женой, кто этого не знаетъ,
Живется какъ-то веселѣй. —
И деньги есть? — Ну, нѣтъ, хоть лишнихъ не бываетъ;
За то нѣтъ лишнихъ и затѣй. —
И такъ, мой другъ, ты быть богатѣ не желаешь? —
Я этого не говорю;
Хоть Бога и за то, что есть благодарю;
Но самъ ты баринъ знаешь,
Что человѣкъ пока живетъ,
Все хочетъ болѣе, таковъ ужь здѣшній свѣтъ.
Я чай вѣдь и тебѣ твоихъ сокровищъ мало;
И мнѣ бы быть богатѣй не мѣшало. —
Ты дѣло говоришь, дружокъ:
Хоть при богатствѣ намъ есть также неприятства;
Хоть говорятъ, что бѣдность не порокъ;

Но все ужь коль терпѣть, такъ лучше отъ
богатства. —
Возьми же, вотъ тебѣ рублевиковъ мѣшокъ;
Ты мнѣ за правду полюбился.
Поди, — дай Богъ, чтобъ ты съ моей руки раз-
жился.
Смотри, лишь промотать сихъ денегъ не моги,
И къ нуждѣ ихъ ты береги;
Пять сотъ рублевъ тутъ вѣрнымъ счетомъ.
Прощай! — Сапожникъ мой,
Схватя мѣшокъ, скорѣй домой
Не бѣгомъ, лётомъ
Примчалъ гостинецъ подъ полой;
И той же ночи въ подземелье
Зарылъ мѣшокъ и съ нимъ свое веселье.
Не только пѣсенъ нѣтъ, куда дѣвался сонъ;
(Узналъ безсонницу и онъ).
Все подозрительно, и все его тревожитъ:
Чуть ночью кошка заскребетъ,
Ему ужь кажется, что воръ къ нему идетъ;
Похолодѣетъ весь и ухо онъ приложитъ.
Ну словомъ, жизнь пошла хоть кинуться въ рѣку.
Сапожникъ бился, бился,
И наконецъ за умъ хватился:
Бѣжитъ съ мѣшкомъ къ Откупщику,
И говоритъ: спасибо на приятствѣ;
Вотъ твой мѣшокъ, возьми его назадъ.
Я до него не зналъ какъ худо спятъ.
Живи ты при своемъ богатствѣ;
А мнѣ за пѣсни и за сонъ
Не надобенъ ни миліонъ.

II.

ВОРОНЕНОКЪ.

Орелъ
Изъ подъ небесъ на стадо налетѣлъ
И выхватилъ ягненка;
А Воронъ молодой вблизи на то смотрѣлъ.
Взманило это Вороненка,
Да только думаетъ онъ такъ: ужь брать такъ
брать,
А то и когти что марать;
Бываютъ и Орлы, какъ видно, плоховаты.
Ну тольколь въ стадѣ, что ягняты?
Вотъ я какъ захочу,
Да налечу,
Такъ царской подлинно кусочикъ подхвачу.
Тутъ Воронъ поднялся надъ стадомъ,
Окинулъ стадо жаднымъ взглядомъ;
Изъ множества ягнятъ, барановъ и овецъ,
Высматривалъ, сличалъ, и выбралъ наконецъ
Барана, да какова?
Прежирнова, прематерова,
Который добромубъ и волку былъ въ подъемъ.
Изладясь, на него спустился
И въ шерсть ему, что силы есть, вцѣпился.
Тутъ поздно онъ узналъ, что добычь не понемъ.
Что хуже и всего, такъ на баранѣ томъ
Тулупъ такой былъ прекосматой,
Густой, всклокоченной, хохлатой,
Что изъ него когтей не выперебилъ вонъ
Затейникъ нашъ крылатой,

И кончилъ подвигъ тѣмъ, что самъ попалъ въ
полонъ.
Съ барана пастухи его чиненько сняли;
А чтобы онъ не могъ летать,
Ему всѣ крылья окарнали
И дѣтямъ отдали играть.

Не рѣдко у людей тожъ самое бываетъ,
Коль мѣлкой плутъ
Большому плуту подражаетъ:
Что сходитъ съ рукъ ворамъ, за то воришекъ
бьютъ.

III.

КРЕСТЬЯНИНЪ и СМЕРТЬ.

Набравъ валежнику порой холодной зимной,
Старикъ изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медлѣнно къ своей лачужкѣ дымной,
Крехтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечь спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ, и думалъ самъ съ
собой:

Куда я бѣденъ, Боже мой!
Нуждаюся во всемъ; къ томужъ жена и дѣти;

*

А тамъ подушное, боярщина, оброкъ;
И выдалсяль когда на свѣтѣ
Хотя одинъ мнѣ радостной денекъ? —
Въ такомъ уныніи, на свой пѣняя рокъ,
Зоветъ онъ смерть. — Она у насъ не за горами,
А за плечами:
Явилась въ мигъ,
И говоритъ: за чѣмъ ты звалъ меня, Старикъ?
Увидѣвши ея свирѣпую осанку,
Едва промолвить могъ бѣднякъ оторопѣвъ:
Я звалъ тебя, коль не во гнѣвъ,
Чтобъ помогла ты мнѣ поднять мою вязанку.

Изъ басни сей
Намъ видѣть можно,
Что какъ бываетъ жить ни тошно,
А умирать еще тошнѣй.

IV.

ПОДАГРА и ПАУКЪ.

Подагру съ Паукомъ самъ Адъ на свѣтъ родилъ:
Слухъ этотъ Лафонтенъ по свѣту распустилъ.
Не мнѣ за нимъ судить, вывѣшивать и мѣрить,
На сколько правды тутъ; да и кому,
Коль не ему,
Намъ въ басняхъ вѣрить?
И стало нѣтъ сомнѣнья въ томъ,
Что Адомъ рождены Подагра съ Паукомъ.

Какъ выросли они, и подоспѣло время
Пристроить дѣтокъ къ должностямъ:
Для добраго отца большіе дѣти бремя,
Пока они не по мѣстамъ;
То отпуская въ міръ ихъ къ намъ,
Сказалъ родитель имъ: подите
Вы дѣтушки на свѣтъ и землю раздѣлите.
Надежда въ васъ большая есть,
Что оба вы мою поддержите тамъ честь,
И оба людямъ вы равно надоѣдите.
Смотрите же отселѣ напередъ,
Кто что изъ васъ въ удѣлъ себѣ возметъ?
Вонъ видитель вы пышные чертоги?
А тамъ вонъ хижины убоги?
Въ однихъ просторъ, довольство, красота;
Въ другихъ и тѣснота,
И трудъ и нищета. —
Мнѣ хижинъ ни за что не нада,
Сказалъ Паукъ. — А мнѣ не надобно палатъ,
Подагра говоритъ; пусть въ нихъ живетъ мой
братъ:
Въ деревнѣ отъ аптекъ подалѣ жить я рада,
А то меня хирурги, доктора,
Тамъ сгонятъ съ каждаго богатаго двора.
Такъ смолвясь братъ съ сестрой пошли, яви-
лись въ мірѣ.

Въ великолѣпнѣйшей квартирѣ
Паукъ владѣніе себѣ отмежевалъ;
По штофамъ пышнымъ, разцвѣчонымъ,
И по корнизамъ золочонымъ,
Онъ паутину разосталъ,
И мухъ бы пропасть нахваталъ;

Но къ разсвѣту едва съ работою убрался,
Пришелъ и щеткою все смелъ слуга долой.
Паукъ мой терпѣливъ, онъ къ печкѣ перебрался;
Оттолѣ Паука метлой.
Туда, сюда, Паукъ бѣдняжка мой;
Но гдѣ основу ни натянетъ,
Иль щетка иль крыло вездѣ его достанетъ
И всю работу изорветъ;
А съ нею и его частехонько смететъ.
Паукъ въ отчаяньѣ, — и за городъ идетъ
Увидѣться съ сестрицей:
Чай въ селахъ, говоритъ, живетъ она царицей.
Пришелъ, а бѣдная сестра у мужика
Несчастнѣй всякаго на свѣтѣ Паука:
Хозяинъ съ ней и сѣно коситъ,
И рубитъ съ ней дрова, и воду съ нею носитъ.
Примѣта у простыхъ людей,
Что чѣмъ Подагру мучишь болѣ,
Тѣмъ ты скорѣй
Избавишься отъ ней.
Нѣтъ, братецъ, говоритъ она, не жизнь мнѣ
въ полѣ.
А братъ
Тому и радъ:
Онъ тутъ же съ ней удѣломъ обмѣнялся;
Вползъ въ избу къ мужику, съ товаромъ разо-
брался,
И не боясь ни щетки, ни метлы,
Заткалъ и потолокъ и стѣны и углы.
Подагра же тотчасъ въ дорогу;
Простилася съ селомъ;
Въ столицу прибыла, и въ самой пышный домъ

Къ превосходительству сѣдому сѣла въ ногу.
Подагрѣ рай, пошло житье у старика:
Не сходитъ съ нимъ она долой съ пуховика.
Съ тѣхъ поръ съ сестрою братъ ужь болѣ не видался;
Всякъ при своемъ у нихъ остался,
Доволенъ участью равно:
Паукъ по хижинамъ пустился неопрятнымъ,
Подагра же пошла по богачамъ и знатнымъ,
И оба дѣлаютъ умно.

V.

ЛИСИЦА и ВИНОГРАДЪ.

Голодная кума Лиса залѣзла въ садъ;
Въ немъ винограду кисти рдѣлись.
У кумушки на виноградъ
Запрыгали глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты висятъ.
Лишь то бѣда, висятъ онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ ни зайдетъ;
Хоть видитъ око,
Да зубъ неймётъ.
Пробившись попусту часъ цѣлой,
Пошла и говоритъ съ досадою: ну чтожъ!
На взглядъ-то онъ хорошъ,
Да зеленъ, ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь.

VI.

ОСЕЛЪ и СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: послушай-ко, дружище!
Ты, сказываютъ, пѣть великой мастерище:
Хотѣлъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье?
Тутъ Соловей являть свое искуство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной въ далекѣ свирѣлью отдавался,
То мѣлкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть чуть дыша, пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ. Оселъ, уставясь въ землю лбомъ,
Изрядно, говоритъ, сказать неложно,
Тебя безъ скуки слушать можно;
А жаль, что не знакомъ
Ты съ нашимъ Пѣтухомъ:
Ещебъ ты болѣ навострился,
Когда бы у него немножко поучился.

Услыша судъ такой, мой бѣдной Соловей
Вспорхнулъ — и полетѣлъ за тридевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей.

VII.

СЛОНЪ НА ВОЕВОДСТВѢ.

Кто знатенъ и силенъ,
Да неуменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.

На воеводство былъ въ лѣсу посаженъ Слонъ.
Хоть кажется Слоновъ и умная порода,
Однако же въ семьѣ не безъ урода:
Нашъ воевода
Въ родню былъ толстъ,
Да не въ родню былъ простъ;
А съ умыслу онъ мухи не обидитъ. —
Вотъ доброй воевода видитъ,
Вступило отъ Овецъ прошеніе въ приказъ,
Что Волки-де совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.
О плуты! Слонъ кричитъ, какое преступленье!
Кто грабить далъ вамъ позволенье?
А Волки говорятъ: помилуй, нашъ отецъ!
Не ты ль намъ къ зимѣ на тулупы
Позволилъ легонькой оброкъ собрать съ Овецъ?
А что онѣ кричатъ, такъ Овцы глупы:

Всего-то придетъ съ нихъ — съ сестры по
шкуркѣ снять;
Да и того имъ жаль отдать.—
Ну то-тожъ, говоритъ имъ Слонъ, смотрите;
Неправды я не потерплю ни въ комъ:
По шкуркѣ, такъ и быть, возмите,
А больше ихъ не троньте волоскомъ.

VIII.

КРЕСТЬЯНИНЪ ВЪ БѢДѢ.

Къ крестьянину на дворъ
Залѣзъ осенней ночью воръ;
Забрался въ клѣть, и на просторѣ
Обшаря стѣны всѣ, и полъ, и потолокъ,
Покралъ безсовѣстно, что могъ.
И то сказать, какая совѣсть въ ворѣ?
Ну такъ, что нашъ мужикъ бѣднякъ
Богатымъ легъ, а съ голью всталъ такою,
Хоть по міру поди съ сумою.
Не дай Богъ ни кому проснуться худо такъ!
Крестьянинъ тужитъ и горюетъ,
Родню сзываетъ и друзей,
Сосѣдей всѣхъ и кумовей:
Нельзяль какъ, говоритъ, помочь бѣдѣ моей?
Тутъ всякой съ мужикомъ толкуетъ
И умной свой даетъ совѣтъ.
Кумъ Карпычь говоритъ: эхъ, свѣтъ!

Не надобно было тебѣ по мiру славить,
Что столько ты богатъ. —
Сватъ Климычь говоритъ: впередъ, мой милой сватъ,
Старайся клѣть къ избѣ гораздо ближе ставить. —
Эхъ, братцы! это все не такъ,
Сосѣдъ толкуетъ Фока:
Не то бѣда, что клѣть далёка,
Да нада на дворѣ лихихъ держать собакъ.
Возмика ты впередъ щенка любова
Отъ Жучки; я бы радъ сосѣда дорогова
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить.
И словомъ отъ родни и отъ друзей любезныхъ
Совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ,
Кто сколько могъ;
А дѣломъ ни одинъ бѣдняжкѣ не помогъ.

На свѣтѣ таковожъ: коль въ нужду попадешься,
Отвѣдай сунуться къ друзьямъ;
Начнутъ совѣтовать и въ кось тебѣ и въ прямь;
А чуть о помощи на дѣлѣ заикнешься,
То лучшiй другъ
И нѣмъ и глухъ.

IX.

ХОЗЯИНЪ И МЫШИ.

Коль въ домѣ станутъ воровать,
А нѣтъ прилики вору,
То берегись клепать,
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору;
Ты вора этимъ не уймешь
И не исправишь,
А только добрыхъ слугъ съ двора бѣжать заставишь,
И отъ меньшой бѣды въ большую попадешь.

Купчина выстроилъ анбары,
И въ нихъ поклалъ съѣстные все товары;
А чтобъ Мышиной родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ полицію изъ Кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ Мышей Купчина;
По кладовымъ и день и ночь дозоръ,
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ дозорныхъ появился воръ.
У Кошекъ, какъ у насъ (кто этаго не знаетъ?)
Не безъ грѣха въ надсмотрщикахъ бываетъ.
Тутъ, чѣмъ бы вора подстеречь
И наказать его, а правыхъ поберечь,
Хозяинъ мой велѣлъ всѣхъ Кошекъ пересѣчь.
Услыша приговоръ такой замысловатой,
И правой тутъ и виноватой
Скорѣй съ двора долой.
Безъ Кошекъ сталъ Купчина мой.

А Мыши лишь того и ждали и хотѣли;
Лишь Кошки вонъ, онѣ въ анбаръ,
И въ двѣ иль три недѣли
Поѣли весь товаръ.

X.

СЛОНЪ и МОСЬКА.

По улицамъ Слона водили,
Какъ видно на показъ.
Извѣстно, что Слоны въ диковинку у насъ;
Такъ за Слономъ толпы зѣвакъ ходили.
Отколѣ ни возмись на встрѣчу Моська имъ.
Увидѣвши Слона, ну на него метаться,
И лаять, и визжать, и рваться;
Ну такъ и лѣзитъ въ драку съ нимъ.
Сосѣдка, перестань срамиться,
Ей Шафка говоритъ; тебѣль съ Слономъ во-
зиться?
Смотри, ужь ты хрипишь, а онъ себѣ идетъ
Впередъ,
И лаю твоего совсѣмъ не примѣчаетъ. —
Эхъ! эхъ! ей Моська отвѣчаетъ,
Вотъ то-то мнѣ и духу придаетъ,
Что я совсѣмъ безъ драки
Могу попасть въ большіе забіяки.
Пускай же говорятъ собаки:
Ай Моська! знать она сильна,
Что лаетъ на Слона.

XI.

ВОЛКЪ и ВОЛЧЕНОКЪ.

Волченка Волкъ начавъ помалу приучать
Отцевскимъ промысломъ питаться,
Послалъ его опушкой прогуляться;
А между тѣмъ велѣлъ прилѣжнѣй примѣчать,
Не льзяль гдѣ счастья имъ отвѣдать,
Хоть захватя грѣха,
На счетъ бы пастуха
Позавтракать иль пообѣдать.
Приходитъ ученикъ домой
И говоритъ: пойдемъ скорѣй со мной,
Обѣдъ готовъ, ни что не можетъ быть вѣрнѣе:
Тамъ подъ горой
Пасутъ овецъ, одна другой жирнѣе;
Любую стоитъ лишь унесть
И съѣсть;
А стадо таково, что трудно перечесть. —
Постой-ка, Волкъ сказалъ, сперва мнѣ вѣдать
нада,
Каковъ пастухъ у стада? —
Хоть говорятъ, что онъ
Не плохъ, заботливъ и уменъ;
Однако стадо я обшелъ со всѣхъ сторонъ,
И высмотрѣлъ собакъ: онѣ совсѣмъ не жирны,
И плохи, кажется, и смирны. —
Меня такъ этотъ слухъ,
Волкъ старой говоритъ, не очень къ стаду
манитъ:
Коль подлинно не плохъ пастухъ,

Такъ онъ плохихъ собакъ держать не станетъ:
Тутъ тотчасъ попадешь въ бѣду.
Пойдемъ-ка, я тебя на стадо наведу,
Гдѣ сбережемъ вѣрнѣй мы наши шкуры;
Хотя при стадѣ томъ и множество собакъ,
Да самъ пастухъ дуракъ;
А гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры.

XII.

ОБЕЗЬЯНА.

Какъ хочешь ты трудись,
Но приобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы, ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ Крестьянинъ мой,
Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
За то, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо! исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы, какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться.

Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ!
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволочитъ, то покатитъ,
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она пыхтя, насилу дышитъ,
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.

И не диковинка, мой свѣтъ!
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

XIII.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Когда-то вздумалось Мышамъ себя прославить,
И не смотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ ключницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить
Отъ погребовъ до чердаковъ;
И для того совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ.
Примѣта у Мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.

Умно ли то? теперь мы спрашивать не будемъ;
Да впрочемъ объ умѣ мы сами часто судимъ
По платью иль по бородѣ.
Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья
Все длиннохвостыхъ брать назначено въ со-
вѣтъ;
У коихъ же хвоста къ несчастью нѣтъ,
Хотябъ лишились ихъ онѣ среди сраженья;
Но такъ какъ это знакъ иль неумѣнья,
Иль нерадѣнья,
Такихъ въ совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ за нихъ своихъ хвостовъ не раз-
терять.
Все дѣло слажено, повѣщено собранье,
Какъ ночь настанетъ на дворѣ;
И наконецъ въ мушномъ ларѣ
Открыто засѣданье.
Но лишь позаняли мѣста,
Анъ глядь, сидитъ тутъ Крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую Мышь толкаетъ
Мышенокъ молодой,
И говоритъ: какой судьбой
Безхвостая здѣсь съ нами засѣдаетъ?
И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?
Дай голосъ, чтобъ ее скорѣе выслать вонъ.
Ты знаешь, какъ народъ безхвостыхъ нашъ не
любитъ;
У всѣхъ,
По ней одной подымутъ насъ на смѣхъ;
Какой же съ ней въ дѣлахъ намъ будетъ и ус-
пѣхъ?
Она не только насъ, подполицу всю сгубитъ.

А Мышь въ отвѣтъ: молчи — все знаю я сама;
Да эта Крыса мнѣ кума.

XIV.

МѢШОКЪ.

Въ прихожей на полу
Въ углу
Пустой Мѣшокъ валялся.
У самыхъ низкихъ слугъ
Онъ на обтирку ногъ не рѣдко помыкался;
Какъ вдругъ
Мѣшокъ нашъ въ честь попался,
И весь червонцами набитъ;
Въ окованномъ ларцѣ въ сохранности лежитъ.
Хозяинъ самъ его лелѣетъ
И бережетъ Мѣшокъ онъ такъ,
Что на него ни какъ
Ни вѣтеръ не пахнетъ, ни муха сѣсть не смѣетъ;
А сверхъ того съ Мѣшкомъ
Весь городъ сталъ знакомъ.
Пріятель ли къ хозяину приходитъ,
Охотно о Мѣшкѣ рѣчь ласкову заводитъ;
А ежели Мѣшокъ открытъ,
То всякой на него умильно такъ глядитъ;
Когда же кто къ нему подсядетъ,
То вѣрно ужь его потреплетъ иль погладитъ.
Увидя, что у всѣхъ онъ сталъ въ такой чести

Мѣшокъ завеличался,
Заумничалъ, зазнался,
Мѣшокъ заговорилъ, и началъ вздоръ нести;
О всемъ и рядитъ онъ и судитъ;
И то не такъ,
И тотъ дуракъ,
И изъ того-то худо будетъ.
Всѣ только слушаютъ его разинувъ ротъ;
Хоть онъ такую дичь несетъ,
Что уши вянутъ.
Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ съ червонцами Мѣшокъ
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.
Но долголь былъ Мѣшокъ въ чести и слылъ
съ умомъ?
И долго ли его ласкали?
Пока всѣ изъ него червонцы таскали;
А тамъ онъ выброшенъ и слуху нѣтъ объ немъ.

Мы басней никого обидѣть не хотѣли.
Но сколько есть такихъ Мѣшковъ
Между откупщиковъ,
Которы нѣкогда въ подносчикахъ сидѣли?
Иль между игроковъ,
Которы у себя за рѣдкость рубль видали,
А нынѣ по поламъ съ грѣхомъ богаты стали?
Съ которыми теперь и Графы и Князья,
Друзья;
Которые теперь не рѣдко съ тѣмъ вельможей,
У коего они не смѣли сѣсть въ прихожей,
Играютъ за просто въ бостонъ.
Велико дѣло миліонъ!

*

Однако же, друзья, вы столько не гордитесь.
Сказать ли правду вамъ тишкомъ?
Не дай Богъ, если разоритесь;
И съ вами точно такъ поступятъ, какъ съ Мѣшкомъ.

XV.

КОТЪ и ПОВАРЪ.

Какой-то Поваръ грамотей
Съ поварни побѣжалъ своей
Въ кабакъ (онъ набожныхъ былъ правилъ,
И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ),
А дома стеречи съѣстное отъ мышей
Кота оставилъ.
Но что же возвратясь онъ видитъ? На полу
Объѣдки пирога; а Васька Котъ въ углу,
Припавъ за уксуснымъ боченкомъ,
Мурлыча и ворча, трудится надъ курченкомъ.
Ахъ ты обжора! ахъ злодѣй!
Тутъ Ваську Поваръ укоряетъ:
Не стыдноль стѣнъ тебѣ, не только что людей?
(А Васька все таки курченка убираетъ).
Какъ, бывъ честнымъ Котомъ до этихъ поръ?
Бывало за примѣръ тебя смиренства кажутъ.
А ты! — Ахти какой позоръ!
Теперя всѣ сосѣди скажутъ:
Котъ Васька плутъ! Котъ Васька воръ,

И Ваську-де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ,
Какъ волка жаднаго въ овчарню;
Онъ порча, онъ чума, онъ язва здѣшнихъ мѣстъ!
(А Васька слушаетъ, да ѣстъ).
Тутъ риторъ мой, давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.
Но чтожъ? пока его онъ пѣлъ,
Котъ Васька все жаркое съѣлъ.

А я бы Повару иному
Велѣлъ на стѣнкѣ зарубить,
Чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому,
Гдѣ нужно власть употребить.

XVI.

ОГОРОДНИКЪ и ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядахъ такъ рылся Огородникъ,
Какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ;
Мужикъ ретивый былъ работникъ,
И дюжъ и свѣжъ на взглядъ:
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ полсотни грядъ.
Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охотникъ
До огородовъ и садовъ,
Великой краснобай, названый другъ природы,
Недоученый Философъ,
Который лишь изъ книгъ болталъ про огороды.

Однакожъ за своимъ онъ вздумалъ самъ ходить,
И то же огурцы садить;
А между тѣмъ смѣялся такъ сосѣду:
Сосѣдъ, какъ хочешь ты потѣй,
А я съ работою моей
Далеко отъ тебя уѣду;
И огородъ твой при моемъ
Казаться будетъ пустыремъ.
Да, правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое какъ идетъ.
Какъ ты еще не разорился?
Ты чай вѣдь ни какимъ наукамъ не учился? —
И нѣкогда! сосѣда былъ отвѣтъ:
Прилѣжность, навыкъ, руки,
Вотъ всѣ мои тутъ и науки;
Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ. —
Невѣжа! возставать противъ наукъ ты смѣ-
ешь? —
Нѣтъ, баринъ, не толкуй моихъ такъ криво
словъ;
Коль ты что путное затѣешь,
Я перенять всегда готовъ. —
А вотъ увидишь ты, лишь лѣтабъ намъ дож-
даться. —
Но, баринъ, не пораль за дѣло приниматься?
Ужь я кой что посѣялъ, посадилъ;
А ты и грядъ еще не взрылъ. —
Да, я не взрылъ, за недосугомъ;
Я все читалъ,
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше? заступомъ ихъ взрыть, сохой
иль плугомъ?

Но время еще не уйдетъ.—
Какъ васъ, а насъ оно не очень ждетъ,
Послѣдній отвѣчалъ, и тутъ же съ нимъ разспался,
Взялъ заступъ свой;
А Философъ пошелъ домой,
Читалъ, выписывалъ, справлялся;
И въ книгахъ рылся и въ грядахъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ.
Едва съ одной работой сладитъ,
Чуть на грядахъ лишь что взойдетъ,
Въ журналахъ новость онъ найдетъ,
И все изроетъ, пересадитъ
На новой ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?
У Огородника взошло все и поспѣло;
Онъ съ прибылью — и въ шляпѣ дѣло;
А Философъ....
Безъ огурцовъ.

XVII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЛИСИЦА.

Скажи мнѣ, кумушка, что у тебя за страсть
Куръ красть?
Крестьянинъ говорилъ Лисицѣ встрѣтясь съ нею;
Я право о тебѣ жалѣю!
Послушай, мы теперь вдвоемъ,
Я правду всю скажу: вѣдь въ ремеслѣ твоемъ

Ни на волосъ добра не видно.
Не говоря уже, что красть и грѣхъ и стыдно,
И что бранитъ тебя весь свѣтъ;
Да дня такого нѣтъ,
Чтобъ не боялась ты за ужинъ иль обѣдъ
Въ курятникѣ оставить шкуры!
Ну стоютъ ли того всѣ куры? —
Кому такая жизнь сносна?
Лисица отвѣчаетъ:
Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже часто мнѣ и пища не вкусна.
Когдабъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? нужда, дѣти;
При томъ же иногда, голубчикъ кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ?
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно вострой ножъ. —
Ну чтожъ?
Крестьянинъ говоритъ, коль вправду ты не лжешь,
Я отъ грѣха тебя избавлю,
И честный хлѣбъ тебѣ доставлю;
Наймись курятникъ мой отъ Лисъ ты охранять:
Кому, коль не Лисѣ, всѣ Лисьи плутни знать?
За то ни въ чемъ не будешь ты нуждаться,
И станешь у меня какъ въ маслѣ сыръ кататься.
Торгъ слаженъ: и съ тогожъ часа
Вступила въ караулъ Лиса.
Пошло у мужика житье Лисѣ привольно;
Мужикъ богатъ, всего Лисѣ довольно:
Лисица стала и сытѣй,

Лисица стала и жирнѣй;
Но все не сдѣлалась честнѣй:
Не краденой кусокъ приѣлся скоро ей;
И кумушка тѣмъ службу повершила,
Что выбравъ ночку по темнѣй,
У куманька всѣхъ куръ передушила.

Въ комъ есть и совѣсть и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ,
Въ какой бы нуждѣ ни былъ онъ;
А вору дай хоть милiонъ,
Онъ воровать не перестанетъ.

XVIII.

ВОСПИТАНIЕ ЛЬВА.

Льву, кесарю лѣсовъ, Богъ сына даровалъ.
Звѣриную вы знаете природу:
У нихъ не какъ у насъ; у насъ ребенокъ году,
Хотябъ онъ царской былъ, и глупъ и слабъ и малъ;
А годовалой Львенокъ
Давно ужь вышелъ изъ пеленокъ.
Такъ къ году Левъ отецъ не шуткой думать сталъ,
Чтобы сынка невѣжей не оставить,
Въ немъ царску честь не уронить;

И чтобъ, когда сынку придется царствомъ
править,
Не сталъ бы за сынка народъ отца бранить.
Когожъ бы попросить, нанять, или заставить,
Царевича Царемъ на выучку поставить?
Отдать его Лисѣ; Лиса умна,
Да лгать великая охотница она;
А со лжецомъ во всякомъ дѣлѣ мука;
Такъ это, думалъ Царь, не царская наука.
Отдать Кроту; объ немъ молва была,
Что онъ во всемъ большой порядокъ любитъ,
Безъ ощупи шага не ступитъ,
И всякое зерно для своего стола
Онъ самъ и чиститъ, самъ и лупитъ;
И словомъ, слава шла,
Что Кротъ великой звѣрь на малыя дѣла;
Бѣда лишь, подъ носомъ глаза Кротовы зорки,
Да въ даль не видятъ ничего.
Порядокъ же Кротовъ хорошъ, да для него;
А царство Львиное гораздо больше норки.
Не взять ли Барса? Барсъ отваженъ и силенъ;
А сверхъ того великой тактикъ онъ;
Да Барсъ политики не знаетъ:
Гражданскихъ правъ совсѣмъ не понимаетъ;
Какіежъ царствовать уроки онъ подастъ?
Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ;
А Барсъ лишь рѣзаться гораздъ;
Такъ и дѣтей учить онъ Царскихъ недостоинъ.
Короче: звѣри всѣ, и даже самой Слонъ,
Который былъ въ лѣсахъ почтенъ,
Какъ въ Греціи Платонъ,
Имъ все еще казался не уменъ,

И не учень.
По счастью или нѣтъ (увидимъ это вскорѣ),
Услышавъ про царево горе
Такой же Царь, пернатыхъ Царь, Орелъ,
Который велъ
Со Львомъ приязнь и дружбу,
Для друга сослужить большую взялся службу,
И вызвался самъ Львенка воспитать.
У Льва какъ гору съ плечь свалило.
И подлинно, чего, казалось, лучше было,
Царевичу Царя въ учители сыскать?
Вотъ Львенка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать къ Орлу.
Проходитъ годъ и два; межъ тѣмъ кого ни спросятъ,
О Львенкѣ ото всѣхъ лишь слышатъ похвалу:
Всѣ птицы чудеса о немъ въ лѣсахъ разносятъ.
И наконецъ приходитъ срочной годъ;
Царь Левъ за сыномъ шлетъ.
Явился сынъ; тутъ Царь сбираетъ весь народъ,
И малыхъ и большихъ сзываетъ;
Сынка цѣлуетъ, обнимаетъ,
И говоритъ ему онъ такъ: любезный сынъ,
По мнѣ наслѣдникъ ты одинъ;
Я въ гробъ уже гляжу, а ты лишь въ свѣтъ вступаешь,
Такъ я тебѣ охотно царство сдамъ;
Скажи теперь при всѣхъ лишь намъ:
Чему ученъ ты? что ты знаешь?
И какъ ты свой народъ счастливымъ сдѣлать чаешь? —

Папа, отвѣтствовалъ сынокъ, я знаю то,
Чего не знаетъ здѣсь ни кто;
И отъ Орла до Перепелки,
Какой гдѣ птицы болѣ водъ,
Какая чѣмъ изъ нихъ живетъ,
Какія яица несетъ,
И птичьи нужды всѣ сочту вамъ до иголки.
Вотъ отъ учителей тебѣ мой аттестатъ;
У птицъ не даромъ говорятъ,
Что я хватаю съ неба звѣзды;
Когдажъ намѣренъ ты правленье мнѣ вручить,
То я тотчасъ начну звѣрей учить
Вить гнѣзды.
Тутъ ахнулъ Царь и весь звѣриной свѣтъ;
Повѣсилъ головы совѣтъ;
А Левъ старикъ поздненько спохватился,
Что Львенокъ пустякамъ учился;
Что пользы мало въ томъ, или и вовсе нѣтъ,
Чтобъ знать, кто какъ у птицъ живетъ,
Тому, кого звѣрьми владѣть зоветъ природа;
И что главнѣйшая наука для Царей,
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

XIX.

ЛИСТЫ и КОРНИ.

Въ прекрасный лѣтній день
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листки на деревѣ съ Зефирами шептали;
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ Зефирамъ толковали.
Не правда ли, что мы краса долинѣ всей?
Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Чтобъ было въ немъ безъ насъ? Ну право!
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха.
Не мыль отъ зною пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мыль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы Зефиры сами
Почти не разстаетесь съ нами. —
Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ,
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ подъ земли смиренно.—
Кто смѣетъ съ нами такъ считаться дерзновенно?

Кто вы такіе тамъ?
Листы по дереву шумя, залепетали. —
Мы тѣ,
Которые здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. — Ужель не узнаете?
Мы Корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.

Красуйтесь въ доброй часъ;
Да только помните ту разницу межъ насъ,
Что съ новою весной листъ новой народится;
А если корень изсушится,
Не станетъ дерева, ни васъ.

XX.

ГУСИ.

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать;
И правду истинну сказать,
Не очень вѣжливо честилъ свой гуртъ Гусиной.
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню.
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню;
Но Гуси иначе объ этомъ толковали,
И встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пеняли.
Гдѣ можно насъ Гусей несчастнѣе найти?
Мужикъ такъ нами помыкаетъ,
И насъ какъ будто бы простыхъ Гусей гоняетъ;
А этаго не смыслитъ неучь сей,
Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатной родъ ведемъ отъ тѣхъ Гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ.

Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.—
А вы хотите быть за что отличены?
Спросилъ прохожій ихъ. — Да наши предки....
Знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли? —
Да наши предки Римъ спасли. —
Все такъ, — да вы что сдѣлали такое? —
Мы? ничего! — Такъ чтожъ и добраго въ васъ
есть?
Оставьте предковъ вы въ покоѣ:
Имъ по дѣламъ была и честь;
А вы, друзья, лишь годны на жаркое.

Баснь эту можно бы и болѣ пояснить;
Да чтобъ Гусей не раздразнить.

XXI.

СВИНЬЯ.

Свинья на барской дворъ когда-то затесалась,
Вокругъ конюшенъ тамъ и кухонь наслонялась,
Въ сору, въ навозѣ извалялась,
Въ помояхъ по уши до сыта накупалась,
И изъ гостей домой
Пришла свинья свиньей.
Ну чтожъ, Хавронья, тамъ ты видѣла такова?
Свинью спросилъ пастухъ:

Вѣдь идетъ слухъ,
Что все у богачей лишь бисеръ да жемчугъ;
А въ домѣ такъ одно богатѣе другова? —
Хавронья хрюкаетъ: ну право порютъ вздоръ!
Я не примѣтила богатства никакова,
Все только лишь навозъ да соръ;
А кажется ужь не жалѣя рыла
Я тамъ изрыла
Весь задній дворъ.

Не дай Богъ никого сравненьемъ мнѣ обидеть!
Но какъ же критика Хавроньей не назвать,
Который что ни станетъ разбирать,
Имѣетъ даръ одно худое видѣть?

XXII.

ОРЕЛЪ и ПАУКЪ.

За облака Орелъ
На верхъ Кавказскихъ горъ поднялся;
На кедрѣ тамъ столѣтнемъ сѣлъ,
И зримымъ подъ собой пространствомъ любо-
валсяю.
Казалось, что оттоль онъ видѣлъ край земли:
Тамъ рѣки по степямъ излучисто текли,
Здѣсь рощи и луга цвѣли
Во всемъ весеннемъ ихъ уборѣ;

А тамъ сердитое Каспійско море
Какъ ворона крыло чернѣлося въ дали.
Хвала тебѣ Зевесъ, что управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ меня снабдить такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты,
(Орелъ къ Юпитеру взываетъ),
И что смотрю отколь на міра красоты,
Куда никто не залетаетъ. —
Какой же ты хвастунъ, какъ погляжу,
Паукъ ему тутъ съ вѣтки отвѣчаетъ;
Да нижель я тебя, товарищь, здѣсь сижу? —
Орелъ глядитъ — и подлинно Паукъ
Надъ самымъ имъ разкинувъ сѣть вокругъ,
На вѣточкѣ хлопочетъ,
И кажется Орлу заткать онъ солнце хочетъ.
Ты какъ на этой высотѣ?
Спросилъ Орелъ; и тѣ,
Которые полетъ отважнѣйшій имѣютъ,
Не всѣ сюда пускаться смѣютъ;
А ты безъ крылъ и слабъ; не ужь ли ты доползъ? —
Нѣтъ, я бъ на это не рѣшился. —
Да какъ же здѣсь ты очутился? —
Да я къ тебѣ же прицѣпился,
И съ низу на хвостѣ ты самъ меня занесъ.
Но здѣсь и безъ тебя умѣю я держаться;
И такъ передо мной, прошу, не величаться;
И знай, что я....—Тутъ вихрь отколѣ ни возмись,
И сдунулъ Паука опять на самой низъ.

Какъ вамъ, а мнѣ такъ кажутся похожи
На этакихъ не рѣдко Пауковъ

Тѣ, кои безъ ума и даже безъ трудовъ,
Тащатся въ верхъ, держась за хвостъ вельможи;
А надуваютъ грудь,
Какъ будтобъ силою ихъ Богъ снабдилъ Орлиной;
Хоть стоитъ вѣтру лишь пахнуть,
Чтобъ ихъ унесть и съ паутиной.

Конецъ третей части.

БАСНИ

И. А. КРЫЛОВА.

ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

~~~~~~~~~~

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

~~~~~~~~~~

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
въ типографіи Императорскаго театра,
1819.

Новымъ изданіемъ печатать позволяется:

съ тѣмъ, чтобъ по напечатаніи до выпуска изъ Типографіи представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства народнаго просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Октября, 8 дня, 1818 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Ив. Тимковской.

ОГЛАВЛЕНІЕ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

БАСНИ.

I.

ЛАНЬ и ДЕРВИШЪ.

Младая Лань своихъ лишась любезныхъ чадъ,
Еще сосцы млекомъ имѣя отягченны,
Нашла въ лѣсу двухъ малыхъ волченятъ,
И стала выполнять долгъ матери священный,
Своимъ питая ихъ млекомъ.
Въ лѣсу живущій съ ней одномъ
Дервишъ, ея поступкомъ изумленный:
О, безразсудная! сказалъ, къ кому любовь,
Кому свое млеко ты расточаешь?
Иль благодарности отъ ихъ ты рода чаешь?
Быть можетъ нѣкогда (иль злости ихъ не знаешь?)
Они прольютъ твою же кровь. —
Быть можетъ, Лань на это отвѣчала;
Но я о томъ не помышляла,
И не желаю помышлять.
Мнѣ чувство матери одно теперь лишь мило,
И молоко мое меня бы тяготило,
Когдабъ не стала я питать.

Такъ добродѣтельный, любя едину благость,
Безъ всякой мзды добро творитъ,
И если онъ богатъ, ему избытки въ тягость,
Коль онъ ихъ съ ближнимъ не дѣлитъ.

II.

ОРЕЛЪ и КРОТЪ.

Не презирай совѣта ни чьего,
Но прежде разсмотри его.

Со стороны прибывъ далекой
Въ дремучій лѣсъ Орелъ съ орлицею вдвоемъ,
Задумали на вѣкъ остаться въ немъ,
И выбравши вѣтвистой дубъ, высокой,
Гнѣздо себѣ въ его вершинѣ стали вить,
Надѣясь и дѣтей тутъ вывести на лѣто.
Услыша Кротъ про это,
Орлу взялъ смѣлость доложить,
Что этотъ дубъ для ихъ жилища не годится,
Что корнемъ онъ не крѣпокъ и не цѣлъ,
Что даже можетъ быть онъ скоро и свалится,
Такъ чтобы вить на немъ гнѣзда
Не принималъ Орелъ напраснаго труда.
Но кстатѣ ли Орлу принять совѣтъ изъ норки,
И отъ Крота! — А гдѣ же похвала,
Что у Орла
Глаза такъ зорки?

И что за стать Кротамъ мѣшаться смѣть въ
дѣла
Царь-птицы!
Такъ многаго съ Кротомъ не говоря,
Къ работѣ поскорѣй, совѣтчика презря,
И новоселье у царя
Поспѣло скоро для царицы.
Все счастливо, ужь есть и дѣти у орлицы.
Но чтожъ? — Однажды, какъ зарей,
Орелъ изъ поднебесъ къ семьѣ своей
Съ богатымъ завтракомъ съ охоты торопился,
Онъ видитъ: дубъ его свалился,
И подавило имъ орлицу и дѣтей. —
Отъ горести не взвидя свѣта:
Несчастный! онъ сказалъ, за то бѣда мнѣ эта,
Что не послушалъ я совѣта;
Но можноль было ожидать,
Чтобы ничтожный Кротъ совѣтъ могъ добрый
дать? —
Когда бы ты не презрѣлъ мною,
Изъ норки Кротъ сказалъ, то вспомнилъ бы,
что рою
Свои я норы подъ землей,
И что случаясь близь корней,
Здороволь дерево, я знать могу вѣрнѣй.

---

*

III.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

Охотно любятъ то дарить и уступать,
Что не куда самимъ дѣвать.

Я про Лису примѣръ хочу сказать,
За тѣмъ, что истина сноснѣе въ полъ-открыта.
Лиса курятинки накушавшись до сыта,
И добрый ворошокъ припрятавши въ запасъ,
Подъ стогомъ прилегла вздремнуть въ вечерній часъ.
Глядитъ, анъ въ гости къ ней голодный Волкъ тащится.
Что, кумушка, бѣды! онъ говоритъ,
Ни косточкой не могъ ни гдѣ я поживиться,
Меня такъ голодъ и моритъ;
Собаки злы, пастухъ не спитъ,
Пришло хоть удавиться! —
Не ужь ли? — Право такъ. — Бѣдняжка куманёкъ!
Да не изволишь ли сѣнца? Вотъ цѣлой стогъ,
Я куму услужить готова. —
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мяснова;
Да про запасъ Лиса ни слова.
И такъ, приятель сѣрой мой,
Обласканъ по уши кумой,
Однако же пошелъ безъ ужина домой.

IV.

БУМАЖНОЙ ЗМѢЙ.

Запущенный подъ облака
Бумажный Змѣй, примѣтя съ высока
Въ долинѣ Мотылька:
Повѣришь ли? кричитъ, чуть чуть тебя мнѣ
видно;
Признайся, что тебѣ завидно
Смотрѣть на мой высокой столь полетъ. —
Завидно! — Право нѣтъ;
Напрасно о себѣ ты много такъ мечтаешь!
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свѣтъ,
Отъ счастія весма далеко,
А я хоть правда не высоко,
За то лечу
Куда хочу;
Да я же такъ, какъ ты, въ забаву для другова
Пустова,
Вѣкъ цѣлой на трещу.

V.

ДЕРЕВО.

Увидя, что топоръ крестьянинъ несъ:
Голубчикъ! Деревцо сказало молодое,
Пожалуй выруби вокругъ меня ты лѣсъ;
Я не могу рости въ покоѣ;

Ни для корней моихъ простору нѣтъ,
Ни вѣтеркамъ вокругъ меня свободы;
Такіе надо мной онъ сплесть изволилъ своды!
Когдабъ вокругъ меня не этотъ сбродъ,
Я вѣрнобъ выросла до облакъ въ годъ,
И скрасилась бы мной здѣсь цѣлая долина;
Теперь же я какъ хворостина.
Взялся крестьянинъ за топоръ
И Дереву, какъ другу,
Онъ оказалъ услугу:
Вкругъ Деревца большой очистился просторъ.
Но торжество его не долго было!
То солнцемъ Дерево печетъ,
То градомъ, то дождемъ сѣчетъ,
И вѣтромъ наконецъ то Деревцо сломило. —
Безумное! ему сказала тутъ Змѣя,
Не отъ тебяль бѣда твоя?
Когдабъ укрытое въ лѣсу ты возрастало,
Тебѣбъ вредить ни зной, ни вѣтры не могли,
Тебя бы старые деревья берегли.
А еслибъ нѣкогда деревьевъ тѣхъ не стало,
И время ихъ бы отошло,
То до того ты столькобъ возросло,
Усилилось и укрѣпилось,
Что нынѣшней бѣды съ тобой бы не случилось,
И бурю можетъ быть тыбъ выдержать могло.

VI.

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА и РАКЪ.

Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ,
И выдетъ изъ него не дѣло, только мука.

Однажды Лебедь, Ракъ, да Щука,
Везти съ поклажей возъ взялись,
И вмѣстѣ трое всѣ въ него впряглись;
Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а возу нѣту ходу!
Поклажа бы для нихъ казалась и легка;
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.
Кто виноватъ изъ нихъ, кто правъ, судить не намъ,
Да только возъ и нынѣ тамъ.

VII.

СОБАКА.

У барина была Собака шаловлива,
Хоть нужды не было Собакѣ той ни въ чемъ:
Иная бы такимъ житьемъ
Была довольна и счастлива,
Общественныхъ не нарушая правъ.
Но ужь у ней такой былъ нравъ:

Что изъ мяснова не достанетъ,
Въ минуту стянетъ.
Хозяинъ сладить съ ней не могъ,
Какъ онъ ни бился,
Пока его приятель не вступился
И въ томъ ему совѣтомъ не помогъ. —
Послушай, говоритъ, хоть кажется ты строгъ;
Но ты лишь красть Собаку приучаешь,
За тѣмъ, что краденой кусокъ
Всегда ей оставляешь.
А ты впередъ ее хоть меньше бей,
Да кражу отнимай у ней. —
Едва лишь на себѣ Собака изпытала
Совѣтъ разумной сей,
Шалить Собака перестала.

VIII.

МЕХАНИКЪ.

Какой-то молодецъ, но только не умомъ,
Огромной каменной купилъ съ деревней домъ.
Домъ правда дѣдовской, но строенной на славу:
И прочность и уютъ все было въ домѣ томъ,
И домъ бы всѣмъ пришелъ молодчику по нраву,
Да только то бѣды,
Немножко далеко стоялъ онъ отъ воды. —
Ну чтожъ? онъ думаетъ, въ своемъ добрѣ я
властенъ,

Такъ домъ мой, какъ онъ есть,
Велю машинами къ рѣкѣ я перевезть;
(Какъ видно молодецъ механикой былъ страстенъ)!
Лишь сани подъ него подвесть,
Подрывшись напередъ ему подъ основанье,
А тамъ уже, изладя на каткахъ,
Я воротомъ, куда хочу, все зданье
Поставлю будто на рукахъ.
И что еще! чего не видано на свѣтѣ!
Когда перевозить туда мой будутъ домъ,
Тогда подъ музыкой съ пріятелями въ немъ,
Пируя за большимъ столомъ,
На навосельѣ я поѣду, какъ въ каретѣ. —
Плѣняся глупостью такой,
И къ дѣлу приступилъ тотъ часъ Механикъ мой.
Рабочихъ подрядилъ, подъ домомъ рылся, рылся,
Ни денегъ, ни заботъ ни мало не берегъ;
Однакожъ дома онъ перетащить не могъ,
И только до того добился,
Что домъ его свалился.

Какъ много у людей
Затѣй,
Которыя еще опаснѣй и глупѣй!

IX.

ПРУДЪ и РѢКА.

Что это, говорилъ Рѣкѣ сосѣдній Прудъ,
Какъ на тебя ни взглянешь,
А воды все твои текутъ!
Не ужь ли таки ты, сестрица, не устанешь?
При томъ же вижу я почти всегда,
То съ грузомъ тяжкія суда,
То долговязые плоты ты носишь;
Ужь я не говорю про лодки, челноки,
Имъ счету нѣтъ! Когда такую жизнь ты
бросишь?
Я право высохъ бы съ тоски.
Въ сравненіи съ твоимъ какъ жребій мой при-
ятенъ!
Конечно я не знатенъ,
По картѣ не тянусь я черезъ цѣлой листъ,
Мнѣ не бренчитъ похвалъ какой нибудь гу-
слистъ,
Да это право все пустое!
За то я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ барыня въ пуховикахъ,
Лежу и въ нѣгѣ и въ покоѣ;
Не только что судовъ,
Или плотовъ,
Мнѣ здѣсь не для чего страшиться,
Не знаю даже я каковъ тяжелъ челнокъ;
И много, ежели случится,
Что по водѣ моей чуть зыблется листокъ,
Когда его ко мнѣ заброситъ вѣтерокъ.

Что беззаботную замѣнитъ жизнь такую?
За вѣтрами со всѣхъ сторонъ,
Не движась я, смотрю на суету мірскую,
И философствую сквозь сонъ. —
А философствуя, ты помнишь ли законъ,
Рѣка на это отвѣчаетъ,
Что свѣжесть лишь вода движеньемъ сохраняетъ?
И если стала я великою Рѣкой,
Такъ это отъ того, что кинувши покой,
Послѣдую сему уставу.
За то по всякой годъ
Обиліемъ и чистотою водъ
И пользу приношу; и въ честь вхожу и въ славу,
И буду можетъ быть еще я вѣки течь,
Когда уже тебя не будетъ и въ поминѣ. —
Слова ея сбылись: она течетъ по нынѣ;
А бѣдной Прудъ годъ отъ году все глохъ,
Заволоченъ весь тиною глубокой,
Зацвѣлъ, заросъ осокой,
И наконецъ со всѣмъ изсохъ.

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ
По всякой день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь,
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

X.

ТРИШКИНЪ КАФТАНЪ.

У Тришки на локтяхъ кафтанъ продрался.
Что долго думать тутъ? Онъ за иглу принялся,
По четверти обрѣзалъ рукавовъ,
И локти заплатилъ. — Кафтанъ готовъ;
Лишь на четверть голѣе руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смѣется Тришкѣ всякъ.
А Тришка говоритъ: такъ я же не дуракъ,
И ту бѣду поправлю,
Длиннѣе прежняго я рукава наставлю.
О! Тришка малой не простой!
Обрѣзалъ фалды онъ и полы,
Наставилъ рукава, и веселъ Тришка мой,
Хоть носитъ онъ кафтанъ такой,
Котораго длиннѣе и камзолы.

Такимъ же образомъ видалъ я, иногда
Иные господа,
Запутавши дѣла, ихъ поправляютъ;
Посмотришь — въ Тришкиномъ кафтанѣ щеголяютъ!

XI.

КРЕСТЬЯНИНЪ и РАЗБОЙНИКЪ.

Крестьянинъ, заводясь домкомъ,
Купилъ на ярманкѣ подойникъ, да корову,
И съ ними сквозь дуброву
Тихонько брелъ домой проселочнымъ путемъ,
Какъ вдругъ Разбойнику попался.
Разбойникъ мужичка какъ липку ободралъ.
Помилуй, всплачется Крестьянинъ, я пропалъ,
Меня со всѣмъ ты доканалъ!
Годъ цѣлой я купить коровушку сбирался,
На силу этого дождался дня! —
Добро, не плачься на меня,
Сказалъ разжалобясь Разбойникъ,
И подлинно, вѣдь мнѣ коровы не доить;
Ужь такъ и быть,
Возми себѣ назадъ подойникъ.

XII.

ЦВѢТЫ.

Въ отворенномъ окнѣ богатаго покоя,
Въ фарфоровыхъ, расписанныхъ горшкахъ,
Цвѣты поддѣльные съ живыми вмѣстѣ стоя,
На проволочныхъ стебелькахъ
Качалися спесиво
И выставляли всѣмъ красу свою на диво.

Вотъ дождикъ началъ накрапать!
Цвѣты тафтяные Юпитера тутъ просятъ:
Не льзя ли дождь унять;
Дождь всячески они ругаютъ и поносятъ.
Юпитеръ! молются, ты дождикъ прекрати,
Что въ немъ пути,
И что его на свѣтѣ хуже!
Смотри не льзя по улицѣ пройти;
Вездѣ лишь отъ него и грязь и лужи. —
Однако же Зевесъ не внялъ мольбѣ пустой,
И дождь себѣ прошелъ своею полосой!
Прогнавши зной,
Онъ воздухъ прохладилъ; природа оживилась,
И зелень вся, какъ будто обновилась.
Тогда и на окнѣ Цвѣты живые всѣ
Раскинулись во всей своей красѣ,
И стали отъ дождя душистѣй,
Свѣжѣе и пушистѣй.
А бѣдные Цвѣты поддѣльные съ тѣхъ поръ
Лишились всей красы и брошены на дворъ,
Какъ соръ!

Таланты истинны за критику не злятся:
Ихъ повредить она не можетъ красоты;
Одни поддѣльные Цвѣты
Дождя боятся.

XIII.

ЛЮБОПЫТНЫЙ.

Пріятель дорогой, здорово, гдѣ ты былъ? —
Въ кунсткамерѣ, мой другъ! Часа тамъ три
ходилъ;
Все видѣлъ, высмотрѣлъ; отъ удивленья,
Повѣришь ли, не станетъ ни умѣнья,
Пересказать тебѣ, ни силъ.
Ужь подлинно что тамъ чудесъ палата!
Куда на выдумки природа торовата!
Какихъ звѣрей, какихъ тамъ птицъ я не видалъ!
Какія бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Однѣ какъ изумрудъ, другія какъ кораллъ!
Какія крохотны коровки!
Есть право менѣе булавочной головки! —
А видѣлъ ли слона? Каковъ собой на взглядъ?
Я чай, подумалъ ты, что гору встрѣтилъ! —
Да развѣ тамъ онъ? — Тамъ. — Ну, братецъ,
виноватъ:
Слона-то я и не примѣтилъ.

XIV.

МІРСКАЯ СХОДКА.

Какой порядокъ ни затѣй,
Но если онъ въ рукахъ безсовѣстныхъ людей,
Они всегда найдутъ уловку,
Чтобъ сдѣлать тамъ, гдѣ имъ захочется, снаровку.

Въ овечьи старосты у Льва просился Волкъ.
Стараньемъ кумушки Лисицы,
Словцо о немъ замолвлено у Львицы.
Но такъ какъ о Волкахъ худой на свѣтѣ толкъ,
И не сказали бы, что смотритъ Левъ на лицы,
То велѣно звѣриной весь народъ
Созвать на общій сходъ,
И распросить того, другаго,
Что въ Волкѣ добраго онъ знаетъ иль худаго.
Изполненъ и приказъ: всѣ звѣри созваны,
На сходкѣ голоса чинъ чиномъ собраны;
Но противъ Волка нѣтъ ни слова,
И Волка велѣно въ овчарню посадить.
Да что же Овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужь вѣрно были? —
Вотъ то-то нѣтъ! — Овецъ-то и забыли;
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

XV.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЗМѢЯ.

Змѣя къ Крестьянину пришла проситься въ домъ;
Не по пустому жить безъ дѣла,
Нѣтъ, няньчить у него дѣтей она хотѣла:
Хлѣбъ слаще нажитой трудомъ!
Я знаю, говоритъ она, худую славу,
Которая у васъ людей
Идетъ про Змѣй,
Что всѣ онѣ презлаго нраву;
Изъ древности гласитъ молва,
Что благодарности онѣ не знаютъ,
Что нѣтъ у нихъ ни дружбы, ни родства;
Что даже собственныхъ дѣтей онѣ съѣдаютъ!
Къ несчастью, правда все; — но я не такова!
Я съ роду ни кого не только не кусала;
Но такъ гнушаюсь зла,
Что жало у себя я вырвать бы дала,
Когдабъ я знала,
Что жить могу безъ жала!
И словомъ, я добрѣй
Всѣхъ Змѣй.
Судижъ, какъ буду я любить твоихъ дѣтей.—
Коль это, говоритъ Крестьянинъ, и не ложно,
Все мнѣ принять тебя не можно:
Когда примѣръ такой
У насъ полюбятъ,
Тогда вползутъ сюда за доброю Змѣей
Одной,

Сто злыхъ, и всѣхъ дѣтей здѣсь перегубятъ.
Да кажется, голубушка моя,
И по тому съ тобой мнѣ не ужиться,
Что лучшая Змѣя,
По мнѣ, ни къ чорту не годится.

Отцы, вы видѣтель, на что здѣсь мечу я?...

XVI.

СКВОРЕЦЪ.

У всякаго талантъ есть свой:
Но часто на успѣхъ прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
Въ чемъ онъ совсѣмъ не годенъ.
А мой совѣтъ такой:
Берись за то, къ чему ты сроденъ,
Коль хочешь, чтобъ въ дѣлахъ успѣшной былъ
конецъ.

Какой-то съ молоду Скворецъ
Такъ пѣть щегленкомъ научился,
Какъ будто бы щегленкомъ самъ родился.
Игривымъ голоскомъ весь лѣсъ онъ веселилъ,
И всякой Скворушку хвалилъ.
Иной бы былъ такой доволенъ частью;
Но Скворушка услышь, что хвалятъ соловья:
А Скворушка завистливъ былъ къ несчастью,

И думаетъ: постойте же друзья,
Спою не хуже я
И соловьинымъ ладомъ.
И подлинно запѣлъ!—
Да только лишь совсѣмъ особымъ складомъ:
То онъ пищалъ, то онъ хрипѣлъ,
То не путемъ
Онъ верещалъ козленкомъ;
И словомъ, разогналъ всѣхъ птицъ своимъ пѣньемъ!
Мой милой Скворушка! ну что за прибыль въ томъ?
Пой лучше хорошо щегленкомъ,
Чѣмъ дурно соловьемъ.

XVII.

ВОЛКЪ и ЖУРАВЛЬ.

Что Волкъ жадненекъ, всякой знаетъ:
Онъ ѣвши никогда
Костей не разбираетъ.
За то съ однимъ изъ нихъ случилася бѣда:
Онъ костью чуть не подавился.
Не можетъ Волкъ ни охнуть, ни вздохнуть;
Пришло хоть ноги протянуть!
По счастью, близко тутъ Журавль случился.
Вотъ, кой-какъ знаками сталъ Волкъ его манить,

И просить горю пособить.
Журавль свой долгой носъ по шею
Засунулъ къ Волку въ пасть, и съ трудностью большею
Кость вытащилъ, и сталъ за трудъ просить.
Ты шутишь, — звѣрь вскричалъ коварной:
Тебѣ за трудъ! Ахъ ты неблагодарной!
А это ничего, что свой ты долгой носъ
И съ глупой головой, изъ горла цѣлъ унесъ!
Подижъ, приятель, убирайся!
Да берегись — впередъ ты мнѣ не попадайся!

XVIII.

ПОЖАРЪ и АЛМАЗЪ.

Изъ малой искры ставъ пожаромъ,
Огонь, въ стремленьи яромъ,
По зданьямъ разлился въ глухой полночной часъ.
Тогдажъ, при общей той тревогѣ,
Потерянный Алмазъ
Едва сквозь пыль мелькалъ, валяясь по дорогѣ.
Какъ ты со всей своей игрой,
Сказалъ Огонь, ничтоженъ предо мной!
И сколь навычное потребно зрѣнье,
Чтобъ различить тебя при маломъ отдаленьи,
Или съ простымъ стекломъ иль съ каплею воды,
Когда въ нихъ лучь, иль мой, иль солнечный сіяетъ!

Ужь я не говорю, что все тебѣ бѣды,
Что на тебя ни попадаетъ:
Бездѣлка, ленты лоскутокъ!
Какъ часто блескъ твой затемняетъ
Вокругъ тебя одинъ обвившись волосокъ!
Не такъ легко затьмить мое сіянье,
Когда я въ ярости моей
Охватываю зданье.
Смотри, какъ всѣ усилія людей
Противъ себя я презираю;
Какъ съ трескомъ все, что встрѣчу, пожираю;—
И зарево мое, играя въ облакахъ,
Окрестностямъ наводитъ страхъ. —
Хоть противъ твоего мой блескъ и бѣденъ,
Алмазъ отвѣтствуетъ, но я безвреденъ....
Не укоритъ меня ни кто ни чьей бѣдой;
И лучь досаденъ мой
Лишь зависти одной.
А ты блестишь лишь тѣмъ, что разрушаешь!
За то, всей силой съединясь,
Смотри, какъ рвутся всѣ, чтобъ ты скорѣй погасъ;
И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,
Тѣмъ ближе можешь быть къ концу. —
Тутъ силой всей народъ тушить пожаръ принялся;
На утро дымъ одинъ и смрадъ по немъ остался;
Алмазъ же вскорѣ отыскался,
И лучшею красой сталъ Царскому вѣнцу.

XIX.
КРЕСТЬЯНЕ и РѢКА.

Крестьяне вышедъ изъ терпѣнья,
Отъ разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водопольи причиняли,
Пошли просить себѣ управы у Рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донесть!
Гдѣ озими разрыты;
Гдѣ мѣльницы посорваны и смыты;
Потоплено скота что и не счесть!
А та Рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно!
На ней стоятъ большiе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно:
Такъ вѣрно ихъ она уйметъ,
Между собой Крестьяне разсуждали.
Но чтожъ? Какъ подходить къ Рѣкѣ по ближе
стали,
И посмотрѣли: — такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ....
Тутъ попусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянулись межъ собой,
И покачавши головой,
Пошли домой; —
А отходя, проговорили:
На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ по поламъ.

XX.

ДОБРАЯ ЛИСИЦА.

Стрѣлокъ весной Малиновку убилъ.
Ужъ пусть бы кончилось на ней несчастье злое!
Но нѣтъ; за ней должны еще погибнуть трое:
Онъ бѣдныхъ трехъ ея птенцовъ осиротилъ.
Едва изъ скорлупы, безъ смыслу и безъ силъ,
Малютки терпятъ голодъ
И холодъ,
И пискомъ жалобнымъ зовутъ напрасно мать.
Какъ можно не страдать,
Такое горе видя!
Лисица птицамъ говоритъ,
На камушкѣ противъ гнѣзда сиротокъ сидя:
Не киньте, милыя, безъ помощи дѣтей;
Хотя по зернушку бѣдняжкамъ вы снесите,
Хоть по соломинкѣ къ ихъ гнѣздышку при-
ткните:
Вы этимъ жизнь ихъ сохраните;
Что дѣла добраго святѣй!
Кукушка, посмотри, вѣдь ты и такъ линяешь:
Не лучшель дать себя немножко ощипать,
И перьемъ бы твоимъ постельку ихъ устлать:
Вѣдь попустужъ его ты разтеряешь.
Ты, Жаворонокъ, чѣмъ по верхамъ
Тебѣ кувыркаться, кружиться,
Тыбъ корму поискалъ по нивамъ, по лугамъ,
Чтобъ съ сиротами подѣлиться.
Ты, Горлинка! твои птенцы ужь подросли;
Промыслить кормъ они и сами бы могли:

Такъ ты бы съ своего гнѣзда слетѣла,
Да вмѣсто матери къ малюткамъ сѣла;
А дѣтокъ бы твоихъ пусть Богъ
Берегъ.
Тыбъ, Ласточка, ловила мошекъ,
Полакомить безродныхъ крошекъ.
А ты бы, милой Соловей,
Когда птеняточекъ ко сну потянетъ,
Межъ тѣмъ, какъ съ гнѣздышкомъ зефиръ качать ихъ станетъ,
Тыбъ прибаюкивалъ ихъ пѣсенкой своей.
Такою нѣжностью, я твердо вѣрю,
Выбъ замѣнили имъ ихъ горькую потерю.
Послушайте меня: докажемъ, что въ лѣсахъ
Есть добрыя сердца, и что....При сихъ словахъ,
Малютки бѣдные всѣ трое,
Не могши съ голоду сидѣть въ покоѣ,
Попадали къ Лисѣ на низъ.
Чтожъ кумушка? — Тотчасъ ихъ съѣла —
И поученья не допѣла.

Читатель, не дивись!
Кто добръ по истинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ:
А кто про доброту лишь въ уши всѣмъ жужжитъ,
Тотъ часто только добръ на счетъ другова,
За тѣмъ, что въ этомъ нѣтъ убытку никакова.
На дѣлѣ же почти такіе люди всѣ,
Съ родни моей Лисѣ.

XXI.

ВОДОЛАЗЫ.

Какой-то древній Царь впалъ въ странное со-
мнѣнье:
Не болѣель вреда, чѣмъ пользы, отъ наукъ?
Не разслабляетъ ли сердецъ и рукъ
Ученье?
И не разумнѣель поступитъ онъ,
Когда ученыхъ всѣхъ изъ царства вышлетъ
вонъ?
Но такъ какъ этотъ Царь, свой украшая тронъ,
Душею всей радѣлъ своихъ народовъ счастью,
И для того
Не дѣлалъ ничего
По прихоти иль по пристрастью:
То приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякой бы, хоть слогомъ не ку-
дрявымъ,
Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,
Свое представилъ да иль нѣтъ,
То есть: ученымъ вонъ изъ царства убираться,
Или по прежнему въ томъ царствѣ оставаться?
Однакожъ, какъ совѣтъ ни толковалъ:
Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ работы секретарской;
Всякъ только дѣло затемнялъ
И въ нерѣшимости запутывалъ умъ царской.
Кто говорилъ, что неученье тьма;
Что не далъ бы намъ Богъ ума,
Ни дара постигать вещей безплотныхъ,

Когда бы онъ хотѣлъ,
Чтобъ человѣкъ не болѣ разумѣлъ
Безсмысленныхъ животныхъ;
И что, согласно съ цѣлью сей,
Ученье къ счастію ведетъ людей.
Другіе утверждали,
Что люди отъ наукъ лишь только хуже стали;
Что весь ученой бредъ
Былъ нравовъ простотѣ во вредъ,
И что за просвѣщеньемъ въ слѣдъ
Сильнѣйшія на свѣтѣ царства пали.
Короче, съ обоихъ сторонъ,
И дѣло выводя и вздоры,
Бумаги исписали горы; —
А о наукахъ споръ остался нерѣшенъ.
Царь сдѣлалъ болѣе. Созвавъ со всѣхъ сторонъ
Разумниковъ, изъ нихъ онъ учредилъ собранье,
И о наукахъ споръ имъ предложилъ на судъ.
Но способъ былъ и этотъ худъ,
За тѣмъ, что Царь имъ далъ большое содер-
жанье:
Такъ въ голосахъ между собой разладъ
Для нихъ былъ настоящій кладъ!
И если бы имъ волю дали,
Онибъ до нынѣ толковали,
Да жалованье брали.
Но такъ какъ Царь казною не шутилъ,
То онъ примѣтя то, ихъ скоро разпустилъ.
Межъ тѣмъ часъ отъ часу впадалъ въ со-
мнѣнье болѣ. —
Вотъ какъ-то вышелъ онъ, сей мыслью за-
нятъ, въ полѣ;

И видитъ предъ собой
Пустынника съ сѣдою бородой
И съ книгою въ рукахъ большой.
Пустынникъ важный взоръ имѣлъ, но не угрюмый;
Привѣтливость и доброта
Улыбкою его украсили уста,
А на челѣ слѣды глубокой видны думы.
Монархъ съ пустынникомъ вступаетъ въ разговоръ,
И видя въ немъ познанія несчетны,
Онъ проситъ мудреца рѣшить тотъ важный споръ:
Науки болѣель полезны или вредны? —
Царь! старецъ отвѣчалъ, позволь, чтобъ предъ тобой
Открылъ я притчею простой,
Что размышленья мнѣ внушили многолѣтны.
И съ мыслями собравшись началъ такъ:
На берегу близь моря
Жилъ въ Индіи рыбакъ;
Проведши долгой вѣкъ и бѣдности и горя,
Онъ умеръ, и троихъ оставилъ сыновей.
Но дѣти видя,
Что съ нуждою они кормились отъ сѣтей,
И ремесло отцовско ненавидя,
Брать дань богатѣе задумали съ морей,
Не рыбой, жемчугами;
И зная плавать и нырять,
Ту подать доправлять
Пустились сами.
Однакожъ былъ успѣхъ различенъ всѣхъ троихъ.

Одинъ лѣнивѣе другихъ,
Всегда по берегу скитался;
Онъ даже не хотѣлъ ни ногъ мочить своихъ,
И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ къ нему волной;
А съ лѣностью такой
Едва, едва питался.
Другой,
Трудовъ ни мало не жалѣя,
И выбирать умѣя
Себѣ по силѣ глубину,
Богатыхъ жемчуговъ нырялъ искать по дну,
И жилъ всечасно богатѣя.
Но третій, алчностью къ сокровищамъ томимъ,
Такъ разсуждалъ съ собой самимъ:
Хотя близь береговъ ласкаться счастьемъ можно,
Но кажется, какихъ сокровищь ждать не должно,
Когда бы удалося мнѣ
Достать морское дно на самой глубинѣ!
Тамъ горы, можетъ быть, богатствъ несчетныхъ:
Коралловъ, жемчугу и камней самоцвѣтныхъ,
Которы стоитъ лишь достать
И взять.
Сей мыслію плѣнясь, безумецъ вскорѣ
Въ открытое пустился море,
И выбравъ гдѣ была чернѣе глубина,
Въ пучину кинулся; но поглощенный ею,
За дерзость, не доставши дна,
Онъ жизнью заплатилъ своею.

О Царь! примолвилъ тутъ мудрецъ:
Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину;
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

БАСНИ
И. А. КРЫЛОВА.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

БАСНИ.

I.

ЧИЖЪ и ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка западня;
Бѣдняжка въ ней и рвался и метался,
А Голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
Не стыдноль, говоритъ, середь бѣлаго дня
Попался!
Не провели бы такъ меня,
За это я ручаюсь смѣло!
Анъ смотритъ, тутъ же самъ запутался въ
силокъ.
И дѣло!
Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся Голубокъ.

II.

ХМѢЛЬ.

Хмѣль выбѣжалъ на огородѣ
И вкругъ сухой тычинки виться сталъ;
А въ полѣ близко дубъ молоденькой стоялъ.
Что въ этомъ пользы есть уродѣ,
Да и во всей его породѣ?
Такъ про дубокъ тычинкѣ Хмѣль жужжалъ.
Ну, какъ его сравнить съ тобою?
Ты барыня предъ нимъ одной лишь прямизною.
Хоть листьемъ правда онъ одѣтъ,
Да что за жесткость, что за цвѣтъ!
За что его земля питаетъ? —
Межъ тѣмъ едва недѣля протекаетъ,
Хозяинъ на дрова тычинку ту сломилъ,
А въ огородъ дубокъ пересадилъ.
И трудъ ему съ большимъ успѣхомъ удается:
Дубокъ и принялся и отпрыски пустилъ;
Посмотришь, около него мой Хмѣль ужь вьется,
И дубу отъ него вся честь и похвала.

Такіяжъ у льстеца поступки и дѣла:
Онъ на тебя несетъ тьму небылицъ и бредней,
И какъ ты хочешь такъ трудись,
Но у него въ хорошихъ быть не льстись;
А только въ случай попадись,
Онъ первой явится въ передней.

III.

МЫШЬ и КРЫСА.

Сосѣдка, слышалаль ты добрую молву,
Вбѣжавши Крысѣ Мышь сказала:
Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти льву!
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала. —
Не радуйся, мой свѣтъ,
Ей Крыса говоритъ въ отвѣтъ,
И не надѣйся по пустому;
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То вѣрно льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ.

Я столько разъ видалъ, примѣтьте это сами,
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь долженъ свѣтъ глядѣть его глазами.

IV.

ГОСПОЖА и ДВѢ СЛУЖАНКИ.

У барыни, старушки кропотливой,
Неугомонной и брюзгливой,
Двѣ были дѣвушки служанки, коихъ часть
Была, съ утра и до глубокой ночи
Руки не покладывая прясть.

Не стало бѣднымъ дѣвкамъ мочи!
Имъ будни, праздникъ, все равно;
Нѣтъ угомона на старуху:
Днемъ перевесть она не дастъ за пряжей духу;
Зарей, гдѣ спятъ еще, а ужь у нихъ давно
Пошло плясать веретено.
Быть можетъ иногдабъ старуха опоздала,
Да въ домѣ томъ проклятой былъ пѣтухъ;
Лишь онъ вспоетъ, старуха встала,
Накинетъ на себя шубейку и треухъ,
У печки огонекъ вздуваетъ,
Бредетъ ворча къ прядильщицамъ въ покой,
Разталкиваетъ ихъ костлявою рукой,
А заупрямятся, клюкой,
И сладкой на зарѣ ихъ сонъ перерываетъ.
Что будешь дѣлать съ ней?
Бѣдняжки морщатся, зѣваютъ, жмутся,
И съ теплою постелею своей,
Хотя не хочется, а разстаются.
На завтрѣе опять, лишь прокричитъ пѣтухъ,
У дѣвушекъ съ хозяйкой сказка та же:
Ихъ будятъ и морятъ на пряжѣ.
Добро же ты, нечистой духъ!
Сквозь зубы пряхи тѣ на пѣтуха ворчали:
Безъ пѣсенъ бы твоихъ мы вѣрно болѣ спали;
Ужь надъ тобою быть грѣху!
И выбравши случай, безъ сожалѣнья
Свернули дѣвушки головку пѣтуху.
Но чтожъ? Онѣ себѣ тѣмъ ждали облегченья,
Анъ въ дѣлѣ вышелъ оборотъ
Совсѣмъ не тотъ.
То правда, что пѣтухъ ужь болѣ не поетъ,

Злодѣя ихъ не стало,
Да барыня боясь, чтобъ время не пропало,
Чуть лягутъ, не даетъ почти свести имъ глазъ,
И рано такъ будитъ ихъ стала всякой разъ,
Какъ рано пѣтухи и съ роду не пѣвали.
Тутъ поздо дѣвушки узнали,
Что изъ огня онѣ да въ поломя попали.

Такъ выбраться желая изъ хлопотъ,
Не рѣдко человѣкъ имѣетъ участь ту же:
Одни лишь только съ рукъ сживетъ,
Глядишь, другіе нажилъ хуже.

V.

КАМЕНЬ и ЧЕРВЯКЪ.

Какъ разшумѣлся здѣсь! Какой невѣжа!
Про дождикъ говорилъ на нивѣ Камень лежа;
А ради всѣ ему, — пожалуй посмотри!
И ждали такъ, какъ гостя дорогаго!
А что же сдѣлалъ онъ такого?
Всего-то былъ часа два три.
Пускай же обо мнѣ разпросятъ!
Такъ я ужь вѣки здѣсь: тихъ, скроменъ завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня ни бросятъ,
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Не даромъ, право, свѣтъ поносятъ!
Въ немъ справедливости не вижу я ни какъ.—

Молчи, сказалъ ему Червякъ,
Сей дождикъ, какъ его ни кратко было время,
Лишенную засухой силъ
Обильно ниву напоилъ,
И землѣдѣльца онъ надежду оживилъ;
А ты на нивѣ сей пустое только бремя.

Такъ хвалится иной, что служитъ сорокъ лѣтъ.
А проку въ немъ, какъ въ этомъ камнѣ нѣтъ.

VI.

МЕДВѢДЬ У ПЧЕЛЪ.

Когда-то о веснѣ звѣрями
Въ надсмотрщики Медвѣдь былъ выбранъ надъ ульями.
Хоть можнобъ выбрать тутъ другаго по вѣрнѣй,
За тѣмъ, что къ меду Мишка падокъ,
Такъ не былобъ оглядокъ;
Да спрашивай ты толку у звѣрей!
Кто къ ульямъ ни просился,
Съ отказомъ отпустили всѣхъ,
И какъ на смѣхъ
Тутъ Мишка очутился.
Анъ вышелъ грѣхъ:
Мой Мишка потаскалъ весь медъ въ свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,

По формѣ нарядили судъ;
Отставку Мишкѣ дали
И приказали,
Чтобъ зиму пролежалъ въ берлогѣ старой плутъ.
Рѣшили, справили, скрѣпили;
Но меду все не ворошили.
А Мишинька и ухомъ не ведетъ!
Со свѣтомъ Мишка разпрощался,
Въ берлогу теплую забрался,
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

VII.

КОНЬ и ВСАДНИКЪ.

Какой-то Всадникъ такъ Коня себѣ нашколилъ,
Что дѣлалъ изъ него все, что изволилъ,
Не шевеля почти и поводовъ:
Конь слушался его лишь словъ.
Такихъ Коней и взнуздывать напрасно,
Хозяинъ нѣкогда сказалъ:
Ну право вздумалъ я прекрасно!
И въ полѣ выѣхавъ узду съ Коня онъ снялъ.
Почувствуя свободу,
Сначала Конь прибавилъ только ходу
Слегка,
И вскинувъ голову, потряхивая гривой,
Окъ выступкой пошелъ игривой,

Какъ будто тѣша сѣдока.
Но смѣтя, какъ надъ нимъ управа не крѣпка,
Взялъ скоро волю Конь ретивой:
Вскинѣла кровь его и разгорѣлся взоръ,
Не слушая словъ Всадниковыхъ болѣ,
Онъ мчитъ его во весь опоръ
Чрезъ все широко поле.
Напрасно на него несчастной Всадникъ мой
Дрожащею рукой
Узду накинуть покушался:
Конь болѣ лишь серчалъ и рвался,
И сбросилъ наконецъ съ себя его долой;
А самъ, какъ бурный вихрь пустился,
Не взвидя свѣта, ни дорогъ,
По коль въ оврагъ со всѣхъ попавши ногъ,
До смерти не убился.
Узнавши смерть его сѣдокъ:
Мой бѣдной Конь! сказалъ, я сталъ виною
Твоей бѣды!
Когда бы не снялъ я съ тебя узды,
Управилъ бы навѣрно я тобою,
И ты бы ни меня не сшибъ,
Ни смертьюбъ самъ толь жалкой не погибъ.

Какъ ни приманчива свобода;
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана.

VIII.

ЗЕРКАЛО и ОБЕЗЬЯНА.

Мартышка въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько Медвѣдя толкъ ногой:
Смотри-ка, говоритъ, кумъ милой мой,
Что это тамъ за рожа?
Какія у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять
шесть;
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть. —
Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучшель на себя, кума, оборотиться?
Ей Мишка отвѣчалъ.
Но Мишинькинъ совѣтъ лишь попусту пропалъ.

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать ни кто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычь на руку не чистъ, всѣ это знаютъ,
Про взятки Климычу читаютъ,
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

IX.

КОМАРЪ и ПАСТУХЪ.

Пастухъ подъ тѣнью спалъ надѣяся на псовъ.
Примѣтя то змѣя изъ за кустовъ,
Ползетъ къ нему обливши ядомъ жало,
И Пастуха на свѣтѣ бы не стало!
Но сжаляся надъ нимъ Комаръ, что было силъ
Сонливца укусилъ.
Проснувшися Пастухъ змѣю убилъ;
Но прежде Комара съ просонья такъ хватилъ,
Что бѣднаго его какъ не бывало.

Такихъ примѣровъ есть не мало!
Коль слабой сильному, хоть движимый добромъ,
Открыть глаза на правду покусится,
Того и жди, что то же съ нимъ случится,
Что съ Комаромъ.

X.

РЫЦАРЬ.

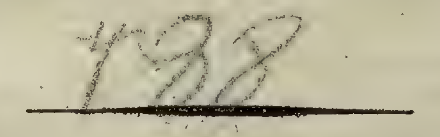
Какой-то Рыцарь въ старину,
Задумавши искать великихъ приключенiй,
Собрался на войну
Противу колдуновъ и противъ привидѣнiй;
Вздѣлъ латы и велѣлъ къ крыльцу подвесть коня.
Но прежде, нежели въ сѣдло садиться,
Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью
обратиться:
Послушай ретивой и вѣрной конь меня,
Ступай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ дубравы,
Куда глаза твои глядятъ,
Какъ рыцарски законы намъ велятъ,
И путь отъискивай въ храмъ славы.
Когдажъ Карачуновъ я злобныхъ усмирю,
Въ супружество княжну Китайскую добуду,
И царства два три покорю,
Тогда трудовъ твоихъ, мой другъ, я не забуду,
Съ тобой всю славу раздѣлю.
Конюшню, какъ дворецъ огромный,
Состроить для тебя велю,
А лѣтомъ отведу луга тебѣ поемны.
Теперя и овса ты видишь не всегда,
А воду пьешь изъ мутнаго пруда;
Тогда
Ячмень твой будетъ кормъ, сыта медова пойло.
Тутъ Рыцарь прыгъ въ сѣдло и бросилъ повода,
А лошадь молодца, не ѣздя ни куда,
Прямехонько примчала въ стойло.

XI.

ТѢНЬ и ЧЕЛОВѢКЪ.

Чудакъ какой-то тѣнь свою хотѣлъ поймать:
Онъ къ ней, она впередъ; онъ шагу прибавлять,
Она тудажъ; онъ наконецъ бѣжать;
Но чѣмъ онъ прытче, тѣмъ и тѣнь скорѣй бѣжала,
Все не даваясь будто кладъ.
Вотъ мой чудакъ пустился вдругъ назадъ;
Оглянется, а тѣнь за нимъ ужь гнаться стала.

Красавицы! видалъ я много разъ, —
Вы думаете что? Нѣтъ, право не про васъ;
А что бываетъ тожъ съ Фортуною у насъ.
Иной лишь трудъ и время губитъ,
Стараяся настичь ее изъ силы всей;
Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ отъ ней:
Такъ нѣтъ, за тѣмъ она сама гоняться любитъ.

XII.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ТОПОРЪ.

Мужикъ избу рубя, на свой Топоръ озлился;
Пошелъ Топоръ въ худыхъ, Мужикъ всбѣсился:
Онъ самъ нарубитъ вздоръ,
А виноватъ во всемъ Топоръ;
Бранитъ его хоть какъ Мужикъ найдетъ причину.
Негодной! онъ кричитъ однажды, съ этихъ поръ
Ты будешь у меня щепать лучину;
А я съ моимъ умѣньемъ и трудомъ,
При томъ съ досужестью моею,
Знай, безъ тебя пробавиться умѣю,
И сдѣлаю простымъ ножемъ,
Чего другой не срубитъ топоромъ. —
Рубить, что мнѣ велишь, моя такая доля,
Смиренно отвѣчалъ Топоръ на окрикъ злой:
И такъ, хозяинъ мой,
Твоя святая воля,
Готовъ тебѣ я всячески служить;
Да только ты смотри, чтобъ послѣ не тужить:
Меня ты попусту изтупишь,
А все ножемъ избы не срубишь.

XIII.

ТУЧА.

Надъ изнуренною отъ зноя стороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею ее не освѣжа одною,
Обильнѣйшимъ дождемъ надъ моремъ пролилась,
И щедростью своей хвалилась предъ Горою.
Что сдѣлала добра,
Ты щедростью такою?
Сказала ей Гора:
И какъ смотрѣть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Тыбъ область цѣлую отъ голода спасла;
А въ морѣ безъ тебя, мой другъ, воды довольно.

XIV.

ЛЕВЪ И ВОЛКЪ.

Левъ убиралъ за завтракомъ ягненка;
А собаченка,
Вертясь вкругъ царскаго стола,
У Льва изъ подъ когтей кусочикъ урвала;
И царь звѣрей то снесъ, не огорчась нимало
(Она глупа еще и молода была).
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Левъ конечно не силенъ,
Коль такъ смиренъ,

И лапу протянулъ къ ягненку также онъ.
Анъ вышло съ Волкомъ худо:
Онъ самъ ко Льву попалъ на блюдо.
Левъ растерзалъ его, примолвя такъ: дружекъ!
Напрасно смотря на собачку,
Ты вздумалъ, что тебѣ я также дамъ потачку;
Она еще глупа, а ты ужь не щенокъ.

XV.

СОБАКА, ЧЕЛОВѢКЪ, КОШКА и СОКОЛЪ.

Собака, Человѣкъ, да Кошка, да Соколъ,
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной,
Нелестной, искренной, чистосердечной.
У нихъ былъ общій домъ, едваль не общій столъ,
Клялись дѣлить они и радость и заботу,
Другъ другу помогать,
Другъ за друга стоять,
И если надо, другъ за друга умирать.
Вотъ какъ-то вмѣстѣ всѣ отправясь на охоту,
Мои друзья
Далеко отъ дому отбились,
Умаялися, утомились
И отдохнуть пристали у ручья;
Тутъ задремали всѣ, кто лежа, кто и сидя,
Какъ вдругъ изъ лѣсу шасть
На нихъ медвѣдь разинувъ пасть.

Бѣду такую видя,
Соколъ на воздухъ, Кошка въ лѣсъ,
И Человѣкъ тутъ съ жизнью бы простился;
Но вѣрный песъ
Со зверемъ злымъ барахтаться схватился,
Въ него вцѣпился,
И какъ медвѣдь его жестоко ни ломалъ,
Какъ ни ревелъ отъ боли и отъ злости,
Песъ прохватя его до кости,
Повисъ на немъ и зубъ не разжималъ,
Доколѣ съ жизнію всѣхъ силъ не потерялъ. —
А Человѣкъ? — Къ стыду изъ насъ не всякой,
Сравнится въ вѣрности съ собакой!
Пока медвѣдь былъ занятъ дракой,
Онъ подхватя ружье свое съ собой,
Пустился безъ души домой.

На языкѣ легка и ласка и услуга,
Но въ нуждѣ лишь узнать льзя истиннаго друга.
Какъ рѣдки таковы друзья!
И то сказать, какъ часто видѣлъ я,
Что такъ, какъ въ баснѣ сей, былъ вѣрной песъ оставленъ,
Такъ тотъ,
Кто изъ хлопотъ
Былъ другомъ выручен, избавленъ,
Его же покидалъ въ бѣдѣ,
Его же и ругалъ вездѣ.

XVI.

ВОЛКЪ и ПАСТУХИ.

Волкъ близко обходя пастушій дворъ,
И видя сквозь заборъ,
Что выбравъ лучшаго себѣ барана въ стадѣ,
Спокойно Пастухи барашка потрошатъ,
А псы смирнехонько лежатъ,
Сказалъ имъ уходя въ досадѣ:
Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья,
Когда бы это сдѣлалъ я!

XVII.

СЛОНЪ ВЪ СЛУЧАѢ.

Когда-то въ случай Слонъ попалъ у Льва.
Въ минуту по лѣсамъ прошла о томъ молва,
И такъ, какъ водится, пошли догадки,
Чѣмъ въ милость втерся Слонъ?
Ни то красивъ, ни то забавенъ онъ;
Что за приемъ, что за ухватки!
Толкуютъ звѣри межъ собой.
Когда бы, говоритъ вертя хвостомъ Лисица,
Былъ у него пушистой хвостъ такой,
Я не дивилась бы! — Или, сестрица,
Хоть когти былибъ у него,
Прибавилъ Волкъ, а то вѣдь нѣту ничего!

Да не вошелъ ли онъ въ случай клыками?
Вступился въ рѣчь ихъ Волъ:
Ужь не сочли ли ихъ рогами? —
Такъ вы не знаете, сказалъ Оселъ
Ушами хлопая, чѣмъ могъ онъ полюбиться?
Послушайтежъ меня, я радъ божиться,
Не будь лишь у него такихъ большихъ ушей
Такъ дворъ бы и не зналъ о немъ, ей! ей!

Не рѣдко мы (хотя того не примѣчаемъ),
Себя въ другихъ охотно величаемъ.

XVIII.

КЛЕВЕТНИКЪ и ЗМѢЯ.

Напрасно про бѣсовъ болтаютъ,
Что справедливости совсѣмъ они не знаютъ,
А правду и они не рѣдко наблюдаютъ;
Я и примѣръ тому здѣсь приведу.
Въ какомъ-то торжествѣ въ аду,
Для дня рожденія Аттилы иль Нерона,
Иль можетъ быть Наполеона,
Боюсь сказать,
Чтобъ не солгать;
Да впрочемъ все равно: извѣстно, дни такіе
У Сатаны
Всѣ въ табель включены,
И торжества для нихъ уставлены большіе.
Такъ въ торжествѣ такомъ,

Готовясь въ ходъ Змѣя съ Клеветникомъ,
Другъ другу уступить ни мало не хотѣли,
И зашумѣли,
Кому изъ нихъ идти приличнѣй напередъ?
А въ адѣ первенство, извѣстно, тотъ беретъ,
Кто ближнему надѣлалъ больше бѣдъ.
Такъ въ спорѣ семъ и жаркомъ и не маломъ,
Передъ Змѣею Клеветникъ
Свой выставлялъ языкъ;
А передъ нимъ Змѣя своимъ хвалилась жаломъ,
Шипѣла, что не льзя обиды ей снести,
И силилась его переползти.
Вотъ Клеветникъ было за ней ужь очутился!
Но Вельзевулъ не потерпѣлъ того;
Онъ самъ, спасибо, за него
Вступился,
И осадилъ назадъ Змѣю
Сказавъ: хоть я твои заслуги признаю,
Но первенство ему по правдѣ отдаю;
Ты зла, твое смертельно жало,
Опасна ты когда близка,
Кусаешь безъ вины, (и то не мало!);
Но можешь ли язвить ты такъ издалека,
Какъ злой языкъ Клеветника,
Отъ коего нельзя спастись ни за горами,
Ни за морями,
Такъ стало онъ тебя вреднѣй!
Ползи же ты за нимъ и будь впередъ смирнѣй.
Съ тѣхъ поръ Клеветники въ аду почетнѣй Змѣй.

XIX.

ФОРТУНА и НИЩІЙ.

Съ истертою и ветхою сумой
Бѣдняжка нищенькій подъ оконьемъ таскался,
И жалуясь на жребій свой,
Не рѣдко удивлялся,
Что люди живучи въ богатыхъ теремахъ,
По горло въ золотѣ, въ довольствѣ и сластяхъ,
Какъ ихъ карманы ни набиты,
Еще не сыты!
И даже до того,
Что безъ пути алкая
И новаго богатства добывая,
Лишаются не рѣдко своего
Всего.
Вонъ, бывшій напримѣръ того хозяинъ дому,
Пошелъ счастливо торговать;
Разторговался въ пухъ. Тутъ, чѣмъ бы пере-
стать,
И достальной свой вѣкъ спокойно доживать,
А промыселъ оставить свой другому,
Онъ въ морѣ корабли отправилъ по веснѣ;
Ждалъ горы золота, но корабли разбило;
Сокровища его всѣ море поглотило;
Теперь они на днѣ,
И видѣлъ онъ себя богатымъ какъ во снѣ.
Другой, тотъ въ откупа пустился,
И нажилъ было миліонъ,
Да мало, захотѣлъ его удвоить онъ,
Забрался по уши, и вовсе разорился.

Короче, тысячи такихъ примѣровъ есть;
И подѣломъ! знай честь. —
Тутъ Нищему Фортуна вдругъ предстала
И говоритъ ему:
Послушай, я помочь давно тебѣ желала;
Червонцевъ кучу я сыскала;
Подставь свою суму;
Ее насыплю я, да только съ уговоромъ:
Все будетъ золото, въ суму что попадетъ;
Но если изъ сумы что на полъ упадетъ,
То сдѣлается соромъ.
Смотрижъ, я напередъ тебя остерегла,
Мнѣ велѣно хранить условье наше строго,
Сума твоя ветха, не забирайся много,
Чтобъ вынести она могла. —
Едва отъ радости мой Нищій дышетъ
И подъ собой земли не слышетъ!
Разправилъ свой кошель, и щедрою рукой
Тутъ полился въ него червонцевъ дождь златой.
Сума становится ужь тяжеленька.
Довольноль? — Нѣтъ еще. — Не треснулабъ. —
Небось. —
Смотри, ты Крезомъ сталъ.—Еще, еще маленько,
Хоть горсточку прибрось. —
Ей полно! посмотри, сума ползетъ ужь врозь.
Еще щепоточку.—Но тутъ кошель прорвался,
Разсыпалась казна и обратилась въ прахъ,
Фортуна скрылася, одна сума въ глазахъ,
И Нищій нищенькимъ по прежнему остался.

XX.
ЛЯГУШКА и ЮПИТЕРЪ.

Живущая въ болотѣ подъ горой
Лягушка, на гору весной
Переселилась;
Нашла тамъ тинистой въ ложчинкѣ уголокъ,
И завела домокъ
Подъ тѣнью ивнячка, межъ травки, какъ раёкъ.
Однакожъ имъ она не долго веселилась.
Настало лѣто, съ нимъ жары,
И дачи Квакушки такъ сдѣлалися сухи,
Что ногъ не замоча по нихъ бродили мухи.
О Боги! молится Лягушка изъ норы:
Меня вы бѣдную не погубите,
И землю въ ровень хоть съ горою затопите,
Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала бы вода.
Лягушка вопитъ безъ умолку,
И наконецъ Юпитера бранитъ,
Что нѣту въ немъ ни жалости, ни толку.
Безумная! Юпитеръ говоритъ,
(Знать не былъ онъ тогда сердитъ)
Какъ квакать попусту тебѣ охота!
И чѣмъ мнѣ для твоихъ затѣй
Перетопить людей,
Не лучшель въ низъ тебѣ стащиться до болота.

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ, лишь мнѣ бы ладно было,
А тамъ весь свѣтъ гори огнемъ.

XXI.

ЛИСА СТРОИТЕЛЬ.

Какой-то Левъ большой охотникъ былъ до куръ;
Однакожъ у него онѣ водились худо.
Да это и не чудо!
Къ нимъ доступъ былъ свободенъ черезъ чуръ;
Такъ ихъ то крали,
То сами куры пропадали.
Чтобъ этому помочь убытку и печали,
Построить вздумалъ Левъ большей куряттной дворъ,
И такъ его ухитить и уладить,
Чтобы воровъ совсѣмъ отвадить,
А курамъ былобъ въ немъ довольство и просторъ.
Вотъ Льву доносятъ, что Лисица
Большая строить мастерица;
И дѣло ей поручено.
Съ успѣхомъ начато и кончано оно.
Смотрѣли, видѣли; строенье,
Заглядѣнье!
А сверхъ того все есть, чего ни спросишь тутъ:
Кормъ подъ носомъ, вездѣ натыкано насѣстокъ,
Отъ холоду и жару есть приютъ,
И укромонныя мѣстечки для насѣдокъ.
Вся слава Лисанькѣ и честь!
Богатое дано ей награжденье,
И тотчасъ повелѣнье
На новоселье куръ немедля перевесть.

Но есть ли польза въ перемѣнѣ?
Нѣтъ; кажется и крѣпокъ дворъ,
И плотенъ и высокъ заборъ,
А куръ часъ отъ часу все менѣ.
Отколь бѣда? придумать не могли.
Но Левъ велѣлъ стеречь. Когожъ подстерегли?
Тоежъ Лису злодѣйку.
Хоть правда, что она свела строенье такъ,
Чтобы не ворвался въ него ни кто ни какъ,
Да только для себя оставила лазейку.

XXII.

НАПРАСЛИНА.

Какъ часто что нибудь мы сдѣлавши худаго,
Кладемъ вину въ томъ на другаго,
И какъ не рѣдко говорятъ:
Когдабъ не онъ, и въ умъ бы мнѣ не впало!
А ежели людей не стало,
Такъ ужь Лукавой виноватъ,
Хоть тутъ его совсѣмъ и не бывало.
Примѣровъ тьма тому. Вотъ вамъ изъ нихъ одинъ.
Въ восточной сторонѣ какой-то былъ Браминъ,

Хоть на словахъ и теплой вѣры,
Но не таковъ совсѣмъ житьемъ,
(Есть и въ Браминахъ лицемѣры);
Да это въ сторону, а дѣло только въ томъ,
Что въ братствѣ онъ своемъ
Одинъ былъ правила такого,
Другіе же всѣ житія святаго;
И что всего ему тошнѣй,
Начальникъ ихъ былъ нраву прекрутаго,
Такъ преступить ни какъ устава ты не смѣй.
Однакожъ мой Браминъ не унываетъ!
Вотъ постной день, а онъ смѣкаетъ,
Не льзя ли разрѣшить на сырное тайкомъ?
Досталъ яйцо, полуночи дождался,
И свѣчку вздувши съ огонькомъ,
На свѣчкѣ печь яйцо принялся;
Ворочаетъ его легонько у огня,
Не сводитъ глазъ долой и мысленно глотаетъ,
А про начальника смѣяся разсуждаетъ:
Не уличишь же ты меня,
Длинно-бородой мой приятель,
Яичко съѣмъ-таки я въ сласть. —
Анъ тутъ тихонько шасть
Къ Брамину въ келью надзиратель,
И видя грѣхъ такой
Отвѣта требуетъ онъ грозно.
Улика на лицо и запираться поздно!
Прости, отецъ святой,
Прости мое ты прегрѣшенье,
Такъ взмолится Браминъ сквозь слезъ,
И самъ не знаю я, какъ впалъ во изкушенье;
Ахъ! наустилъ меня проклятой Бѣсъ.

А тутъ Бѣсенокъ изъ за печки:
Не стыдно ли, кричитъ, всегда клепать на насъ,
Я самъ лишь у тебя учился сей же часъ,
И право вижу въ первой разъ,
Какъ яйца пекутъ на свѣчкѣ.

XXIII.

ФОРТУНА ВЪ ГОСТЯХЪ.

На укоризны мы Фортунѣ тароваты;
Кто не въ чинахъ, кто не богатъ,
За все про все ее бранятъ,
А разсмотрѣть, такъ сами виноваты.
Слѣпое Счастіе шатаясь межъ людей,
Не вѣчно у вельможъ, гоститъ и у царей;
Оно и въ хижинѣ твоей,
Быть можетъ, погостить когда нибудь пристанетъ;
Лишь время не терять умѣй
Когда оно къ тебѣ заглянетъ;
Минута съ нимъ одна, кто ею дорожитъ,
Терпѣнья годы наградитъ.
Когдажъ ты не умѣлъ отъ счастья поживиться,
То не Фортунѣ ты, себѣ за то пеняй,
И знай,
Что можетъ вѣкъ она къ тебѣ не возвратится.

Домишка старинькой край города стоялъ;
Три брата жили въ немъ и не могли разжиться
Ни въ чемъ имъ какъ-то не спорится;
Кто что изъ нихъ ни затѣвалъ,
Все остается безъ успѣха;
Вездѣ потеря иль помѣха;
По ихъ словамъ, вина Фортуны въ томъ была.
Вотъ невидимкой къ нимъ Фортуна забрела,
И тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всей душою,
Какія бы они ни начали дѣла,
И прогостить у нихъ все лѣто.
Все лѣто! шуткаль это!
Пошли у бѣдняковъ дѣла другой статьей.
Одинъ изъ нихъ хоть былъ торгашъ плохой,
А тутъ что ни продастъ, ни купитъ,
Барышъ на всемъ большой онъ слупитъ,
Забылъ совсѣмъ что есть накладъ,
И скоро сталъ какъ Крезъ богатъ.
Другой въ приказъ пошелъ: иною бы порою
Завязъ онъ въ писаряхъ съ своею головою;
Теперь ему со всѣхъ сторонъ
Удача:
Что дастъ обѣдъ, что сходитъ на поклонъ,
Иль чинъ иль мѣсто схватитъ онъ;
Посмотришь у него деревня, домъ и дача.
Теперь вы спросите: чтожъ третій получилъ?
Вѣдь вѣрно и ему Фортуна помогала?
Конечно, съ нимъ она почти не отдыхала.
Но третій братъ все лѣто мухъ ловилъ,
И такъ счастливо,
Что диво!

Не знаю прежде онъ бывалъ ли въ томъ гораздъ;
А тутъ труды его не въ тунѣ:
Какъ ни взмахнетъ рукой, благодаря Фортунѣ,
Ни разу промаху не дастъ.
Вотъ гостья между тѣмъ у братьевъ нагостилась,
И далѣ въ путь пустилась.
Два брата въ барышахъ: одинъ изъ нихъ богатъ,
Другой еще при томъ въ чинахъ, а третій братъ
Клянетъ судьбу, что онъ Фортуной злою
Оставленъ лишь съ сумою.
Читатель, будь ты самъ судьею,
Ктожъ въ этомъ виноватъ?

Конецъ пятой части.

БАСНИ
И. А. КРЫЛОВА.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Печатать позволяется.

Санктпетербургъ, Марта 8-го дня, 1819 года.

Исправляющій должность Цензора Ординарный Профессоръ:

Яковъ Толмачевъ.

БАСНИ.

I.

КУКУШКА и ГОРЛИНКА.

Кукушка на суку печально куковала.
Что кумушка ты такъ грустна?
Ей съ вѣтки ласково Голубка ворковала;
Или о томъ, что миновала
У насъ весна
И съ ней любовь, спустилось солнце ниже,
И что къ зимѣ мы стали ближе? —
Какъ бѣдной мнѣ не горевать?
Кукушка говоритъ, будь ты сама судьею:
Любила счастливо я нынѣшней весною,
И наконецъ я стала мать;
Но дѣти не хотятъ совсѣмъ меня и знать.
Такой ли чаяла отъ нихъ я платы!
И не завидно ли, когда я погляжу,
Какъ увиваются вкругъ матери утяты,
Какъ сыплютъ къ курицѣ дождемъ по зву цыплаты;
А я какъ сирота однимъ одна сижу,
И что есть дѣтская привѣтливость не знаю. —
Бѣдняжка! о тебѣ сердечно я страдаю.
Такъ у тебя ужь дѣти есть?
Когда же ты гнѣздо успѣла сплесть?

*

Я этаго и не видала;
Ты все порхала да летала. —
Вотъ вздоръ! чтобъ столько красныхъ дней
Я сидя на гнѣздѣ напрасно растеряла;
Ужь это было бы всего глупѣй!
Я яица всегда въ чужія гнѣзды клала. —
Какой же хочешь ты и ласки отъ дѣтей,
Ей Горлинка на то сказала.

Отцы и матери! вамъ басни сей урокъ.
Я разсказалъ ее не дѣтямъ въ извиненье:
Къ родителямъ въ нихъ непочтенье
И нелюбовь, всегда порокъ;
Но если выросли они въ разлукѣ съ вами
И вы ихъ ввѣрили наемничьимъ рукамъ,
Не вы ли виноваты сами,
Что въ старости отъ нихъ утѣхи мало вамъ.

II.

СКУПОЙ и КУРИЦА.

Скупой теряетъ все, желая все достать.
Чтобъ долго мнѣ примѣровъ не искать,
Хоть есть и много ихъ, — я въ томъ увѣренъ,
Да рыться лѣнь; такъ я намѣренъ
Вамъ басню старую сказать.

Вотъ что въ ребячествѣ читалъ я про Скупова.
Былъ человѣкъ, который ни какова
Не зналъ ни промысла, ни ремесла,
Но сундуки его полнѣли очевидно.
Онъ Курицу имѣлъ, — какъ это не завидно?
Котора яицы несла,
Но не простыя,
А золотыя.
Иной бы и тому былъ радъ,
Что по немногу онъ становится богатъ;
Но этаго Скупому мало:
Ему на мысли вспало,
Что взрѣзавъ Курицу, онъ въ ней достанетъ кладъ.
И такъ, забывъ ея къ себѣ благодѣянье,
Неблагодарности не побоясь грѣха,
Ее зарѣзалъ онъ. — И что же? въ воздаянье
Онъ вынулъ изъ нее простые потроха.

III.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется;
Другая въ скачь несется:
Отъ ней по мостовой и стукотня и громъ,
И пыль столбомъ.
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страха жмется
Ее заслышавши изъ далека.
Но какъ та Бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричитъ всѣмъ безъ умолку,
Въ томъ вѣрно мало толку.
Кто дѣловъ истинно, тихъ часто на словахъ.
Великой человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

IV.

АЛКИДЪ.

Алкидъ, Алкмены сынъ,
Столь славный мужествомъ и силою чудесной,
Однажды проходя межъ скалъ и межъ стремнинъ,
Опасною стезей и тѣсной,
Увидѣлъ на пути свернувшись будто ежъ,
Лежитъ чуть видное — не знаетъ, что такое.
Онъ раздавить его хотѣлъ пятой. И чтожъ?
Оно раздулося и стало болѣ вдвое.
Отъ гнѣва вспыхнувъ тутъ Алкидъ,
Тяжелой палицей своей его разитъ.
Глядитъ,
Оно страшнѣй становится лишь съ виду:
Толстѣетъ, бухнетъ и ростетъ,
И заслоняетъ путь собою весь Алкиду.
Онъ бросилъ палицу, и передъ чудомъ симъ
Сталъ въ удивленьи недвижимъ.
Тогда ему Афина вдругъ предстала.
Оставь напрасный трудъ, мой братъ, она сказала:
Чудовищу сему названіе Раздоръ.
Не тронуто — его едва примѣтитъ взоръ;
Но если кто съ нимъ вздумаетъ сразиться,
Оно отъ браней лишь тучнѣе становится,
И выростаетъ выше горъ.

V.

АПЕЛЛЕСЪ и ОСЛЕНОКЪ.

Кто самолюбіемъ чрезъ мѣру зараженъ,
Тотъ милъ себѣ и въ томъ, чѣмъ онъ другимъ смѣшенъ;
И часто тѣмъ ему случается хвалиться,
Чего бы долженъ онъ стыдиться.
Съ Осленкомъ встрѣтясь Апеллесъ,
Зоветъ къ себѣ Осленка въ гости.
Запрыгали въ Осленкѣ кости.
Осленокъ хвастовствомъ весь душитъ лѣсъ,
И говоритъ звѣрямъ: какъ Апеллесъ мнѣ скученъ,
Я имъ размученъ;
Ну, все зоветъ къ себѣ, гдѣ съ нимъ ни встрѣчусь я.
Мнѣ кажется, мои друзья,
Намѣренъ онъ съ меня писать Пегаса. —
Нѣтъ, Апеллесъ сказалъ случася близко тутъ:
Намѣряся писать Мидасовъ судъ,
Хотѣлъ съ тебя списать я уши для Мидаса;
И коль пожалуешь ко мнѣ, я буду радъ.
Ослиныхъ мнѣ ушей и много хоть встрѣчалось,
Но эдакихъ, какими ты богатъ,
Не только у Ослятъ,
Ни даже у Ословъ мнѣ видѣть не случалось.

VI.

ВОДОПАДЪ и РУЧЕЙ.

Кипящій Водопадъ свергаяся со скалъ,
Цѣлебному ключу съ надменіемъ сказалъ,
(Который подъ горой едва лишь былъ примѣтенъ,
Но силой славился лечебною своей):
Не странноль это? Ты такъ малъ, водой такъ
бѣденъ,
А у тебя всегда премножество гостей ?
Не мудрено коль мнѣ приходитъ кто дивиться;
Къ тебѣ за чемъ идутъ? — Лечиться,
Смиренно прожурчалъ Ручей.

VII.

ОХОТНИКЪ.

Какъ часто говорятъ въ дѣлахъ: еще успѣю;
Но надобно признаться въ томъ,
Что это говорятъ спросяся не съ умомъ,
А съ лѣностью своею.
И такъ, коль дѣло есть, скорѣй его кончай,
Иль послѣ на себя ропщи, не на случай,
Когда оно тебя застанетъ невзначай.
На это басню вамъ скажу я, какъ умѣю.

Охотникъ взявъ ружье, патронницу, суму,
И друга вѣрнаго по нраву и обычью—
Гектора, въ лѣсъ пошелъ за дичью

Не зарядя ружья, хоть былъ совѣтъ ему,
Чтобъ зарядилъ ружье онъ дома.
Вотъ вздоръ, онъ говоритъ, дорога мнѣ знакома:
На ней ни воробья не видѣлъ я родясь,
До мѣстажъ ходу цѣлой часъ,
Такъ зарядить еще успѣю я сто разъ.
Но чтожъ? лишь вонъ изъ жила,
(Какъ будто бы надъ нимъ Фортуна подшутила),
По озерку
Гуляютъ утки цѣлымъ стадомъ;
И нашемубъ тогда стрѣлку
Легко съ полдюжины однимъ зарядомъ
Убить
И на недѣлю съ хлѣбомъ быть,
Когдабъ не отложилъ ружья онъ зарядить.
Теперь къ заряду онъ скорѣе; только утки
На это чутки:
Пока съ ружьемъ возился онъ
Онѣ вскричали, встрепенулись,
Взвились и за лѣса веревкой потянулись,
А тамъ изъ виду скрылись вонъ.
Напрасно по лѣсу стрѣлокъ потомъ таскался,
Ни даже воробей ему не попадался;
А тутъ къ бѣдѣ еще бѣда:
Случись тогда
Ненастье.
И такъ охотникъ мой,
Измокши весь, пришолъ домой
Съ пустой сумой;
А все таки пенялъ не на себя, на счастье.

VIII.

ПЛОВЕЦЪ и МОРЕ.

На берегъ выброшенъ кипящею волной,
Пловецъ съ усталости въ сонъ крѣпкой погрузился;
Потомъ проснувшися онъ Море клясть пустился.
Ты, говоритъ, всему виной!
Своей лукавой тишиной
Маня къ себѣ ты насъ прельщаешь,
И заманя, насъ въ безднахъ поглощаешь.
Тутъ Море на себя взявъ Амфитриды видъ,
Пловцу, явяся, говоритъ:
На что винишь меня напрасно;
Плыть по водамъ моимъ ни страшно, ни опасно.
Когдажъ свирѣпствуютъ морскія глубины,
Виной тому одни Эоловы сыны:
Они мнѣ не даютъ покою.
Когда не вѣришь мнѣ, то испытай собою:
Какъ вѣтры будутъ спать, отправь ты корабли,
Я неподвижнѣе тогда земли.

И я скажу, совѣтъ хорошъ, не ложно;
Да плыть на парусахъ безъ вѣтру невозможно.

IX.

КРЕСТЬЯНИНЪ и ЗМѢЯ.

Къ Крестьянину вползла Змѣя,
И говоритъ: сосѣдъ, начнемъ жить дружно;
Теперь меня тебѣ стеречься ужь не нужно,
Ты видишь, что совсѣмъ другая стала я
И кожу нынѣшней весной перемѣнила.
Однакожъ Мужика Змѣя не убѣдила.
Мужикъ схватилъ обухъ
И говоритъ: хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то же;
И вышибъ изъ сосѣдки духъ.

Когда извѣриться въ себѣ ты дашь причину,
Какъ хочешь, такъ мѣняй личину,
Себя подъ нею не спасешь,
И что съ Змѣей, съ тобой случиться можетъ
тожъ.

X.

ЛЕВЪ и ЛИСИЦА.

Лиса не видя съ роду Льва,
Съ нимъ встрѣтясь со страстей осталась
чуть жива.
Вотъ, нѣсколько спустя, опять ей Левъ попался;
Но ужь не такъ ей страшенъ показался.
А третій разъ потомъ
Лиса и въ разговоръ пустилася со Львомъ.

Инова также мы боимся,
Поколь къ чему не приглядимся.

XI.

МУРАВЕЙ.

Какой-то Муравей былъ силы непомѣрной,
Какой не слыхано ни въ древни времена;
Онъ даже (говоритъ его историкъ вѣрной)
Могъ поднимать большихъ ячменныхъ два зерна;
При томъ и въ храбрости за чудо почитался:
Гдѣбъ ни завидѣлъ Червяка,
Тотчасъ въ него впивался,
И даже хаживалъ одинъ на Паука.
А тѣмъ вошелъ въ такую славу

Онъ въ муравейникѣ своемъ,
Что только и рѣчей тамъ было, что объ немъ.
Я лишнія хвалы считаю за отраву,
Но этотъ Муравей былъ не такова нраву:
Онъ ихъ любилъ,
Своимъ ихъ чванствомъ мѣрилъ
И всѣмъ имъ вѣрилъ;
А ими наконецъ такъ голову набилъ,
Что вздумалъ въ городъ показаться,
Чтобъ славой тамъ повеличаться.
На самой крупной съ сѣномъ возъ
Онъ къ мужику спесиво вползъ
И въѣхалъ въ городъ очень пышно;
Но, ахъ! какой для гордости ударъ!
Онъ думалъ на него сбѣжится весь базаръ,
Какъ на пожаръ;
А про него совсѣмъ не слышно,
У всякаго забота тамъ своя.
Мой Муравей то на возу листокъ потянетъ,
То припадетъ онъ, то привстанетъ,
Никто не видитъ Муравья.
Уставши наконецъ тянуться, выправляться,
Съ досадою Барбосу онъ сказалъ,
Который у возу хозяйскаго лежалъ:
Не правдаль, надобно признаться,
Что въ городѣ народъ
Большой уродъ!
Возможноль, что меня никто не примѣчаетъ,
Какъ ни тянусь я цѣлой часъ;
А кажется у насъ
Меня весь муравейникъ знаетъ.
И со стыдомъ отправился домой.

Такъ думаетъ иной
Затѣйникъ,
Что онъ въ подсолнечной гремитъ,
А онъ дивитъ
Свой только муравейникъ.

XII.

ОВЦЫ и СОБАКИ.

Въ какомъ-то стадѣ у Овецъ,
Чтобъ Волки не могли ихъ болѣе тревожить,
Положено число Собакъ умножить.
Чтожъ? развелось ихъ столько наконецъ,
Что Овцы отъ Волковъ, то правда, уцѣлѣли,
Но и Собакамъ надожъ ѣсть;
Сперва съ Овечекъ сняли шерсть,
А тамъ по жеребью съ нихъ шкурки полѣтѣли,
А тамъ осталося всего Овецъ пять шесть,
И тѣхъ Собаки съѣли.

XIII.

ГРЕБЕНЬ.

Дитятѣ маминька расчесывать головку
Купила частой Гребешекъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку:
Играетъ иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свои все кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя,
И мягкія, какъ тонкой ленъ,
Любуясь, Гребешкомъ расчесываетъ онъ.
И что за Гребешекъ! не только не теребитъ,
Ни гдѣ онъ даже не зацѣпитъ,
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ Гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись однакоже, что Гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокатилъ волосы копной.
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой:
Гдѣ Гребень мой!
И Гребень отыскался;
Да только въ головѣ ни взадъ онъ ни впередъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
Какой ты злой Гребнишка!
Кричитъ мальчишка.
А Гребень говоритъ: мой другъ, все тотъ же я;
Да голова всклокачена твоя.
Однакожъ мальчикъ мой отъ злости и досады,
Закинулъ Гребень свой въ рѣку.
Теперь имъ чешутся Наяды.

Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ.
Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
Ее и слушаютъ и принимаютъ;
Но только сталъ кривить душей,
То правду далѣ отъ ушей.
И всякой, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
Когда ихъ склочетъ.

XIV.

ОСЕЛЪ и МУЖИКЪ.

Мужикъ на лѣто въ огородъ,
Нанявъ Осла, приставилъ
Воронъ и воробьевъ гонять нахальный родъ.
Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ:
Ни съ хищностью, ни съ кражей не знакомъ;
Не поживился онъ хозяйскимъ ни листкомъ,
И птицамъ, грѣхъ сказать, чтобы давалъ поблачку;
Но Мужику барышъ былъ съ огорода плохъ.
Оселъ гоняя птицъ, со всѣхъ Ослиныхъ ногъ,
По всѣмъ грядамъ, и вдоль и поперегъ,
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.
Увидя тутъ, что трудъ его пропалъ,
Крестьянинъ на спинѣ Ослиной

Убытокъ выместилъ дубиной.
И ништо! всѣ кричатъ, скотинѣ по дѣломъ;
Съ еголь умомъ
За ето дѣло браться?
А я скажу, не съ тѣмъ, чтобъ за Осла вступаться,
Онъ точно виноватъ (съ нимъ сдѣланъ и расчетъ);
Но кажется, не правъ и тотъ,
Кто поручилъ Ослу стеречь свой огородъ.

XV.

МЕДВѢДЬ ВЪ СѢТЯХЪ.

Медвѣдь
Попался въ сѣть.
Надъ смертью изъ дали шути какъ хочешь смѣло;
Но смерть въ близи, совсѣмъ другое дѣло.
Не хочется Медвѣдю умереть.
Не отказался бы мой Мишка и отъ драки,
Да весь окутанъ сѣтью онъ,
А на него со всѣхъ сторонъ
Рогатины и ружья и собаки,
Такъ драка не по немъ.

Вотъ хочетъ Мишка взять умомъ,
И говоритъ Ловцу: мой другъ! какой виною
Я проступился предъ тобою?
За что моей ты хочешь головы?
Иль вѣришь клеветамъ напраснымъ на Медвѣдей,
Что злы они? Ахъ! мы совсѣмъ не таковы.
Я на примѣръ, пошлюсь на всѣхъ сосѣдей,
Что изо всѣхъ звѣрей мнѣ только одному
Никто не сдѣлаетъ упрека,
Чтобъ мертваго я тронулъ человѣка. —
То правда, отвѣчалъ на то Ловецъ ему:
Хвалю къ усопшимъ я почтеніе такое;
За то гдѣ случай лишь имѣлъ,
Живой ужь отъ тебя не вырывался цѣлъ.
Такъ лучше бы ты мертвыхъ ѣлъ,
И оставлялъ живыхъ въ покоѣ.

КОЛОСЪ.

На нивѣ зыблемый погодой Колосокъ,
Увидя за стекломъ въ теплицѣ
И въ нѣгѣ и въ добрѣ взлелѣянный цвѣтокъ,
Межъ тѣмъ, какъ онъ и мошекъ вереницѣ,
И бурямъ и жарамъ и холоду открытъ,
Хозяину съ досадой говоритъ:
За что вы люди такъ всегда несправедливы,
Что кто умѣетъ вашъ утѣшить вкусъ иль глазъ,
Тому ни въ чемъ отказу нѣтъ у васъ;
А кто полезенъ вамъ, къ тому вы нерадивы.
Не главной ли доходъ твой съ нивы?
А посмотри, въ какой небрежности она.
Съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ ты здѣсь въ землю сѣмена,
Укрылъ ли подъ стекломъ когда насъ отъ ненастья,
И приходилъ ли насъ въ засуху поливать?
Нѣтъ, мы совсѣмъ рости оставлены на счастье.
Тогда, какъ у тебя цвѣты,
Которыми ни сытъ, ни богатѣешь ты,
Не такъ, какъ мы, закинуты здѣсь въ полѣ,
За стеклами растутъ въ приютѣ, въ нѣгѣ, въ холѣ.
Что, если бы о насъ ты столько клалъ заботъ?
Вѣдь въ будущій бы годъ
Ты собралъ насъ самъ-сотъ,
И съ хлѣбомъ караванъ отправилъ бы въ столицу.

Подумай, выстрой-ко пошире намъ теплицу.—
Мой другъ, хозяинъ отвѣчалъ,
Повѣрь, что главныя мои о васъ заботы.
Когдабъ ты зналъ, какой мнѣ стоило работы
Разчистить лѣсъ, удобрить землю вамъ,
И не было конца моимъ трудамъ.
Но толковать теперь ни время, ни охоты,
Ни пользы нѣтъ.
Дождяжъ и вѣтра ты проси себѣ у неба;
А еслибъ умной твой исполнилъ я совѣтъ,
То былъ бы безъ цвѣтовъ и былъ бы я безъ хлѣба.

Такъ часто добрый селянинъ,
Простой солдатъ иль гражданинъ,
Кой съ кѣмъ свое сличая состоянье,
Приходятъ иногда въ роптанье.
Имъ можно тожъ почти сказать и въ оправданье.

XVII.

МАЛЬЧИКЪ и ЧЕРВЯКЪ.

Не льстись предательствомъ ты счастіе сыскать.
У самыхъ тѣхъ всегда въ глазахъ предатель низокъ,
Кто при нуждѣ его не ставитъ въ грѣхъ ласкать;
И первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ.

Крестьянина Червякъ просилъ его пустить
Въ свой садъ на лѣто погостить.
Онъ обѣщалъ вести себя тамъ честно,
Не трогая плодовъ, листочки лишь глодать,
И то которые ужь станутъ увядать.
Крестьянинъ судитъ: какъ пристанища не дать?
Ужь ли отъ Червяка въ саду мнѣ будетъ тѣсно?
Пускай его себѣ живетъ.
При томъ же важнаго убытка быть не можетъ,
Коль онъ листочка два три сгложетъ.
Позволилъ, — и Червякъ на дерево ползетъ;
Нашелъ подъ вѣточкой приютъ отъ непогодъ;
Живетъ безъ нужды, хоть не пышно,
И про него совсѣмъ не слышно.
Межъ тѣмъ ужь золотитъ плоды лучистый царь.
Вотъ въ самомъ томъ саду, гдѣ также спѣть все стало,
Наливное, сквозное какъ янтарь,

При солнцѣ яблоко на вѣткѣ дозрѣвало.
Мальчишка былъ давно тѣмъ яблокомъ плѣненъ,
Изъ тысячи другихъ его замѣтилъ онъ;
Да доступъ къ яблоку мудренъ.
На яблоню Мальчишка лѣзть не смѣетъ,
Ее тряхнуть онъ силы не имѣетъ,
И словомъ яблоко достать не знаетъ какъ.
Ктожъ въ кражѣ Мальчику помочь взялся?
Червякъ.
Послушай, говоритъ, я знаю это точно,
Хозяинъ яблоки велѣлъ снимать,
Такъ это яблоко обоимъ намъ непрочно;
Однакожъ я берусь его достать,
Лишь подѣлись со мной. Себѣ ты можешь взять
Противу моего хоть въ десятеро болѣ;
А мнѣ и самой малой доли
На цѣлой станетъ вѣкъ глодать.
Условье сдѣлано: Мальчишка согласился,
Червякъ на яблоню, и работать пустился;
Онъ яблоко въ минуту подточилъ.
Но чтожъ въ награду получилъ?
Лишь только яблоко упало,
И съ сѣмечками съѣлъ его Мальчишка мой;
А какъ за долей сползъ Червякъ долой,
То Мальчикъ Червяка расплющилъ подъ пятой.
И такъ ни Червяка, ни яблока не стало.

XVIII.

ПАСТУХЪ и МОРЕ.

Пастухъ въ Нептуновомъ сосѣдствѣ близко
жилъ,
На взморьѣ, хижины уютной обитатель,
Онъ стада малаго былъ мирной обладатель,
И вѣкъ спокойно проводилъ.
Не зналъ онъ пышности, за то не зналъ и горя,
И долго участью своей
Довольнѣй, можетъ быть, онъ многихъ былъ
царей.
Но видя, наконецъ, какъ съ Моря
Сокровища несутъ горами корабли,
Какъ выгружаются богатые товары,
И ломятся отъ нихъ анбары,
И какъ хозяева ихъ въ пышности цвѣли,
Пастухъ на то прельстился,
Распродалъ стадо, домъ, товаровъ накупилъ,
Сѣлъ на корабль и за Море пустился.
Однако же походъ его не дологъ былъ;
Обманчивость, Морямъ природну,
Онъ скоро испыталъ: лишь берегъ вонъ изъ
глазъ,
Какъ буря поднялась;
Корабль разбитъ, пошли товары ко дну,
И онъ на силу спасся самъ.
Теперь опять, благодаря Морямъ,
Пошелъ онъ въ Пастухи, лишь съ разницею
тою,

Что прежде пасъ овецъ своихъ,
Теперь пасетъ овецъ чужихъ
Изъ платы.--Съ нуждою однакожъ хоть большою,
Чего не сдѣлаешь терпѣньемъ и трудомъ?
Не спивъ того, не съѣвъ другова,
Скопилъ денжонокъ онъ, завелся стадомъ снова,
И сталъ опять своихъ овечекъ Пастухомъ.
Вотъ нѣкогда, на берегу Морскомъ,
При стадѣ онъ своемъ
Въ день ясный сидя,
И видя,
Что на Морѣ едва колышется вода,
(Такъ Море присмирѣло),
И плавно къ пристани бѣгутъ по ней суда:
Мой другъ! сказалъ, опять ты денегъ захо-
тѣло;
Но ежели моихъ, пустое дѣло!
Ищи кого инаго ты провесть,
Отъ насъ тебѣ была ужь честь.
Посмотримъ, какъ другихъ заманешь,
А отъ меня впередъ копѣйки не достанешь.

Басню эту лишнимъ я почелъ бы толковать;
Но, какъ здѣсь къ слову не сказать,
Что лучше вѣрнаго держаться,
Чѣмъ за обманчивой надеждою гоняться.
Найдется тысячу несчастныхъ отъ нее;
Ни одного, кто не былъ ей обманутъ.
А мнѣ, что говорить не станутъ,
Я буду все твердить свое:
Что впереди, Богъ вѣсть; а что мое —мое.

XIX.

ПОХОРОНЫ.

Въ Египтѣ, въ старину, велось обыкновенье,
Когда кого хотятъ пышнѣе схоронить,
Наемныхъ плакальщицъ пускать за гробомъ
выть.

Вотъ нѣкогда на знатномъ погребенье
Толпа сихъ плакальщицъ поднявши вой,
Покойника отъ жизни скоротечной
Въ домъ провожали вѣчной
На упокой.
Тутъ странникъ думая, что въ горести сер-
дечной
То рвется вся покойника родня,
Скажите, говоритъ, не радилибъ вы были,
Когдабъ его вамъ воскресили.
Я Магъ, на это есть возможность у меня:
Мы заклинанія съ собой такія носимъ,
Покойникъ оживетъ сей часъ. —
Отецъ! вскричали всѣ, обрадуй бѣдныхъ насъ;
Одной лишь милости при томъ мы просимъ,
Чтобъ сутокъ черезъ пять
Онъ умеръ бы опять.
Въ живомъ въ немъ не было здѣсь проку никакова,
Да врядъ ли будетъ и впередъ;
А какъ умретъ,
То выть по немъ наймутъ насъ вѣрно снова.

Есть много богачей, которыхъ смерть одна
Къ чему нибудь годна.

XX.

МАЛЬЧИКЪ и ЗМѢЯ.

Мальчишка думая поймать Угря,
Схватилъ Змѣю, и возрившись отъ страха,
Сталъ блѣденъ, какъ его рубаха.
Змѣя на Мальчика спокойно посмотря,
Послушай, говоритъ, коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ проститъ, но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь.

XXI.

ПЧЕЛА и МУХИ.

Двѣ Мухи собрались летѣть въ чужіе краи,
И стали подзывать съ собой туда Пчелу.
Имъ насказали Попугаи
О дальныхъ сторонахъ большую похвалу.
При томъ же имъ самимъ казалося обидно,
Что ихъ на родинѣ своей
Вездѣ гоняютъ изъ гостей,
И даже до чего, какъ людямъ то не стыдно!
И что они за чудаки!
Чтобъ поживиться имъ не дать сластями
За пышными столами,
Придумали отъ нихъ стеклянны колпаки,
А въ хижинахъ на нихъ злодѣи Пауки.
Путь добрый вамъ, Пчела наето отвѣчала;
А мнѣ
И на моей приятно сторонѣ.
Отъ всѣхъ за соты я любовь себѣ сыскала,
Отъ поселянъ и до вельможъ.
Но вы летите
Куда хотите,
Вездѣ вамъ будетъ счастье тожъ:
Не будете, друзья, ни гдѣ, не бывъ полезны,
Вы ни почтенны, ни любезны;
А рады Пауки лишь будутъ вамъ
И тамъ.

Кто съ пользою отечеству трудится,
Тотъ съ нимъ легко не разлучится;

А кто полезнымъ быть способности лишенъ,
Чужая сторона тому всегда приятна:
Не бывши гражданинъ, тамъ менѣ презрѣнъ
онъ,
И никому его тамъ праздность не досадна.

XXII.

ТРУДОЛЮБИВОЙ МЕДВѢДЬ.

Увидя, что Мужикъ трудяся надъ дугами,
Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ,
(А дуги гнутъ съ терпѣньемъ и не вдругъ),
Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.
Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,
И слышно за версту проказу.
Орѣшника, березняку и вязу,
Мой Мишка погубилъ не смѣтное число,
А не дается ремесло.
Вотъ идетъ къ Мужику онъ попросить со-
вѣта,
И говоритъ: сосѣдъ! что за причина ета?
Деревья таки я ломать могу,
А не согнулъ ни одного въ дугу.
Скажи, въ чѣмъ есть тутъ главное умѣнье?—
Въ томъ, отвѣчалъ сосѣдъ,
Чего въ тебѣ кумъ вовсе нѣтъ:
Въ терпѣнье.

XXIII.

МОТЪ и ЛАСТОЧКА.

Какой-то молодецъ,
Въ наслѣдство получа богатое имѣнье,
Пустился въ мотовство, и при большомъ раденье
Спустилъ все чисто; наконецъ
Съ одною шубой онъ остался,
И то лишь для того, что было то зимой,
Такъ онъ морозовъ побоялся.
Но Ласточку увидя, малой мой
И шубу промоталъ. Вѣдь это всѣ, чай, знаютъ,
Что Ласточки къ намъ прилетаютъ
Передъ весной;
Такъ въ шубѣ, думалъ онъ, нѣтъ нужды никакой.
Къ чему въ ней кутаться, когда во всей природѣ
Къ весенней клонится приятной все погодѣ,
И въ сѣверную глушь морозы загнаны.
Догадки малаго умны;
Да только онъ забылъ пословицу въ народѣ,
Что Ласточка одна не дѣлаетъ весны.
И подлинно, опять отколь взялись морозы,
По снѣгу хрупкому скрыпятъ обозы,
Изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло
Узорами заволокло.
Отъ стужи малаго прошибли слезы,
И Ласточку свою, предтечу теплыхъ дней,
Онъ видитъ на полу замерзшую. Тутъ къ ней,

Дрожа, на силу могъ онъ вымолвить сквозь зубы:
Проклятая! сгубила ты себя;
А понадѣясь на тебя
И я теперь не во время безъ шубы.

XXIV.

ЯГНЕНОКЪ.

Какъ часто я слыхалъ такое разсужденье:
По мнѣ пускай, что хочешь говорятъ,
Лишь былъ бы я въ душѣ не виноватъ.
Нѣтъ; надобно еще умѣнье,
Коль хочешь въ людяхъ ты себя не погубить
И добрую наружность сохранить.
Красавицы! вамъ знать всего нужнѣе,
Что слава добрая вамъ лучше всѣхъ прикрасъ,
И что она у васъ
Весенняго цвѣтка нѣжнѣе.
Какъ часто и душа и совѣсть въ васъ чиста,
Но лишній взглядъ, словцо, одна неосторожность,
Язвить злословью васъ даетъ возможность,
И ваша слава ужь не та.
Уже ли не глядѣть? ужель не улыбаться?
Не то я говорю; но только всякой шагъ

Вы свой должны обдумать такъ,
Чтобъ было не къ чему злословью и придраться.
Анюточка, мой другъ!
Я для тебя и для твоихъ подругъ,
Придумалъ басенку. Пока еще ребенкомъ,
Ты вытверди ее; не нынѣ, такъ впередъ
Съ нее сберешь ты плодъ.
Послушай, что случилося съ Ягненкомъ,
Поставь свою ты куклу въ уголокъ.
Разсказъ мой будетъ коротокъ.
Ягненокъ съ дуру,
Надѣвши волчью шкуру,
Пошелъ по стаду въ ней гулять.
Ягненокъ лишь хотѣлъ пощеголять;
Но псы увидѣвши повѣсу,
Подумали, что Волкъ пришелъ изъ лѣсу,
Взревѣли, кинулись къ нему, свалили съ ногъ,
И прежде, нежели опомниться онъ могъ,
Чуть по клочкамъ его не расхватили.
По счастью пастухи, узнавъ его, отбили;
Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ:
Бѣдняжка отъ такой тревоги
На силу доволокъ въ овчарню ноги;
А тамъ онъ сталъ хирѣть, потомъ совсѣмъ зачахъ,
И простоналъ весь вѣкъ свой безъ умолка.
А если бы Ягненокъ былъ уменъ,
И мысли бы боялся онъ
Похожимъ быть на Волка.

XXV.

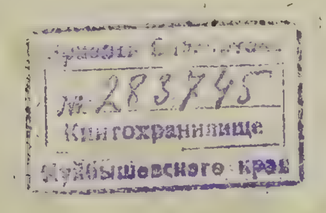
СОЧИНИТЕЛЬ и РАЗБОЙНИКЪ.

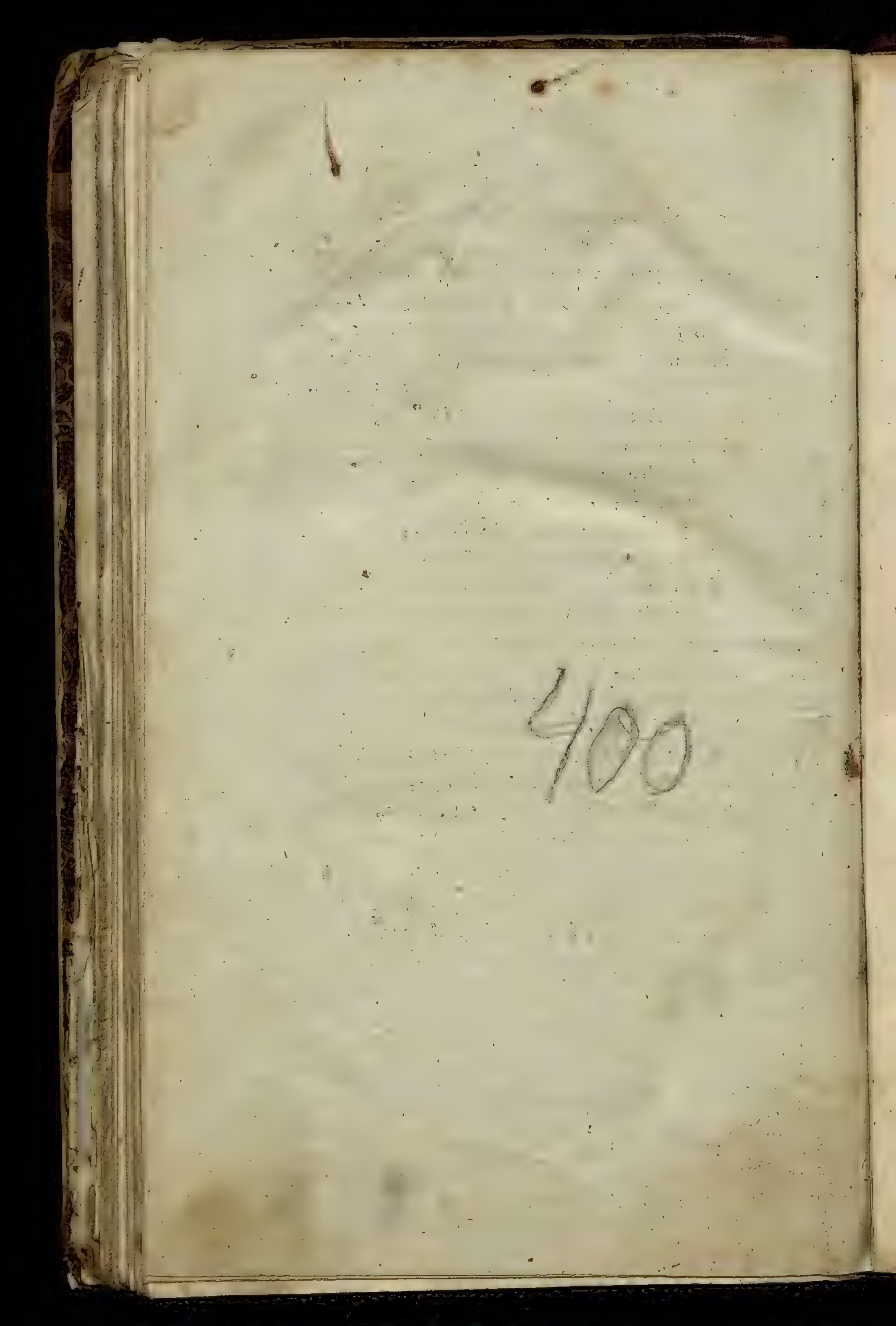
Въ жилищѣ мрачное тѣней
На судъ предстали предъ судей
Въ одинъ и тотъ же часъ, Грабитель:
(Онъ по большимъ дорогамъ разбивалъ
И въ пѣтлю наконецъ попалъ).
Другой былъ славою покрытый Сочинитель:
Онъ тонкой разливалъ въ своихъ твореньяхъ ядъ,
Вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ,
Былъ какъ Сирена сладкогласенъ,
И какъ Сирена былъ опасенъ.
Въ аду обрядъ судебный скоръ;
Нѣтъ проволочекъ безполезныхъ;
Въ минуту сдѣланъ приговоръ.
На страшныхъ двухъ цѣпяхъ желѣзныхъ
Повѣшены большихъ чугунныхъ два котла;
Въ нихъ виноватыхъ разсадили.
Дровъ подъ Разбойника большой костеръ ввалили;
Сама Мегера ихъ зажгла,
И развела такой ужасной пламень,
Что трескаться сталъ въ сводахъ адскихъ камень.
Судъ къ Сочинителю, казалось, былъ не строгъ:
Подъ нимъ сперва чуть тлѣлся огонёкъ;
Но тамъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣ разгорался.

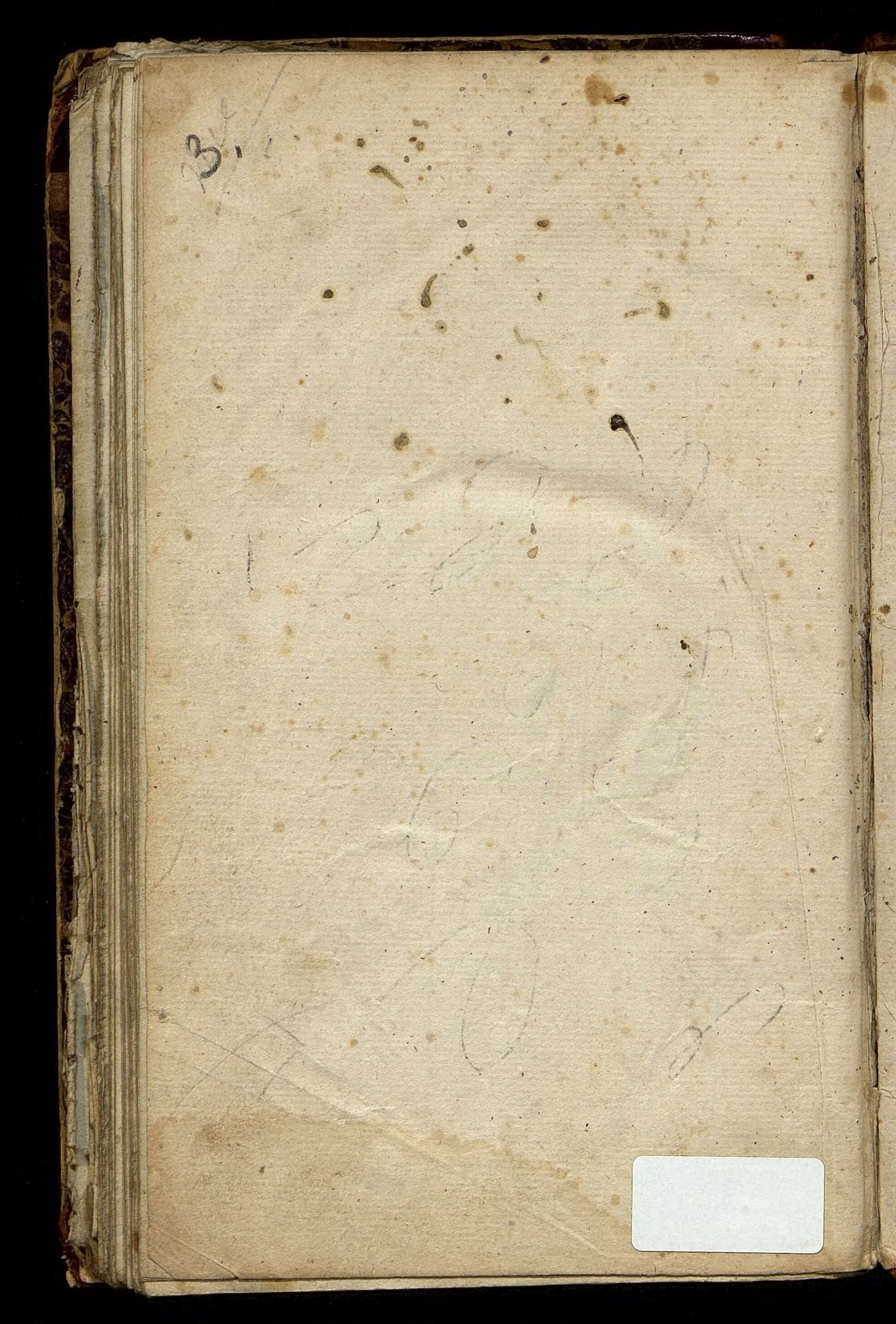
Вотъ вѣки протекли, огонь не унимался.
Ужь подъ Разбойникомъ давно костеръ погасъ;
Подъ Сочинителемъ онъ злѣй съ часу на часъ.
Не видя облегченья,
Писатель наконецъ кричитъ среди мученья,
Что справедливости въ богахъ ни мало нѣтъ;
Что славой онъ наполнилъ свѣтъ;
И ежели писалъ немножко вольно,
То слишкомъ ужь за то наказанъ больно;
Что онъ не думалъ быть Разбойника грѣшнѣй.
Тутъ передъ нимъ во всей красѣ своей,
Съ шипящими между волосъ змѣями,
Съ кровавыми въ рукахъ бичами,
Изъ адскихъ трехъ сестеръ явилася одна.
Несчастный! говоритъ она,
Тыль Провидѣнію пеняешь?
И тыль съ Разбойникомъ себя равняешь?
Передъ твоей ничто его вина.
По лютости своей и злости,
Онъ вреденъ былъ,
Пока лишь жилъ;
А ты! — уже твои давно истлѣли кости,
А солнце разу не взойдетъ,
Чтобъ новыхъ отъ тебя не освѣтило бѣдъ.
Твоихъ твореній ядъ не только не слабѣетъ,
Но разливаяся вѣкъ отъ вѣку лютѣетъ.
Смотри! (Тутъ свѣтъ ему узрѣть она дала)
Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которымъ ты виною.
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцевъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены? Тобою.

Кто осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальства власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
И связи общества рвался разторгнуть? — Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не тыль въ приманчивый, въ прелестный видъ облёкъ
И страсти и порокъ?
И вонъ упоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой;
Въ ней каждой капли слезъ и крови ты виной.
И смѣлъ ты на боговъ хулой вооружиться!
А сколько впредь еще родится
Отъ книгъ твоихъ на свѣтѣ золъ,
Ужель ты счёлъ?
Терпижъ, здѣсь по дѣламъ тебѣ и казни мѣра,
Сказала гнѣвная Мегера,
И крышкою нахлопнула котелъ.

Конецъ шестой и послѣдней части.

400

B.

